

РФ. А-3493

2. -1

СБОРНИК
СТУДЕНЧЕСКИХ
НАУЧНЫХ РАБОТ

Русская филология

1.

Per. A-3493

A-3493 -1

3493

ТАРТУСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

СБОРНИК
СТУДЕНЧЕСКИХ
НАУЧНЫХ РАБОТ

Русская филология

1.

ТАРТУ 1963

Per. Русская
A-3493 | филология.

1. 1963.

PI/44805

Tagastada	Pil.nr.	Allki
Kron 29.	572	
1977	1780	
Anderson 11.01.79	498	
3872	16.1.81	Журн
1981	10469	
Pikka 17.03.82	111	
Tamm 11.03.83	83	
1987	8630	
1991	13269	

РЕДАКТОР С. Г. ИСАКОВ
РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: Г. ВАСИЛЬЕВА, Т. ВЕРХОУСТИНСКАЯ,
Э. СИЙМАН.

Тартуский государственный университет
ЭССР, Тарту, ул. Ёликооли, 18

Сборник студенческих работ
РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ I

Ответственный редактор С. Исаков
Корректор А. Правдин

TRÜ rotaprint 1963. Trüki poognaid 10,5.
Arvutuspoognaid 8,2. Trüki arv 300.
MB 04526. Tell. nr. 1031.

Hind. 49 kop.

К истории чередования
заднеязычных со свистящими
в русском языке

Э. С и й м а н

В современном русском языке наблюдаются различные чередования звуков. "Чередования являются фонетическим средством передачи различий морфологического порядка, поскольку в них используются различные фонемы для передачи различных морфологических категорий".¹ Чередования в современном языке — морфологическое средство, но когда-то они относились только к фонетике. Источником чередования служит позиционное изменение звуков. Переход от позиционных изменений к чередованиям имеет следующие этапы: 1/ в определенной позиции звук изменяется в другой звук, причем отношение между старым и новым звуком является отношением между фонемой и ее вариантом; 2/ отношение между старым и новым звуком перестает быть позиционно обусловленным; 3/ новый звук появляется в условиях, где он не мог возникнуть фонетически; 4/ отношение между фонемой и ее вариантом превращается в отношение между двумя различными самостоятельными фонемами; отношение между фонемами морфологизуется.²

На протяжении истории языка чередования изменяются: они возникают, преобразуются и разрушаются.

В области чередования согласных важное место занимает чередование заднеязычных звуков с шипящими и свистящими — т.н. первая и вторая палатализации.

В общеславянском языке возможны были только твердые заднеязычные фонемы *g*, *k*, *ch*. В положении перед гласными переднего ряда *e, ъ, i, ъ, ѣ, ѣ /ѣ/* они переходили в шипящие звуки *ж, ч, ш*. Это явление принято называть первой палата-

¹ П. Я. Кузнецов, О возникновении и развитии звуковых чередований в русском языке. Изв. АН СССР, т. XI, вып. I, 1952, стр. 62.

² См. там же, стр. 64.

таллизацией заднеязычных. "Эти чередования наблюдаются как внутри одной лексемы, так и в различных словообразовательных формах от одного корня".³ Они происходили в настоящем времени глаголов I спряжения, в инфинитиве глаголов II спряжения на -ать, перед различными суффиксами, в звательной форме имен с основой на о.

Такое же смягчение у заднеязычных вызывалось и мягким полугласным звуком ь.

Чередование по первой палатализации морфологизовалось, и в преобладающем большинстве оно сохраняется в современном русском языке. Следствием его является чередование звуков к/с, г/ж, ч/ш в различных словах с одним и тем же корнем: беж - бежать, река - речка, сухой - судить. Однако имеется и тенденция выравнивания в глагольных основах. В говорах возникают формы совсем без чередования /пеку - пеком/ или же формы с новым чередованием к/к', д/д' /пеку - пек'ом и др./.⁴ Чередование же в звательной форме утратилось вместе с самой формой.

Вторая палатализация заднеязычных согласных является более поздней. Она происходила тогда, когда чередование "заднеязычный-шипящий" стало уже показателем морфологического порядка. Ее вызвали звуки ѣ/ѣ' и ѥ, происшедшие из дифтонгов аѣ, оѣ. Чаще всего чередованию подвергались заднеязычные в конце основы перед падежными или личными окончаниями, реже - в самой основе. В результате второй палатализации заднеязычные превращались в свистящие звуки х' (←dз'), ц', с'.

Изменение заднеязычных в свистящие звуки под прогрессивным влиянием гласных переднего ряда в рамках данной работы не затрагивается.

Замена заднеязычных свистящими наблюдалась при склонении именных основ на -а в дательном и местном падежах единственного числа и в именительном-винительном падеже двойст-

³ Там же, стр. 64.

⁴ См. П.Я. Кузнецов, Историческая грамматика русского языка, Изд-во Московского ун-та, 1953, стр. 28.

венного числа, при склонении основ на -о - в местном падеже единственного числа и в именительном и местном падежах множественного числа.

Например:

И. ед.	роука	соуха
Д. ед.	роуцѣ	соуцѣ
М. ед.	роуцѣ	соуцѣ
И-В. дв.	роуцѣ	соуцѣ

И. ед.	друзѣ	великѣ
М. ед.	друзѣ	велицѣ
И. мн.	друзи	велици
М. мн.	друзѣхъ	велицѣхъ

При изменении глаголов заднеязычные заменяются свистящими только в формах повелительного наклонения:

2,3 л. ед.	рьци	помози
1 л. мн.	рьцѣмъ	помозѣмъ
2 л. мн.	рьцѣте	помозѣте
1 л. дв.	рьцѣвъ	помозѣвъ
2 л. дв.	рьцѣта	помозѣта

Действие закона второй палатализации наблюдается и у наречий, образованных при помощи суффикса -е/-ѣ' от основ прилагательных, например: горцѣ.

Вторая палатализация произошла в доисторическую эпоху, но в течение XI - XUI вв. она устраняется, и заднеязычные к', г', ч' восстанавливаются в русском языке. Единственным остатком второй палатализации в современном языке можно считать форму именительного падежа множественного числа друзѣи /при другѣ/.⁵

Причиной восстановления заднеязычных является отремление к выравниванию основы, в конце которой происходило чередование. Как протекал процесс утраты чередования, об этом выска-

⁵ См. П.Я. Кузнецов, Историческая грамматика русского языка, Изд-во Московского ун-та, 1953, стр. 28.

заны следующие мнения.

Проф. А.А. Шахматов считает, что устранение чередования началось с имен с основой на -ск: дѣскѣ, Смольнскѣ.⁶ Такого же мнения придерживается и Л.П. Якубинский, считавший, что *к'*, *г'*, *ч'* появились в ограниченных размерах уже в XI-XII вв., а именно в сочетании -скѣ: воскѣ, дѣскѣ. Аналогичного происхождения он считает и написание Дѣмькѣ вместо Дѣмьцѣ в Минеях 1095 г. Мягкие заднеязычные появились еще в заимствованных словах: хѣровимѣ, китѣ и др. Однако П.Я. Якубинский не считает *к'*, *г'*, *ч'* в XI-XII вв. самостоятельными фонемами. Широкую лексическую базу звуки *к'*, *г'*, *ч'* получают лишь после превращения сочетаний *кч*, *гч*, *чч* в *к'и*, *г'и*, *ч'и*, которое произошло в южных говорах в XII в., в северных - в XIII-XIV вв.

Допускается даже мысль, что в некоторых северных говорах заднеязычные не подвергались изменению по закону второй палатализации.⁷

П.Я. Черных считает, что утрата чередования началась с множественного числа имен: "... форма именительного падежа на -и в I склонении была вытеснена формой на -и, одинаковой с формой винительного мн.ч. ... Окончание -ѣхѣ было вытеснено окончанием -ахѣ ... Таким образом, в конце концов осталось лишь чередование к:ц, г:з, х:с в единственном числе".⁸

А.А. Шахматов отмечает, что стремление избежать чередования при склонении основ на заднеязычные является причиной перенесения окончания -у из основ на -и для основ на -о уже в древнейшем языке.⁹

Высказано и мнение, что чередование различных звуков устранилось не одновременно. "В письменных памятниках /московского и иного происхождения/ первой половины этого века

⁶ См. А.А. Шахматов, Историческая морфология русского языка, М., 1957, стр. 327.

⁷ См. П.Я. Черных, Историческая грамматика русского языка, М., 1952, стр. 160-161.

⁸ Там же, стр. 160.

⁹ См. А.А. Шахматов, Историческая морфология русского языка, М., 1957, стр. 326.

/т.е. XVI - Э.С./ встречаются формы на -зѣ, значительно реже на цѣ и, в исключительных случаях, на -сѣ".¹⁰

Более сложным является вопрос о времени утраты чередования. По этому вопросу нет единого мнения среди ученых. П.Я. Кузнецов приводит высказывание Унбегауна о том, что в русском языке XVI в. чередование к/ц уже теряется, а чередование г/з является еще живым.¹¹

П.Я. Черных при анализе языка Уложения 1649 года пишет: "В склонении существительных с основой на заднеязычный согласный прежнее чередование к:ц, г:з, х:с, еще обычное в первой половине XVI в., почти окончательно устранилось в Московском приказном языке в сороковых годах XVII в. ..." ¹²

По мнению А.А. Шахматова формы с с, з, с держались, по-видимому, еще в XV - XVII вв.¹³

М.А. Соколова, изучив язык памятников XVI века, пришла к иному выводу: "Основы на заднеязычные /г, к, х/ в отдельных случаях сохраняют изменение их в соответствующих условиях в свистящие. Хотя в основном это изменение сохраняется в лексике церковного характера ..., но в самых скромных остатках сохранено еще это явление и в лексике бытового характера. В подавляющем же большинстве случаев заднеязычные сохраняются без изменения."¹⁴

О.А. Князевская в своем труде об истории русского языка середины XIV в. указывает на процесс выравнивания основы и употребление к', сч' перед и, но отмечает, что перед ѣ в

¹⁰ П.Я. Черных, Историческая грамматика русского языка, М., 1952, стр. 161.

¹¹ См. П.Я. Кузнецов, Историческая грамматика русского языка, Изд-во Московского ун-та, 1953, стр. 28-29.

¹² П.Я. Черных, Язык Уложения 1649 года, Изд-во АН СССР, М., 1953, стр. 258.

¹³ А.А. Шахматов, Историческая морфология русского языка, М., 1957, стр. 327.

¹⁴ М.А. Соколова, Очерки по языку деловых памятников XVI века, Изд-во Ленинградского ун-та, 1957, стр. 126.

исконно русских словах заднеязычные не встречались.¹⁵

Мнение, что чередование заднеязычных со свистящими было обычным явлением в XVI в., категорически отвергается В.М. Марковым. При анализе языка судебных книг XV - XVI вв. он пришел к выводу, что формы, где сохраняется свистящий, весьма редки. Они являются отражением искусственной письменной традиции, определенной условиями жанра.¹⁶

Из вышеизложенного следует, что, хотя первые случаи восстановления заднеязычных отражены уже в XI в., все-таки еще в XIV в. приходится считать чередование "заднеязычный-свистящий" живым явлением. Нет единого мнения о том, как обстоит дело в XV - XVI вв., но в XVII в., очевидно, чередование уже утратилось.

Целью данной работы является наблюдение за процессом восстановления заднеязычных согласных при формообразовании. В качестве исходного материала использован Уваровский список Московского летописного свода конца XV в.¹⁷ Этот обширный летописный свод начинается "Повестью временных лет" и обрывается на известиях 1492 года. По своему содержанию он является общерусским, а по происхождению - Московским. Рукопись относится к первой половине XVI в. Она вышла из печати в качестве 25 тома полного собрания русских летописей под редакцией М.Н.Тихомирова. Первые датированные события, описанные в летописи, относятся к 1072 году. События XI в. занимают первые 22 страницы памятника; XII в. - страницы 23 - 99; XIII в. - страницы 99 - 158; XIV в. - страницы 159 - 228; XV в. - от страницы 229 до конца.

¹⁵ См. О.А. Князевокая, К истории русского языка в Северо-восточной Руси в середине XVI в. Труды Института языкознания АН СССР, т. УИ, М., 1957, стр. 166-167.

¹⁶ См. В.М. Марков, Формы имен в языке судебных книг XV - XVI веков. Ученые записки Казанского гос. ун-та, т. II 6, кн. II, 1956, стр. 82.

¹⁷ Полное собрание русских летописей, т. 25, Московский летописный свод, М.-Л., Изд-во АН СССР, 1949.

Определенное затруднение связано с обстоятельством, что нельзя установить, с какой степенью точности писцы XVI в. воспроизводят текст более ранних веков. Поэтому материал мы располагаем не по столетиям, а по частям речи. При существительных рассматривается отдельно каждый падеж, в котором наблюдалось чередование.

Цифрами в скобках за формами мы обозначаем страницы летописи.

СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ I СКЛОНЕНИЯ Местный падеж единственного числа

В этом падеже случаев с восстановленным заднеязычным звуком в конце основы в собственных именах больше, чем в нарицательных.

Примеры из летописи: въ Божскѣ /23/, на Волоцкѣ /308/, на Волочкѣ /312/, в Лучскѣ /13/, в Городкѣ /54/, на Долобьскѣ /24/, въ Витебьскѣ /73/, на Мерьскѣ /107/, в Курскѣ /30, 155/, Корицьскѣ /156/, на Сквородкѣ /182, 319/, на Острожкѣ /316/, на Клопскѣ /317/, в Околоткѣ /320/, о Василкѣ /19, 20/ при Чжанибекѣ /202/, о Цамблакѣ /243 - 2 р./, в Почкѣ /297/, в городкѣ /176 - 2 р., 290, 297 - 2 р./.

Чередование сохраняется в словах: в/ъ/ Смолен/ьс/цѣ /12, 16, 24, 25, 74, 75, 125 - 3 р., 152, 212, 226, 231 - 2 р., 232, 248/, в Полт/ьс/це /14, 31, 32 - 2 р., 145/, в Проньсцѣ /93, 106/, на/в/ Устюжѣ /157, 226 - 2 р./, въ Божсцѣ /24/, въ Оболеньсцѣ /185/, на Волоцѣ /32, 45, 89, 114, 157, 210, 247, 268, 274, 311 - 2 р./, на Волоцѣ /107/, в Дьбряньсцѣ /39, 172, 268/, въ Изборьсцѣ /174/, в Можайсцѣ /250/, на Бетрѣце /271/, в полцѣ /80/, въ кружѣ /26, 208/, при внуце /118/, на лузѣ /55, 249/, на /о/ б/е/резѣ /б/е/резѣ /146, 158, 166, 201 - 2 р., 222, 238, 246, 282, 288, 328/, в недузѣ /237/, по Ярополцѣ /19, 34/, по Олзѣ /18, 155/, в язцѣ /136/, /объ/ версѣ /63, 109, 293/, /о/ гресѣ /152, 259/, в страсе /129/, на долзѣ /138, 181, 214, 229, 289/, на преступницѣ /144/, в мрацѣ /212/, по брацѣ /215 - 2 р./, о лусѣ /235 - 2 р./, на сороцѣ /247 - 2 р./, в доспѣсе

/265/, на нощьльзъ /22/, при посадници /28/, по праздниѣ /229/, на /о/ бозъ /всего 12 р./, на востоѣ /101,206, 231/, о листъ /322/.

Именительный падеж множественного числа

В именительном падеже множественного числа скреживаются два явления: разрушение чередования и взаимодействие окончаний именительного и винительного падежей. В именительном падеже часто вместе с заднеязычным появляется и окончание -и: ... тебѣ, своему государю, великому князю, челом бьют, посадник, ... и старые посадники /313 - 314/; ... а чего не възмогут управити намѣстники да и посадник /314/. В то же время в винительном падеже вместо законного окончания -и появляется -и после заднеязычных: ... и намѣстники Немецкие исковавъ посла в заточение в Новгород ... /134/; ... поми- на преже створения грехи свои ... /129/.

Примеры на заднеязычные в именительном падеже множественного числа: ... и игумени и священноиноки и иноци и вси священници ... челом бьют ... /316/; ... иже суть заклепани Александромъ Макидонскимъ нечистыя человѣки ... /17/; ... родивше же ся по что не умирохом, яко же преже бывши человѣки ... /140/; згорѣ ... Руси 4 человѣки /169/; ... не възмогут управити намѣстники /314/; и тако поидоша полки ... /270/; с ним же бѣ и царь Тахтамышъ ..., Нѣмци, Ляхи, ... Татарове, Волохи, Подоляне ... /229/; ... а на верхъ солнца дуга велика, на сѣвер роги /152/; ... а наши възметчики в Великомъ Новѣгородѣ възметную положили да и въ Псков приехали ... /312/; ... с ним была земля Литовская и Лявская, Чехы и Волохи ... /258/; мнози бо слепи, хроми, ... и глухи ... здрави быша /241/; ... и бояре ... и извѣтники и всѣ поидоша /305/; бяху се с ним и пушки и тофяки ... /247/; выидоша к нему с дары всѣ братеники Святославичи и всѣ князи ... /225/; и слыша людие, яко Туриискѣ суть /22/; ... бяху бо сѣдѣя по всей семи, а Изяслава Мѣстиславича посадники в Курскѣ ... /30/; ... и иные посадники и тысяцкие и бояря и жити мнози бити челом ... /306/; посадники встре-

чается еще /307,308 - 2 р., 312,313,314,316 - 4 р., 318 -2р, 319/. Форма посадники выступает и в звательном падеже: ... и вы, посадники, у меня же тогда были ... /306/.

Примеры с чередованием: отроци /9,13,22,196,223/, иноци /10,10,223,316/, постници /10/, человѣци /14,22,26,42,46, 67, 69-2 р., 76,78,141,147,152,168,187,207,235,257/, инопле- ме/нь/ници /16,26 - 2 р.,100, 108,216/, Печенѣзи /17 - 2 р., 27,28,75,118/, язьци /17,118,139,225/, намѣстници /154,176/, даньници /18/, врази /20,44,203,216/, волци /22,238,265/, полци /всего 34 р./, крузи /308, посадници /всего 26 р./, внуци /31,74,91,97/, началници /36,65/, грѣшници /80/, милостивници /84/, каменници /85/, стрѣлци /92/, патриарси /102/, лодеяници /106/, крестопреступници /111,148/, конници /119/, ратници /120/, облаци /124,308/, греси /129/, волсви /137 - 2 р./, мученици /138/, великомученици /139/, исповѣдници /139/, численици /142/, ворози /155/, кромолници /159/, должници /169/, разбоинници /186,189,191,192/, ушкуинници /186,189/, священ/и/ници /всего 19 р./, мниси /198/, Гречи /199,296,298,299 - 2 р./, поборници /207/, ученици /222, 310 - 2 р./, доспѣси /297/, прелестници /285/, развратници /285/, еретици /285/, противници /285/, плотници /289/, по-стриженници /310/, Торци /17 - 2 р., 28, 71,75,79/, прузи /16,25,97,127/, Чернии Клобуци /50,51,52,59,70,75,100/.

Местный падеж множественного числа

Этот падеж представлен сравнительно немногочисленными примерами.

Случай с заднеязычным: в пѣгах /126/, на городкѣх /214/, на Ключникѣх /320/, въ ушкѣх /219/.

Примеры на чередование: в иноплеменницах /139/, в полцѣх /112/, о посадницѣх /308 - 3 р., 309/, въ Ляскѣх /49/, в порозѣх /58/, о праздницѣх /72/, в розѣх /304/, на Уполозѣх /125/, на человѣцѣх /79/.

СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ II СКЛОНЕНИЯ

Дательный падеж единственного числа.

Примеры с заднеязычным: к /по/ Вяткѣ /189,280,283/,

/к/ Лукъ /146,322/, Шемякъ /252,263,264 - 2 р.,269/, Сенкъ /321/, к рѣчкѣ /251/, по середкѣ /283/.

Примеры со свистящими: к Ладозѣ /182/, по Ветлузѣ /189/, по /к/ Волзѣ /всего 23 р./, по /к/ Оцѣ /всего 10 р./, по Молозѣ /45/, к Колузѣ /327/, к рацѣ /24,294/, к /по/ рѣцѣ /всего 20 р./, по дорозѣ /всего 7 р./, дузѣ /101/, по пасцѣ /всего 6 р./, по д/о/оцѣ /133,165/, муцѣ /240/, владыцѣ /всего 31 р./, мацѣ /58 - 2 р./, к дцѣ /303/, к Телебузѣ /154,155/, князю Ивану Стризѣ /313,314,315,317,322/.

Местный падеж единственного числа

Примеры с заднеязычным: на Ляткѣ /183/, на Вяткѣ /232, 244,280 - 2 р., 282 - 3 р., 286/, на Каменкѣ /262/, на Березкѣ /262/, о Сенкѣ /321/, на горкѣ /315/, в застѣнкѣ /323, 325/, в околоткѣ /320/.

Примеры со свистящими: на Волзѣ /всего 7 р./, на Оцѣ /207,301/, Молозѣ /226/, на Калцѣ /120/, в Рузѣ /264/, в рацѣ /7,8,13,324,325/, на рѣцѣ /всего 45 р./, о владыцѣ /241/.

Именительный - винительный падеж двойственного числа

Примеров на этот падеж в памятнике совсем мало. Встречаются формы руцѣ /всего 37 р./, за нозѣ /41,61,138/ и рацѣ /294 - 2 р., 324/ с чередованием. Что же касается словосочетания двѣ дуги /283/, то здесь, по всей вероятности, мы имеем дело уже с именительным падежом множественного числа.

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

Чередование у прилагательных сохраняется более последовательно, чем у существительных. Восстановленный заднеязычный выступает в форме именительного падежа множественного числа преимущественно у прилагательного великий.

Примеры из летописи: ... и великие князи того казнятъ /320/; ... а государи бы наши великие князи с вами говорить ... /322/; ино мы, великие князи ... /316/; ... учнут великие князи с вами говорить ... /322/; ... князи великие приеде ... /325/; ... как государи наши великие князи ...

/318/; мнози бо слепии ... и глухи ... /241/; старосты улицкые /306/.

Случаи с чередованием: велици/и/ /всего 14 р./, в /на/ велицѣ /всего 22 р./, на велицѣм/ѣ /49, 54, 94/, велицѣ /дат. п. - всего 14 р./, велицѣи /род.п. - 50/, в глубицѣ /144,194,195,196/, в тяжце /всего 5 р./, крѣпце /66,253,257/, на высоцѣ /159,234/, въ Златоверѣи /73,79/, убози /223/, дици /70/.

МЕСТОИМЕНИЯ

Форм с заднеязычным в конце основы встречается мало: лишь именительный падеж множественного числа многие в различных вариантах написания и дважды форма другые /други/.

Примеры из памятника: ... стояша дни многи ... /105/; ... погорьша бо и церкви многи ... /134/; ... яви столпѣ огнень над телеси ею, сияющѣ пресвѣтлами зарями, а свѣщи многи горящи ... /139/. Так же многи /144/, многие /308,327/, многие /318/, многы /320/, другие /322/, други /144/.

Те же местоимения с чередованием: мнози/и/ /всего 126р./, друзи/и/ /всего 40 р./.

Кроме того представлены различные падежи единственного и множественного чисел: в мнозѣ, в мнозѣхъ, мнозѣмъ /всего 35 р./.

Остальные местоимения имеют только формы с чередованием /большинство этих местоимений утрачено современным языком/: неци/и/ /всего 11 р./, елицы /всего 14 р./, по колицѣх /169/, о селицѣ /210/, по толицѣх /294/, в толицѣ /62,245/, Толицѣи /29,225/, по неколицѣ /226/, в нѣколицѣх /150/, тацеми /255/, тацы /10 - 2 р./ 11/, кацѣм /10/, о селицѣ /210/, кацѣ /38/.

ПОВЕЛИТЕЛЬНАЯ ФОРМА

Случаев с заднеязычным нет. Свистящий звук в конце основы встречается 36 раз. Примеры из памятника: рци /9,31,40, 51,65 - 2 р., 242, 78,112 - 2 р., 133, 138/, нарци /242/, рците /9/, не мози /131/, /не/ мозите /21,42/, берези /35 - 2 р./, пост/е/рези /45,56,57/, стерези/ся/ /69,96/,

помози/те/ /50,135,140,146 - 3 р., 174,287/, поверзи/те/
/66,98/, пожи /106/. Встретилась еще форма воверзи /164/.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Если рассмотреть материал всего памятника в целом, можно заметить, что с чисто количественной стороны случаев с чередованием заднеязычных согласных со свистящими в конце основы больше, чем без чередования. Это обстоятельство однако не является доказательством того, что чередование в ХУ-ХУІ вв. было живым процессом.

Больше всего представлено примеров на к/с, меньше на г/з и сравнительно мало на ч/с.

Что касается чередования г/з, то подтверждается положение, что в ХУ в. и, по всей вероятности, даже в ХУІ в. чередование является живым процессом. Примеры на устранение чередования в летописи редки: х Кирепегъ /236/, в пѣгах /126/, роги /152/, многи /или многы, многие, многие - см. стр. 13/, другие /други/ /144, 322/.

В то же время формы с чередованием наблюдаются не только в словах церковного происхождения, но и в словах бытового характера и в собственных именах: к /в/ Ладозъ /132, 243/, по /въ/ Уствъзъ /157, 226 - 2 р./, по Велузъ /189/, по /на, к/ Волзъ /всего 30 р./, по Молозъ /45, 226/, в Рузъ /264/, к Колузъ /327/, по Олзъ /18,155/, к Телебузъ /154, 155/, князю Ивану Стризъ /313,314,315,317,322/, ворози /врази/ /155, 20,40,203,216/, Печенѣзи /17 - 2 р., 27,28,75, 118/, на нощѣлзъ /22/, крузи /308/, по дорозъ /54,81,82, 298,312 - 2 р./, на лузъ /55,249/, в порозѣх /58/, за нозѣ /46,66,138/, на б/е/резѣ /всего 11 р./, на/по,о/ бозѣ /всего 13 р./, дузъ /101/, на долзъ /138,181,214,229,289/, в тузѣ /239/, в розѣх /304/, в недузѣ /237/,прузи /всего 7 р./, на Уполозѣх /125/, убози /223/, мнози/и/ /всего 126 р./, друзи/и/ /всего 40 р./.

Примеров с ч/с в конце основы немного. Со свистящими написаны слова церковного характера, например: патриарси /102/, греси /129/, о гресѣ /152,259/, в страсѣ /120/,

мниси /198/, о дусѣ /235 - 4 р., 253/, в златоверсѣх /73, 79/, волси /137 - 2 р./; а также слова: в доспѣсе /215/; доспѣси /297/, версѣ /63,109,293/, противу мачесѣ /58 - 2 р./, въ лясѣхъ /49/, о лисѣ /322/.

Примеры с заднеязычным: Ляхи /229/, Волохи /229,247/. Влахи /258/, глухи /241/, Чехи /247/.

На основе вышеприведенных примеров никак нельзя утверждать, что чередование ч/с было присуще живому языку ХУ в. До 1400 г. нет примеров с ч в конце основы, но в ХУ в. случаи с с в словах нецерковного происхождения единичные, притом такие, что раньше уже представлены со свистящим; версѣ /293/, доспѣси /297/, о лисѣ /322/.

На чередование к/с, а также на восстановление к в конце основы имеется много примеров. Нужно отметить, что случаев с восстановленным заднеязычным в собственных именах больше, чем в нарицательных, причем бросается в глаза, что если слово встречается многократно, оно подвергается чередованию и формы с к совсем отсутствуют. Форма Оцѣ встретилась 12 р., руцѣ - 37 р., рѣцѣ - 65 р., полци - 34 р. /лишь раз полиц/. Если же мы имеем дело с обшественным именем, которое встречается случайно и является не особенно распространенным, то обычно находим его с к в конце основы, и это даже в начале летописи, начиная с ХІ в. Примеры: на Долобьскѣ /24/, въ Витебьскѣ /73/, на Мерьскѣ /107/, в Курскѣ /30, 155/, Корицьскѣ /156/, на Сквородкѣ /182, 319/, на Ляткѣ /183/, к /по/ Вяткѣ /189,280,283/, на Вяткѣ /232,244, 280 - 2 р., 282 - 3 р., 286/, на Каменкѣ /262/, на Березкѣ /312/, на Острокѣ /316/, на Клопскѣ /317/, в Околоткѣ /320/, о Василкѣ /19,20/, /к/ Лукѣ /146,322/, при Чганибѣкѣ /202/, о Цамблакѣ /243 - 2 р./, Шемякѣ /252,263,264 - 2 р.,269/, /о/ Сенкѣ /821 - 2 р./, в Почкѣ /297/ и др.

Эти многочисленные примеры с к /хотя и случаев с ц можно найти примерно столько же/ не дают нам права говорить о чередовании к/ц как о живом явлении в языке ХУ - ХУІ вв. Скорее мы имеем здесь дело с традицией. Многочисленные формы с с употреблялись по привычке, но когда при-

ходилось иметь дело со словом, до того неизвестным, в какой-то мере необычным, то при его изменении к сохраняется. Особенно относится это к именам собственным, но также и к форме ръчкѣ /251/, единственной таковой от слова ръчка в памятнике, в то же время, как формы от ръка, часто встречающиеся, имеют свистящий в конце основы. Следует еще отметить, что таких слов, от которых встречались бы формы как с к, так и с с, в летописи совсем мало.

Нет основания думать, что все вышеприведенные примеры с к — описки или исправления писца XVI в. /хотя и они, несомненно, имеются/. В какой-то мере в списке XVI в. отражается и язык подлинника, т.е. варианта более ранних веков.

Материал летописи не дает основания подтвердить положение, высказанное А.А.Шахматовым и Л.П.Якубинским, будто утрата чередования началась с имен с основой на -ск-.¹⁸ Наряду с формами на -ск- встречаются и примеры на -сц- примерно в таком же соотношении, как и остальные случаи:

-скѣ: в Божскѣ /23/, в Лучскѣ /13/, на Долобскѣ /24/, въ Витебскѣ /73/, в Курскѣ /107/, Корицкѣ /156/, на Клопскѣ /317/, на Березкѣ /312/.

-сцѣ: в Смоленъ/сцѣ /всего 17 р./, в Полтвѣсцѣ /всего 5 р./, в Проньсцѣ /93,106/, въ Божсцѣ /24,70/, въ Оболеньсцѣ /185/, в Дьбряньсцѣ /39,172,268/, въ Изборьсцѣ /174/, въ Любиньсцѣ /39/, в Лучсцѣ /47/, въ Юрпѣсцѣ /66/, в Можайсцѣ /250/, по /на/ дъ/сцѣ /133,165 — 2 р./.

Материал памятника наталкивает на вывод, что утрата чередования началась с собственных имен.

Нельзя также согласиться с П.Я. Черных, что выравнивание основы началось с падежей множественного числа и со-

¹⁸ А.А. Шахматов, Историческая морфология русского языка, М., 1957, стр. 327.

хранилось дольше в единственном числе.¹⁹ Что касается именительного падежа множественного числа, то окончание -ци явно преобладает над окончанием -ки, не говоря уже об окончании -зи. Окончание -си в словах нецерковного характера имеет только слово досѣси, -хи встретилось 5 раз /Ляхи, Волохи — 2 р., Влахи, Чехы, глухи/. Случаев с восстановленным заднеязычным в падежах единственного числа даже больше, чем во множественном числе.

¹⁹ П.Я. Черных, Историческая грамматика русского языка, М., 1952, стр. 160.

ЛЕКСИКА, СВЯЗАННАЯ С НАРОДНОЙ АСТРОНОМИЕЙ

К. Л у м е р а

Астрономия является одной из старейших наук. Уже в древние времена человеку приходилось ориентироваться в чужой местности, в особенности на море, по звездному небу. Со временем стали замечать, что появление на небе определенных звезд связано с наступающим сезоном дождей или морозов, с изменением погоды вообще. По звездному небу, кроме того, определяли и время дня. Так, например, В.И. Даль, описывая созвездие Большой Медведицы, добавляет, что по нему "крестьяне узнают полночь, говоря при этом: коромисел докачался".¹ С развитием торговли астрономия как наука, помогающая совершать дальние путешествия, приобрела уже важное государственное значение.

Русским в древности было хорошо известно звездное небо, о чем свидетельствуют сохранившиеся отчасти до нашего времени народные астрономические названия, которые являются исконно русскими по своему происхождению. Народные названия звезд и созвездий тесно связаны с географическим положением территории, местными промыслами, животным и растительным миром той или иной местности. Вместе с тем бросается в глаза, что созвездиям люди давали обычно названия тех предметов, которые часто встречались и употреблялись в их быту и были несколько сходны с ними по очертанию или по форме.

С изменением быта и жизни народа исчезли или преобразовывались те предметы, по которым данные созвездия получили свои названия. Во многих случаях сейчас именно по этой причине уже очень трудно установить этимологию того или другого слова, связанного с народными астрономическими представлениями. Несомненно, что эти народные названия представляют большой интерес не только для астрономов, но и для

¹ В.И. Д а л ь, Толковый словарь живого великорусского языка, СПб.-М., 1912, т. II, стр. 429.

филологов. Для астрономов они являются ценным материалом по изучению истории астрономии, а филологам они интересны как древний пласт лексики, имеющий большое научное значение для истории языка.

Цель моей работы — проанализировать народную астрономическую лексику, связанную всего лишь с тремя созвездиями, и сравнить русские названия этих небесных тел с эстонскими, учитывая в основном данные работы доц. П.Прюллера "Besti rahvaastronoomia" /"Эстонская народная астрономия"/. В работе рассматривается лексика, связанная с созвездиями Большой и Малой Медведицы, Плеядами и Орионом. В рамках каждого созвездия, перед анализом лексики, приводится в алфавитном порядке фактический материал, т.е. отобранная из словаря Даля астрономическая народная лексика. Вслед за рассмотрением русских названий анализируется и сопоставляется эстонская лексика. При каждом эстонском названии дается его транслитерация и перевод на русский язык /по работе доц. П. Прюллера/. В конце главы указывается на возможное сходство эстонских и русских названий. Таким образом, данная работа не только преследует цель установления особенностей лексики, связанной с народными названиями трех созвездий в русском языке, но пытается, вместе с тем, сопоставить эту русскую лексику с аналогичным эстонским лексическим пластом и установить элементы сходства или различия в астрономических представлениях русского и эстонского народов.

Следует оговориться, что изучение вопроса и выводы делаются в настоящей работе только на основании данных словаря В. Даля. В дальнейшем фактический материал должен быть дополнен и расширен за счет изучения других словарей и фактических данных живых русских говоров.

1. БОЛЬШАЯ И МАЛАЯ МЕДВЕДИЦЫ

Что касается названий Большой и Малой Медведицы, то уже в древнем мире эти два созвездия назывались *Ursae Major* и *Ursae Minor*, что в переводе на русский язык означает Большая и Малая Медведицы. При анализе лексики выясняется,

что эти созвездия являются самыми знакомыми и близкими русскому народу: Большая Медведица, кроме общеизвестного, официального названия, имеет в народе еще 13 названий, в то время как Малая Медведица имеет всего только 1 народное название. Следует отметить, что четкой границы между этими двумя созвездиями в народе не проводится, и поэтому некоторые названия служат одновременно наименованиями обоих созвездий. Поэтому мы рассмотрим их также вместе.

В "Толковом словаре живого великорусского языка" Владимира Даля приводятся следующие названия Малой и Большой Медведицы:

1. Воз вж. созвездие б. медведицы, лось, возница, колымага, прикол / I, 558 /.
2. Возница ж. Большая медведица, созвездие / кур. Оп. / / I, 558 /.
3. Кичиги ж. мн. сев. кичиги ж. мн. Оп. созвездие Б. Медведицы с полярной звездой, прикол, сохатый, вж. воз, так же зовут кичичами / П, 280 /.
4. Колымага / см. Воз /.
5. Конь на приколе / см. Коромысел, Медведица /.
6. Коромысел / коромысл м. оренб. Оп. / созвездие Большой Медведицы, по которому крестьяне узнают полночь, говоря: коромысел докачался; на юге воз, на вост. конь на приколе, на севере лось / П, 429 /.
7. Лось / лось ж. олон. Оп. / созвездие Большой Медведицы, воз прикол / П, 695 /.
8. Медведица ж. Большая и Малая медведица, два северные созвездия; первое также воз, конь на приколе, лось; в него входит полярная звезда / П, 813 /.

9. Прикол / см. Кичиги /.
10. Прикол / см. Лось, Воз, Сохар /.
11. Сохар созвездие большой медведицы, лось, прикол / IV, 361 /.
12. Сохатый / см. Кичиги /.
13. Стожары местами зовут так созвездие Медведицу, вж. воз, причислив к ней полярную звезду, которая и представляет стожар, кол, вокруг которого ходит лось или лошадь на приколе / IV, 540 /.

Что же говорят нам эти 13 названий? Их можно разбить на основе народных представлений на три группы: 1. Конь на приколе, 2. телега, 3. коромысел. Остановимся на каждом представлении в отдельности.

По народному представлению Полярная звезда в Малой Медведице и соответствующая ей по положению звезда в Большой Медведице представляют собой сохар или кол, вокруг которого ходит лось или конь на приколе. Поэтому в некоторых местностях созвездие называется Сохар и Стожары. А на востоке России Большую Медведицу называют просто Конь на приколе. На Севере распространено, наоборот, название Лось, по-видимому, потому, что в этой местности последний является главным тягловым животным. Отмечу, что иногда всё созвездие Большой Медведицы называется Приколом или Прикалом; вместе с тем, и Полярную звезду тоже иногда называют Приколом. В некоторых местах созвездие Большой Медведицы называют не только Лосем, но и Сохатым, поскольку на севере лось называют обычно сохатым.

Таким образом, с этим первым представлением связаны следующие названия: сохар, стожар, лось, конь на приколе, прикол, сохатый. Вторая группа наименований этого созвездия связана с его особыми очертаниями. Четырехугольные контуры созвездия Мед-

ведицы напоминают в какой-то мере телегу /повозку/, и по этому ряд названий указывает на это сходство созвездия с повозкой. Так, на это сходство указывает название созвездия **В о з**, распространенное главным образом в южной части России; в частности, в Курской области распространено близкое по значению наименование **В о з н и ц а**. Слово **к и ч и г и** означает в окрестностях Симбирска, Пензы, бывшего Нижнего Новгорода /Горький/ также особую телегу для перевозки снопов или сена. Поэтому, по-видимому, встречающееся там название созвездия Большой Медведицы "**К и ч и г и**" также связано с представлением о повозке. Вместе с тем, в Нижнем Новгороде сноповозную телегу, сноповозку, рыдван, орд называли также **к о л ы м а г о й**, что дало повод к названию созвездия **К о л ы м а г о й**.

Со вторым представлением связаны, по всей вероятности, названия **в о з**, **к и ч и г и**, **к о л ы м а г а**, **в о з н и ц а**.

Третье представление связано с понятием коромысла, причем следует отметить, что слово **к о р о м ы с е л** имеет два значения. Первое — одиночный водонос, лучковатый рычажок, которым на плече носят пару ведер. Это значение нам известно, но менее известно второе значение слова: **к о р о м ы с е л** — это шест, служащий рычагом при поднятии тяжестей. Возможно, что народное представление связано именно со значением шеста и четырехугольной по форме тяжести, которую он поднимает или поддерживает.

Вне этих трех наиболее ярко представленных групп наименований остается лишь общепризнанное название созвездия **Б о л ь ш а я и М а л а я М е д в е д и ц а**, которое встречается и в народных говорах. В данном случае возможно, что это наименование связано с представлением о повозке, т.к. в народе медведкой называют и двуколесную телегу для перевозки судна волоком.

П. П Л Е Я Д Ы

Известно, что по своему происхождению греческое слово

П л е я д а / Plejades / является собирательным названием для семи мифических дочерей титана Атланта, превращенных после смерти в семь звезд.

В русской народной астрономии это созвездие имеет 10 названий:

1. **Бабы** мн. созвездие плеяды, утиное-гнездо, волосожары, стожары / I, 83 /.
2. **Висожары** тиб. смб. волосожары, стожары, утиное гнездо, бабы, кучки, созвездие плеяд / I, 506 /.
3. **Волосожары** / м. / мн. вх. созвездие плеяд, утиное гнездо, стожары, висожары, кучки, бабы, клуб / I, 577 /.
4. **Ключи Петровы** вх. созвездие Плеяд, утиное гнездо, бабы, стожары, волосожары / П, 308 /.
5. **Клуб** / см. Волосожары, Плеяды /.
6. **Кучки** мн. умал. ннх. созвездие плеяд, утиное гнездо, бабы, стожары / П, 589 /.
7. **Плеяды** плеяды, плияды и мн. /лат. Plejades /, семисозвездие, купа звезд, в созвездии Тельца; стожары, висожары, волосожары, утиное гнездо, бабы, кучки, клуб / П, 308 /.
8. **Стажары** сев. созвездие плеяд, волосожары, утиное гнездо. Коли звездисто и стажар /созвезд. плеяд / горит — иди смело на медведя / IV, 540 /.
9. **Сожар** м. стажар, стожары, созвездие плеяд, утиное гнездо, волосожары / IV, 361 /.
10. **Утиное гнездо** созвездие плеяд, стожары, волосожары / I, 894 /.

Сразу же бросается в глаза, что созвездие Плеяд у рус-

ских связано чаще всего с таким словом, как стожары - сожар, visoжары, волосожары являются его вариантами. Это название распространено главным образом на Севере, на что указывает и приведенная В. Далем народная поговорка: "Коли звездисто и стожар горит - иди смело на медведа".²

Стожарам / корень стог-/ называется по Далю "целый ряд шестов или длинх кольев для долгой клады, для скирда сена или хлеба".³ Это подстожье изготавливается таким образом, чтобы сено продувало ветром и оно не гнило бы. Иногда стожары представляли собою плетеный кузов, но нередко они состояли просто из "подножья, четырех лежащих кражей, из стожара - стойки в середине, и при ней, для поддержки, четыре пасынка, подставки"⁴. Такое решетчатое подстожье в некоторых местах носит название сожар. Этим и объясняется наличие у созвездия добавочного, параллельного названия: Стожары и Сожар. В словаре Ушакова дается следующее упрощенное объяснение слова стожары: "Группа шестов, располагаемых клеткой или конусообразно для просушки на них сена".⁵

На сенокосе - в особенности в тех местностях, где нет дорог - в большом употреблении были также и волочки или волока. Они представляют собой пару целиком срубленных тонких берез, на которых и происходило транспортирование копен сена волоком. В окрестности Казани такое приспособление для сена называют волочугой. Оно выглядит здесь следующим образом: основа - это две длинные жерди, концы которых волочатся по земле, а посредине находится плетеный кузов. Эту плетеную часть под названием

² В. Даль, ук. изд., т. IV, стр. 540.

³ В. Даль, ук. изд., т. IV, стр. 539.

⁴ В. Даль, ук. изд., т. II, стр. 1825.

⁵ Толковый словарь русского языка, ред. Д.Н. Ушаков, т. IV, М., 1940, стр. 524.

волосожары русские и "перенесли", так сказать, на небо; они называли Плеяды Волосожарами. Первая часть названия воло - является, по-видимому, сокращенной формой от слова "волока", а значение второй части слова сожар выше уже объяснено.

В названии visoжары вторым компонентом слова является тот же самый корень сожар, но первая часть слова иная: она происходит от глагола вить, что как бы указывает на решетчатость этой части повозки, на способ ее изготовления / ее вьют, или плетут /.

Иногда такое подстожье делалось только из двух срубленных берез, и в таком случае сено клали не в плетеный кузов, а на клуб дерева, т.е. на его сучья и ветви, на крону. Так, по-видимому, произошло название созвездия Клуб.

Наименование Утиное гнездо также связано с сенокосом, т.к. оно означает в говорах опять-таки подстилку для стога. Первая часть его "утиное" образовано от слова "утинок" /ути/, а утинок - это "полтора промежка сена", а промежек - "часть зарода /долгого скирда/ между двух стожаров /колев/".⁶ Итак, утиное - это прилагательное, образованное от слова "утинок", являющегося названием определенной части длинного скирда. "Гнездо" такого утинка, по всей вероятности, означает его подстилку.

Названия Кучки и Бабы также связаны с сенокосными полевыми работами. Так, известно, что в Новгородской и Тверской губерниях копну сена называли кучей, а маленькие копны - кучками. Вместе с тем, в русских говорах баба, помимо своего общераспространенного значения /замужняя женщина, иногда и девушка/, в некоторых местностях означает особое приспособление для подстожья, состоящее из ряда втыкаемых в землю колев или столбов.

⁶ В. Даль, ук. изд., т. III, стр. 1294.

Несколько особо стоит название **Ключи Петровы**, приведенное у Даля с пометой "вжное". Это церковное по своему характеру представление нуждается в дальнейшем исследовании истоков его происхождения.

Все остальные наименования связаны с полевыми работами - в основном с сенокосом, с теми или иными видами приспособлений для метания стогов.

III. О Р И О Н

Название этого созвездия имеет также мифологический характер: так назывался охотник богини охоты Артемиды, убитый ею из ревности и помещенный богами на небо в виде созвездия.

Среди русского народа созвездие Ориона носит 9 названий, а именно:

1. **Кагачи** - кигачи м. мн. юж. созвездие Перевясло, Орионов-пояс, сохатый, три-царя / П, 172 /.
2. **Кигачи** - /см. Кагачи /.
3. **Кичиги** - юж. мн. сев. / кичиги ж. мн. ирк. Оп./ три-царя, сохатый слб., кичаги юж., созвездие Орион, или пятизвездие, образующее пояс и меч его /П, 280 /.
4. **Кичиги** - / см. Кичиги /.
5. **Орион** - м. одно из созвездий у равноденственника / П, 1790 /.
6. **Орионов-пояс** - три яркие звезды в этом созвездии /см. Кагачи/.
7. **Перевясло** - /см. Кагачи /.
8. **Сохатый** - / см. Кагачи, Кигичи /.
9. **Три-царя** - /см. Кагачи, Кигичи /.

В основе всех этих наименований лежит уже иной вид крестьянского труда - молотьба, причем сходство созвездия **Ориона** с орудиями молотьбы отмечают и многие другие

народы. Так, на русском Севере это созвездие называлось **Кичигами**, а **кичига** - это старое название молотила. В словаре В.И. Даля оно описывается следующим образом: "... выгнутая, стручная палка, с плоскатым концом, особ. для обоя колокольца со льна".⁷

Там же / т.е. на русском Севере / встречается и вариантное название этого орудия в форме **Кичиги**, которое является более древним по происхождению. Известно, что на севере процесс перехода **ки > ки** закончился значительно позже /в XIV веке/, чем на Юге, тем и объясняется, по-видимому, наличие сочетания **кы** именно в северном варианте названия / **Кичиги** /, которое затем дало параллельное образование с **ки** - **Кичиги**. На русском Юге то же созвездие называется **Кигачи**, причем можно предположить, что этот вжный вариант названия образовался в результате перестановки слогов: **ки - чи - га** /мн.ч.кичиги/ перешло в **ки - га - чи**.

В Сибири созвездие **Ориона** называется, кроме того, **Сохатым**; в основе этого наименования лежит слово **соха**, первоначально означавшее **шесть**, **жердь** или **цельный лесину**. Слово "**соха**", в свою очередь, происходит от глагола "**сохнуть**", т.к. для сушки дерева раздвигали с конца "**сухую** древесину", в результате чего она получала вилообразную форму. Можно предположить, что созвездие Ориона получило свое наименование по сходству с такой древней сохой, имеющей **V**-образную форму. Вместе с тем, **сохатым** называли и зверей с роговыми /рогами/, например, лося, оленя. **Соха** имеет еще одно интересное древнее значение - **приклад лука**. В словаре В.И. Даля говорится, что соха - это "**приклад или ложа самострела**". Самострелом называли лук с прикладом /со взводом и спуском/. Это оружие было в большом употреблении именно среди сибирского населения.

⁷ В. Д а л ь, ук. изд., т. II, стр.

В народном представлении три звезды в созвездии Ориона как бы образуют пояс, что и привело к появлению народных названий *Орионов-пояс* и *Перевясло*. Значение последнего слова в словаре В.И.Даля объясняется следующим образом: перевясло — это "пояс, опояска, перевязушка, чем пук или купа связаны; пояс снопа, скрутьень".⁸ Следовательно, в названии *Перевясло* имеется в виду та же поясообразность созвездия Ориона, сходство его с поясом, обозначенным исконно русским по происхождению словом. Любопытно отметить, что в данном случае это чисто русское название обозначает не простой пояс, а скрутьень, пояс снопа, имеющий хозяйственное значение. Те же три звезды называются иногда сочетанием "*Три-царя*", имеющим церковный характер. Этому названию мы коснемся несколько ниже при рассмотрении соответствующих эстонских наименований.

*

При сравнении рассмотренных выше русских народных астрономических названий с эстонскими устанавливаются довольно интересные параллели по каждому созвездию в отдельности. Малая и Большая Медведицы имеют в эстонской народной астрономии всего только два названия *Väike Vanker*, *Suur Vanker* и *Rattad*.

В работе доц. П. Прюллера эти названия переведены на русский язык следующим образом: *Suur ja Väike Vanker* — Большая и Малая Телега; *Rattad* — Колеса, но следует отметить, что в эстонских диалектах слово "*rattad*" употребляется до сих пор также и в значении *повозки* или *телеги*. По-видимому, в обоих случаях в основе наименования созвездия Большой и Малой Медведицы лежит сходство их очертаний с *повозкой*. Это позволяет провести параллель между указанными выше эстонскими названиями и такими русскими древними наименованиями, как *Воз*, *Воз-*

⁸ В. Д а л ь , ук. изд., т. III, стр. 102.

ница, *Кичиги*, *Колмага*, поскольку все они тоже означают различные виды повозок или телег.

Созвездию *Плеяд* в эстонской народной астрономии дается всего одно название — *Uus Sael*, переведенное в указанной выше работе сочетанием *Новое Сито*. Таким образом, созвездие *Плеяд* в представлении эстонцев оставляет впечатление чего-то решетчатого, плетеного. Русский плетеный кузов или подстожье, пожалуй, в каком-то смысле в этом отношении близки эстонскому *ситу /sael/*, также как и исконно русские названия *Стожары*, *Сожары*, *Волосожары* и *Висожары*, описанные в работе несколько выше.

Созвездие *Ориона* в эстонской народной астрономии имеет довольно много различных наименований: *Uued Sauatähed*, *Odatähed*, *Ojatähed*, *vardatähed*, *Ridatähed*, *Koot ja Reha*. В русском переводе работы доц. П. Прюллера даются, по-видимому, не всегда удачные и приемлемые переводы этих эстонских названий. Так, например, *Uued Sauatähed* переводится "Звезды Новой Палки", что в обратном переводе /с целью проверки/ на эстонский язык дало бы *Uue Keri Tähed*. В эстонском названии определение *uued /новые/* следует отнести к главному компоненту сложного слова — *tähed /звезды/*; кроме того, эстонское *saui* это не *палка*, а скорее *посох*, *шест*. Думается, что вернее было бы перевести это название на русский язык выражением "Новые Звезды Посоха".

В русском переводе названия *vardatähed /Звезды Стержня/* автор, в свою очередь, не учел, что первая часть этого сложного слова может иметь два значения: *varras*, *var'da*⁹ — стержень, и *var't*, *varda*¹⁰ — цеп. Здесь мы имеем

⁹ Õigekeelsuse sõnaraamat, Tallinn, 1960, lk. 736.

¹⁰ Там же, стр. 737.

дело, по-видимому, со словом *vart*, у которого форма генетива отличается от генетива слова *varras* долготой /*varras*, *varda* - II степень долготы, а *vart*, *varda* - II степень долготы/. Учитывая эти дополнительные данные, *vardatähed* можно было бы перевести **З в е з д ы Ц е п а**, а не **З в е з д ы С т е р ж н я**.

В сложном названии *Koost ja Reha* /Цеп и Грабли/ первая часть обозначает древнее орудие молотьбы, которое состоит из двух привязанных друг к другу веревкой, ремнем или лыком частей. Такое объяснение дается этому слову в эстонском словаре на стр. 296: "*koost*", *koost*¹⁶⁷ *endisaegne rehepeksuriist, piit* .^{4.2} ". II В эстонском словаре 1960 года это слово объяснено следующим образом: "*var t, varda*⁶⁴ *etn., ühest puust rehepeksuriist* "¹². В эстонской энциклопедии оно описывается еще более подробно: "*vart, etn., rehepeksuriist kõveraks kasvanud või painutatud noore puu tüvest; tarvitusel nüüdisajalgi Lääne-Bestis ja saartel* ..." ¹³

Таким образом, как название "*Koost ja Reha*", так и "*vardatähed*" можно сопоставить с русскими **К и ч и г и - К м ч и г и**. В обоих случаях мы имеем дело с особым видом орудия молотьбы, причем русские сравнивают созвездие с двумя цепями /кичиги/, а у эстонцев одно из названий связано с представлением о цепи и граблях. Поскольку именно во время жатвы созвездие **О р и о н а** исключительно четко вырисовывается на небосклоне, вполне понятно, что оба народа - и русские, и эстонцы - сравнивают это созвездие с теми орудиями труда, которые играли в их жизни такую большую роль.

Все остальные названия **О р и о н а** в эстонской народной астрономии относятся только к тем трем звездам этого

II *õigekeelsuse sõnaraamat*, lk. 296.

¹² Там же, стр. 737.

¹³ *Besti entsüklopeedia*, VIII köide, Tartu, 1937.

созвездия, которые расположены по прямой линии - *Üued Saue-tähed* : *Ridatähed* : *Odatähed* и *Ojatähed*.

Следует отметить, что поскольку "*oda*" в эстонских диалектах употребляется также в значении "*oja*" /ручей/, последние два наименования /*Ojatähed* и *Odatähed* / можно считать вариантами одного названия "**З в е з д ы Р у ч ь я**".

В этой группе эстонских названий точек соприкосновения с русской астрономической лексикой мною пока не установлено.

В заключение краткого обзора эстонской астрономической лексики в плане сравнения последней с русской народной астрономией отмечу, что в работе доц. П. Приллера почему-то опущено еще одно эстонское название трех звезд Ориона, а именно: *Kolme Kuninga Tähed*, которое известно прежде всего на юге Эстонии. Это имеющее религиозный характер название имеет тесную связь с русским народным наименованием "**Т р и ц а р я**", причем можно в данном случае говорить о переводном заимствовании из одного языка в другой.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

I. Изучение народной астрономической лексики дает возможность познакомиться с древним лексическим пластом народного языка, с многозначностью, богатством значений отдельных древнерусских лексических единиц. Вместе с тем, выясняется, что некоторые понятия служат одновременно названиями нескольких созвездий. Так, например, **К и ч и г а м и** называются в основном созвездие **О р и о н а**, но иногда и **Б о л ь ш о й М е д в е д и ц ы**; **С о х а т ы м** - созвездие **Б о л ь ш о й М е д в е д и ц ы**, но иногда так называют и **О р и о н**; **С т о ж а р ы** - название **Б о л ь ш о й** и **М а л о й М е д в е д и ц ы**, но иногда и созвездия **П л е я д ы**. По-видимому, в каждом отдельном случае при употреблении того или другого названия в основу берутся различные лексические значения одного слова. Возможно также, что такое смешение названий вызвано просто отмиранием, забвением точных названий того или иного созвездия.

2. На основании этих лексических, крайне недостаточных

А. М я г г и
У. В а х т е р

Развитие одежды происходило в тесной зависимости от развития производства и культуры общества. Известно, что древнейшими видами одежды были плащи из шкур животных, а также из листьев и древесной коры. В эпоху палеолита одеждой служили уже шитые звериные шкуры. В эпоху неолита человек научился искусству плетения, прядения и ткачества, используя первоначально волокна дикорастущих растений.

Только переход к земледелию и скотоводству дал возможность использовать для изготовления тканей волокно культурных растений /льна, конопли, хлопка/, а также шерсть домашних животных. С этого времени стали носить одежду, сшитую из ткани, причём различают два основных её вида: плечевую и поясную одежду.

Плечевая одежда развилась из первобытных плащей и впоследствии дала тогу /верхняя мужская одежда у древних римлян/, а поясная развилась из древнего набедренного прикрытия, от которого происходят наши современные передник, юбка и штаны.

Развитие самих форм народной одежды связано с приспособлением её к условиям географической среды, а также к хозяйственной деятельности человека, к основным трудовым процессам той или иной местности. Так, например, уже в глубокой древности Студентки А. М я г г и и У. В а х т е р в течение ряда лет занимались сбором лексики, связанной с народной одеждой на территории русских говоров в Эстонии. Изучение одежды о.Пийрисаар является составной частью их общего исследования особенностей словаря русского населения ЭССР, касающегося народной одежды этой местности.

Р е д а к ц и я.

фактических данных устанавливается, что сравнение с жизненно-важными процессами и орудиями труда легли в основу названия созвездий. При сопоставлении же эстонских и русских астрономических названий мы сталкиваемся с несомненными точками соприкосновения, со сходством в этих представлениях. Так, в русском народном языке созвездие Большой Медведицы называется В о з , В о з н и ц а , К и ч и г и , К о л и м а г а /виды повозок и телег/ - в эстонском ему соответствует Suur Vanke /Большая Телега/ и Rattad /Телега/; Плеяды в русской народной астрономии называются В о л о с о ж а р ы и В и с о ж а р ы - в эстонском языке им соответствует Uus sael /Новое Сито/ и т.д. Несомненное совпадение представлений двух народов наблюдается и в названиях Ориона: русским К и ч и г и , К ы ч и г и соответствует эстонское название Koot ja Reha ж Vardatähed.

3. Несмотря на сходство в представлениях в астрономических народных названиях русских и эстонцев, прямых заимствований не устанавливается. В известных случаях можно, по видимому, говорить о переводных заимствованиях, но для доказательства направления заимствования требуются дополнительные фактические данные /Kolme Kuninga Tähed - Три-царя/.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. В.И. Д а л ь , Толковый словарь живого великорусского языка, СПб. - М., 1912.
2. П. П р и л л е р , Эстонская народная астрономия. Машинопись. Кафедра общей физики, ТГУ.
3. Толковый словарь русского языка под ред. Д.Н. Ушакова, М., 1940.
4. С.И. О ж е г о в , Словарь русского языка, М., 1960.
5. Õigekeelsuse sõnaraamat, Tallinn, 1960.
6. П.С. К у з н е ц о в , Русская диалектология, М., 1960.

древности у народов, занимавшихся кочевым скотоводством, сложился особый тип одежды, удобный для верховой езды. Она состоит из широких штанов и распашной одежды с глубоким запахом /как у мужчин, так и у женщин/.

Несомненно, что именно с развитием профессий появляются разнообразные виды профессиональной одежды /одежда рыбаков, охотников, воинов/. Вместе с тем, народная одежда в сильной степени отражает также и социальные различия. Так, в классовом эксплуататорском обществе одежда ярко отражает социально-экономическое неравенство богатых и бедных. В одежде господствующих классов наблюдается резкое отличие в покрое, материале и, в особенности, в украшениях. Одежда бедных во всех отношениях проще и дешевле.

В процессе развития народностей возникает народный костюм, в котором отражается специфика культуры и художественный вкус каждого отдельного народа. Типы русской народной одежды весьма многообразны. Они сохранились в своих основных чертах в крестьянской среде до XX века, но в настоящее время мы узнаем о них лишь по рассказам представителей старшего поколения.

В соответствии с областными особенностями различаются два основных вида русской народной одежды:

1. южнорусский /южновеликорусский/ комплекс;
2. севернорусский /северновеликорусский / комплекс.

Известно, что женский костюм южнорусского типа состоял из рубашки, украшенной вышивкой или сшитой из узорной ткани, и панёвы, т.е. своеобразной юбки из нескольких, иногда не полностью сшитых, полотнищ шерстяной ткани.

Севернорусский женский костюм состоит из рубашки и сарафана. Сами термины "панёва" и "сарафан" являются в настоящее время своего рода лексическими синонимами оканья и аканьянья /на Севере окант и носят сарафан, а на Юге акант - якант и носят панёву/, хотя история этих двух слов значительно сложнее, чем кажется. Лексические словарные статьи по этим двум важным терминам должны отразить всю историю обоих понятий.

Целью нашей работы является изучение лексики, связанной с народной одеждой в русских говорах на территории Эстонии. В данной небольшой работе коснёмся этого вопроса лишь частично: рассмотрим и попытаемся сделать соответствующие выводы на основе анализа лексики, записанной на острове Пийрисааре. Выводы по этой лексической тематике помогут определить этногенез носителей пийрисарского говора, связь его с другими диалектными территориями русского языка.

I

Учитывая основной признак комплекса женской одежды /сарафан-панёва/, женская одежда острова Пийрисаара должна быть отнесена к северному типу, так как главными частями её являются сарафан и рубашка. Вместе с тем, сразу же бросается в глаза, что женщины строго различали одежду будничную и праздничную: праздничную одежду шили из более дорогой ткани, больше украшали. Для работы шили одежду из грубой ткани, большей частью домашнего изготовления. Простые пийрисаарские крестьянки носили холщовую рубашку, которую называли ещё станухой :

што́ руба́ха /што́ стану́ха /
ф'с'о а́но //
При́чем, /ёсл'и жарка / в а́ных руба́хх
хади́л'и //

Как же выглядели эти рубахи?

Приведем запись речи:

сп'ирва́ как ко́хту д'эль /у с_рукава́м //
рукава́ так' и дл'ины /е с_бри́жкьм /
сво́ ирал' и в збо́рку // рукава́ в' ины́ с_път
с_сара́фана // во́рэт д'эль'и сто́ /ьчкь / /
пады́шкь / ла́стыфка / збоку кл'ин' /и /
во́рэт на н' итку //

Праздничные рубахи были вышиваны /е / шалко́вы /е /
/ это верхняя их часть /.

Н' илн' а час'т' /стан - из простой материи.
Т'ан'ёр' у_мало́дых и_ста́рых плат' /а /

а ра́н'ше сѣрафа́ны пѣ_зим'и влак'ис' //

Как же выглядели местные сарафаны? Их одевали поверх рубашки.

Сарафан был с_бру́д'ьм и с_пра́ма́м // про́ /
мы накр'ьст // сѣрафа́ны д'ельди и с_убо́р-
кѣ / обора / / цв'ѣту ф'с'акѣва был'и // ф'пра́з-
н'ик'и нас'ил' и полушолкѣвые / къшам'и -
рѣзые и шырст'инье сѣрафа́ны //

Кроме рубахи и сарафана, в качестве верхней одежды обычно носили казавейки или кацавейки. Эта одежда заменяла женское пальто :

къзав'ѣк'и дл'инь был'и / и каротк'и /
полы вышиваны // у_ма́т'ьр'и къзав'ѣка
была / нас'ил'и св'ѣрху / у_пк'и // ф'ран'ѣ -
л'ивые был'и с_ка́ма́м разным // св'ѣрху
и_су́кно мо́г'ит бы́т' //

И опять различие между будничной и праздничной одеждой:
шыка́рны_е был'и из_ба́к'и ил'и ф'ран'ѣ -
л'и // бу́ву нас'ил'и ис_ко́т' и ка / апклада́-
л'и къзав'ѣк'и //

Кроме казавейки, в качестве верхней одежды носили так-
же шугай, но это была в основном одежда богачей.

шуга́ / / је́та нал'ту́ха дл'и́на же́н'ска /
м'ѣх сн'изу / нѣ_сп'ин'ѣ склатка // краси́ые
и л'иловые был'и / и_гълуби́е // шуга́и
у_бъга́че́ был'и // м'ѣх шол л'ис'и с_хвас-
та́м //

Особо следует остановиться на головных уборах. Устанавливаются различия прежде всего между головными уборами замужних женщин и девушек. Девушки покрывали голову платками, а замужние женщины с первого дня замужества должны были носить повойник, а уже поверх повойника платок. Ходить с непокрытой головой для замужних женщин считалось позором и грехом. Повойник — это древнейший вид головного убора замужних женщин всех славян, но у каждого народа он получил

свое особое название. Повойником называют его не только у русских, но и у белоруссов.

З_го́ль гълаво́ / н'ѣ_хад'ил'и / дѣвушк'и
нас'ил'и шолкѣвы платк'и / пал'и
пуховы / нѣ_канца́х шар'ик'и на_н'и́тъч-
кѣх / з'имо́ / суко́ны платк'и и ра́зны
ф'кл'ѣтку с_к'истка́м // с_ка́ма́м / с_у -
ра́м /узором / // в_ма́йо́ / ма́т'ьр'и то́-
же паво́н'ик был // как_за́муш вы́шла /
ми'ѣ то́же на́д'ѣл'и паво́н'ик // бы́л'и
прасты́е и шалко́вые / палу́че / пѣкра-
си́вые // бо́л'ше /арк'и_е цв'ита́ //

Скажем несколько слов и о женских украшениях. Уже с давних времён русские женщины носили серьги, которые продевали в уши в детстве, а затем носили всю жизнь. Украшения были простые и дорогие. Бедные люди могли носить, конечно, лишь простые, недорогие бусы, брошки и кольца, но зато богатые носили в качестве украшения в праздники золотые кольца и часы, причём женщины носили в старину часы не на руке, а на шее —

бу́сы нас'ил'и / ра́зны_е с'ѣр'г'и // с'ѣр'г'и
нѣ_д'авал'и и нас'ил'и ф'с'о вре́м'я //
ко́л'ца зѣлаты з_гласкѣм был'и // ча́сы
бо́л'шы ба́бы на_ше́_е нас'ил'и // бро́шк'и
ра́зны_е ф'игу́рны_е бы́л'и / у_б'ѣнх н'ѣ
брусл'ѣтъф / н'ѣ_зѣлатых кол'цыв'ѣ_н'ѣ
была //

Таковы в общих чертах те данные относительно характерных особенностей комплекса женской одежды на острове Пийрисааре, которые нам удалось собрать во время летней экспедиции 1960 года.

Учитывая приведённые выше языковые данные, касающиеся названий женской одежды на острове Пийрисааре, отметим прежде всего в лексических диалектизмах особые местные характерные особенности как в именах существительных, так и в

глаголах и прилагательных.

1. бува́ - лит. боа, склоняется, как и "пальто", "радио".
из па́л'ту́кх бу́ву нас'и́л'и //
/воротники из меха /.
2. мане́р, моде́ль - в значении "фасон", "выкройка", "покрой".
во́рэт как т'ап'е́р' / ма́л'е́л' бы́ла
а́дн'а / рука́ф друго́ва ман'е́ра
/ т. е. друго́го фасона /.
3. до́лгий - в значении "длинный".
шуга́и до́лг'и́је бы́л'и и каротк'и́је //
4. ша́лко́выј - лит. шёлковый
/ как и мо́ло́дый /
в ма́јо́ј ма́т'е́р'и бы́ла тр'и ша́лко́вых
касы́нк' и //
5. цире́левый - сиреневый
В данном случае возможно влияние эстонского
языка - эст. "sirel"
/у́пка цире́л'ьвь'а бы́ла //
6. ку́пить - покупать
по́'ус а́л'и в ла́фкх ку́п'а́л'и /
а́л'и са́м'и пра́л'и //
7. вти́снуть - в значении опустить, погрузить.
/у́пка цыр'е́л'ьвь'а бы́ла / па -
то́м ф'т'исну́та ф'краску //
8. воло́чься - я валкусь, они валкутся - в значении воло-
читься.
сбра́фаны валку́тс'я дэ́з'амл'и //
9. ла́дить - на русском Севере этот глагол употребляется
обычно в значении "починять", "исправлять".
В Пийрисааре значение его расширяется - ладят
также новые предметы, вещи /он имеет здесь
скорее значение "делать", "изготавливать" /.
по́ршн'и ла́д'и́д'и ис'ко́жы /

10. му́хта и ко́хта - замена и переход ф в х, хотя во
других случаях этой замены нет. По-видимо-
му, этот переход встречается лишь в отдель-
ных словах.

Особо остановимся на значении слов "кацавейка", каза-
вейка, "шугай" и "стануха". У Даля коце́вейка, каца́вейка,
каза́вейка - это короткая кофточка без бортов и без перехва-
та, какие носят молдавчанки".¹ В "Словаре областного ар-
хангельского наречия" Ал. Подвысоцкого даётся две формы:
куца́вейка, каца́вейка и указывается, что это пинежский диа-
лектный вариант.²

В Пийрисааре употребляются обе формы этого слова -
каза́вейка и каца́вейка - в значении женского пальто как
длинного, так и короткого.

Слово шуга́й в словаре Даля имеет пометы: арх., нвг.,
кстр., тмб., ряз., причём оно обозначает род суконной, сит-
цевой или шёлковой короткополой кофты с рукавами (IV, 647).
В словаре Ал. Подвысоцкого даётся форма шуга́й /не шугай/,
употребляемой в арх. наречии, обозначающее "женскую крытую
шёлковой или бумажной материей, кофту на меху".

В Пийрисааре шуга́й имеет своё особое значение - это на-
рядное, выходное пальто, праздничная верхняя одежда заки-
точных женщин.

Слово стануха, стан у Даля определяется как новгород-
ское, обозначающее станину рубашки без рукавов и лифа (IV,
313). В "Словаре арх. наречия" имеются слова "станина" и
"стануха", но совсем с другим значением.

В Пийрисааре слова "стан" и "стануха" употребляются в
том же значении, что и у Даля, но, кроме того, они обозна-

¹ В. Д а л ь, "Толковый словарь", М., 1955, II, стр. 180.
(В дальнейшем все сноски на словарь Даля будут отме-
чены в тексте с указанием тома и страницы).

² Ал. П о д в ы с о ц к и й, "Словарь обл. арх. наречия",
СПб, 1885, стр. 79.

чают также и нижнюю женскую рубашку вообще.

На основе проведенного лексического анализа можно сделать следующие выводы:

1. Лексика русских говоров на территории Эстонии тесно связана с историей заселения русских окраин и отражает в каждом отдельном случае те особенности, которые характерны для истории заселения её отдельных участков. Говор Пийрисааре в этом отношении сохраняет в большей мере свои частные характерные особенности, поскольку он является островным диалектом. На материке сглаживание особенностей, нивелировка протекает более интенсивно. Поэтому даже на материале отдельных рассмотренных в работе лексических единиц устанавливается особый, свой оттенок значения известных и на других диалектных территориях слов.

2. Лексика, связанная с женской одеждой, явно северно-великорусская по происхождению, и поэтому можно утверждать, что заселение острова шло со стороны Севера и отчасти с средне-великорусской полосы.

II

За время пребывания на острове Пийрисааре нам удалось зафиксировать довольно много названий женской одежды. Собранные сведения о мужской одежде значительно беднее и нуждаются в дополнениях и уточнениях. Это объясняется, по-видимому, тем, что женская одежда уже сама по себе богаче, чем мужская. Вместе с тем, старушки, несомненно, любят больше рассказывать о себе, о том, как они одевались в своей молодости. Старики же на эту тему вообще не склонны вести беседы.

Как в женской одежде, так и в комплекте мужского туалета различаются прежде всего праздничные и будничные её виды. Вместе с тем, в одежде находим отражение социального и материального неравенства отдельных слоев дореволюционной деревни, и поэтому нам часто приходилось слышать от старых людей, что так могли одеваться только богатые или что такую одежду носили люди победнее.

Сравнительно с нашим временем в одежде устанавливает-

ся особенно заметное различие между современной и народной детской одеждой. Если сейчас этому комплексу одежды уделяется очень большое внимание, то в старину детской одежды, собственно, и не существовало. Дети очень долго бегали в одной рубашонке, больше на них ничего и не было. Говорят, что в старое время юнши чуть ли не до 17 лет всё ходили в одних рубашках, без штанов. Но это было, конечно, уже очень давно. Позже мальчикам стали шить штаны из простой дешёвой материи. Штаны держались на служившей ремнём верёвке или же на пуговицах. Называлась эта верёвка гантаем.

Остановимся более подробно на комплексе одежды взрослых мужчин.

I. Рубаха.

Обычно мужчины носили только одну рубаху, под неё ничего не одевали. Она шилась из прочной красной материи, из кумача, но были и другие рубахи. Под верхнюю часть спинки рубахи подшивалась подкладка, которая называлась подопликой. В словаре Даля относительно этого слова говорится следующее: "Подопле/ё/ка, подоплежье - подкладка, подбой у крестьянской рубахи, от плеч до спины и груди, до полпояса".

Кроме того, в Тверской губернии так назывался крестьянский рабочий кафтан, покрытый до пояса холстом. В Псковщине оно обозначало тесьму, которой обшивался подол сарафана. Таким образом, толкование слова "подоплика", данное Далем на первом месте, соответствует значению его на о. Пийрисааре.

Воротник рубахи - обычный, русский. Рукава - широкие, без манжет. Рубашки были длинные, и носили их навыпуск, поверх брюк, опоясывая кушаком. Праздничные рубашки шились из шёлка самого различного цвета, чаще всего они были белые с вышивками на рукавах и по вороту. Если на такую русскую рубашку надевали пиджак, то концы кушака

и сама рубаха были видны из-под пиджака.

Кушаки покупали в магазине или же пряли сами. Они служили украшением мужского туалета, были очень красивые, с нарядными цветными кисточками, могли быть и шерстяные, и хлопчатобумажные кушаки:

с_к'истъчкъм так'и
кушак'и нас'ил'и //
ј'эстѡн'цы пр'ал'и пѣјасá //

2. Штаны шили из прочной бумажной материи, которая называлась "чёртовой кожей". Праздничные, выходные штаны были из шерстяной материи, преимущественно тёмного /чёрного/ цвета. Значительно позже стали носить ватные штаны, очень удобные для зимнего рыбного промысла; нижние штаны, т.е. кальсоны, были предметом роскоши.

Штаны нас'ил'и не_как_сајчас //
ј'аны д'иержал'ись нь_в'ар'ѡфие /
как_у_д'евушкъ тап'ер' //
штаны д'ѡлѣл'и с_анѡј
пугъфкъ / ис_чѡртвъј ко́жы //
адны штаны нас'ил'и
ѡл'шынство //

3. Тройка - это полный комплект выходной мужской одежды, состоявшей из брюк, пиджака и жилета. Появилась тройка уже примерно 100 лет тому назад, причём её носили только богатые, бедным она была не по карману.

Пиджаки в прежнее время в основном не отличались от наших, только были несколько короче и с большими карманами. Часы носили не в карманах, а на специальной нашейной цепочке. Позже стали носить в карманах жилетки. Даль даёт следующее объяснение слова "пиджак": "долгая куртка, коротенький сюртучок, по бедра" (III, 275). Такого слова, как "тройка", в значении костюма, в словаре Даля нет.

Таковы основные части мужской одежды. Остановимся особо на её зимних видах.

4. Тулуп - длинная верхняя одежда на меху, иногда даже на лисьем, покрытая сверху чёрным или тёмно-синим сукном. Воротник большой и тоже меховой, и поэтому, когда было холодно, его можно было накидывать на голову. Тулупы были очень длинные, и поэтому сапоги на ходу еле виднелись из-под такого одеяния. Широкие полы тулупа закидывались одна на другую. Тулуп опоясывался широким кушаком /до 20 см/, на концах которого были разноцветные кисти. Карманов у тулупа обычно не было.

ф_тулупъх ф_с'ър'ид'и шуба
/на меху/ /сукно́ дѡрогъ
стѡиль // върътн'ик
бал'шусај / јим и_гѡлову
зав'ес'иш //

У Даля "тулуп - это полная шуба без перехвата, халатом, обнимающая всё тело, весь стан; простой тулуп бывает овчинный, бараний; тулуп домашний, смуцатный, беличий и др." (IV, 869).

Таким образом, на острове Пийрисааре под тулупом мыслится меховой, дорогостоящий вид верхней мужской одежды, в то время как у Даля это понятие толкуется значительно шире, охватывая различные по стоимости и внешнему виду тулупы.

5. Кафтан - простая верхняя одежда - обычно без подкладки - из ноской материи чёрного или серого цвета /иногда на спине подшивается подкладка/. Рукава очень широкие, а у ворота одна пуговица. Кафтаны подпоясывались простым одноцветным кушаком. Эта длинная верхняя одежда не пропускала ни ветра, ни воды и была излюбленной одеждой рыбаков. Они уверяли, что кафтан очень лёгок и удобен в работе:

кафтан зав'артывѣлсь
как_тулуп // пугъфкъ не_былѣ
ил'и анáја пугъфкъ //
за_сп'иној пара склáдкъ //
рукава шьрок'ије / с_кушакáм
нас'ил'и // када на_въбра хад'ил'и /

их нас' ил' и //

В словаре Даля "кафтан /татарск./ - это верхнее долгополое мужское платье, разного покроя, запашное, с косым воротом, сермяга, суконник, армяк. Обычно кафтан шьётся не из домотканины, а из синего сукна; он бывает круглый, с борами, кучерской, немецкий или разрезной сзади, короткий или полукафтан; сибирка, прямой или кафтанчик, казачий, казакин " (П, 245). Кроме того, Даль описывает разные виды кафтана. На Пийрисааре, наоборот, кафтаны шили часто из домотканины, а не из сукна, и он был рабочей одеждой рыбаков.

6. Шуба - простая верхняя одежда из дублёной овчинной кожи, не покрытая материей. Шубы были разной длины, и застёгивались они пуговицами, которые были обычно тоже из кожи. Петли были также кожаные. Маленький воротник делался из той же овчинной кожи. Шубы могли быть разного цвета, но чаще всего они были белые, жёлтые и чёрные. Их носили уже очень давно и носят до сих пор, так как это очень прочная и удобная одежда:

шубу кто ас' ил' е/ят / куп' ит //
кто на ас' ил' е/ят / н' а мо/ит
куп' ит' // тада ад' ин, фасон
был / а тап' ер' разны/е /е //
/ аны н' а ба/ ал' ис' дажд' а /
дубл' оны/е был' и / был' и и
б' елы/ь и чарн' ил' и / их,
и жолты/ь и разны/ь был' и //

7. Озям (Азиям)

На острове Пийрисааре это одежда местных старообрядческих наставников и прихожан, когда они идут в церковь на богослужение. Озям шили обычно из дорогого сукна, чаще всего чёрного, а иногда и тёмно-синего цвета. Покрой озям - в талию, а ниже пояса, на спине, сборки. Рукава довольно широкие, воротник стойкой, карманов обычно нет; длина доходила до колен :

ф-каво возмо/ишт' была /
нас' ил' и // оз' ам дл' ины / / взратн' ик
как в рубашк' и // пут' фк' и
был' и на кр' учках
нас' ил' и /

У Даля вообще не отмечено подобного значения слова "озям", говорится, что это вид кафтана, который шили из простой материи или из домотканины.

8. Пальто - верхняя одежда на вате, обычно из чёрного сукна, длинное, с воротником и широкими рукавами без манжет. Пальто носили только зимой, демисезонных пальто не было :

ран' шь пол' ть нас' ил' и
ватны/е // ворът как / и тап' ер' /
мад' ел' была адна/а //
пол' та шыл' и рукам /

В комплекте мужской одежды известный интерес представляет и мужская обувь. Остановлюсь кратко на её главных видах.

9. Сапоги могли быть праздничные и будничные, рабочие или рыбацкие. Мужские сапоги были обычно высокие, с голенищами, доходящими до колен. Резиновых сапог не было, носили только кожаные, которые изготовлялись из шегреновой или хромовой кожи. Подошва была тоже кожаная, очень прочная. Наряду с высокими сапогами носили и полусапожки, а также и башмаки на шнурках, на кнопках или же с резиновой по бокам. Изготовлялись они на шпильках.

На Пийрисааре любят рассказывать об осташках, оста-шевских сапогах . Указывают при этом на то, что осташками их называют по месту изготовления. Осташки - это прочная рабочая обувь уже не на шпильках, а на дратве. Вначале, когда такие сапоги только появились, они были очень некрасивые, неуклюжие, с носком, но отличались большой прочностью. Старик, с которым мы беседовали, хвастался, что носил их не снимая 10 лет :

асташевски разниъ так'и
и'и'уд'ел'ны'я /неуклюжие /
пр'амы'я широки'е был'и //
шыл'ис' на др'атв'ях //

В словаре Даля даётся следующее толкование этого слова: "осташа /не ошаша/ - сапоги белого товара, которые шьются вокруг Осташкова /Тверск. губ./. Солдатская обувь. Тяжёлые, неуклюжие, топорной работы "осташа", которыми снабжало интендантство наши войска, совершенно непригодны к операциям в горной, каменистой местности. Помимо того, что ворочать эти "пудовики" очень обременительно, они, несмотря на свой внешний солидный вид, к удивлению рвутся замечательно быстро" (II, 1823).

Кроме ошашков, на острове Пириисааре носили простые рабочие ловёцкие сапоги, в которые обычно клали сено, чтобы на озере ногам было теплее. Такое сено называлось стилькой или стелькой. И сейчас, когда едут в озеро, в такие сапоги принято класть сено:

ф - съпаг'и кладут и с'ёна
и салому /эта ст'ил'ка /и
с'е'час нос'ят // дл'и'ны'е съпаг'и
в нас в рыбаках был'и с'кожи //

10. Валенцы - начали носить уже очень давно. Эта обувь была довольно дорогой, особенно так называемые поярковские валенцы с длинным белым очень тонким и мягким голенищем. Носили их без калош:

жетк'и'е па'ярк'в'и'е
вал'ынк'и мо'му п'атнац'т'
г'от нас'ил' // я'ны как чулк'и //

В словаре Даля даётся следующее толкование слова: "поярок - шерсть овцы по первой осени. Отсюда - поярковый, то есть валеный из мягкой поярковой шерсти".

11. Портянки.

С сапогами и валенцами носили портянки или пагалени /особые носки/. Портянки были льняные или суконные, а пага-

ленки вязали из грубой шерсти.

парт'анк'и был'и ис_точива /
што и_ут'ирай'ник //

Лаптей на Пириисааре никогда не носили. "В лаптях только по миру ходили" - ответили нам на наш вопрос о лаптях.

12. Поршни, пастолы - это летняя рабочая обувь, которую делали из кожи. Они очень удобны, легки - их носили во время полевых работ, особенно во время сенокоса. Обычно поршни делались из белой дублёной кожи, но иногда их чернили, причём поршни не шили, а "ладили" /выпрессовывали из мокрой кожи /. В словаре Даля даётся такое же толкование слова "поршни", но указывается, что рыбаки обували поршни и поверх сапог, что нами на Пириисааре не обнаружено.

Кроме обуви, в комплект рабочей рыбацкой одежды входят рукавицы. На острове каждый рыбак имел большой кожаный перелник и кожаные рукавицы, которые называются тылухами. Такие рукавицы смазывали дёгтем, а внутрь клали для тепла сено, точно так же, как и в рыбацкие сапоги.

Какие же выводы можно сделать на основании анализа особенностей лексики, связанной с мужской народной одеждой на острове Пириисааре?

1. Севернорусская по своему происхождению лексика верхней мужской одежды имеет свои специфические местные оттенки значения. Так, например, особое значение устанавливается отчасти в слове "тылуц" и в особенности в значении слова "озыи". С точки зрения местной специфики интересны довольно богато представленные названия различных видов сапог и ва-режек /ошашки, просто ловёцкие сапоги, пастолы, поршни, тылухи и т.д. /. Известный интерес представляет и способ их употребления.

2. Эстонских заимствований не отмечено, хотя на острове со старых времён существовало не только русское, но и эстонское население.

Э. Точное значение таких слов, как "тулуп", "кафтán", в настоящее время установить уже довольно трудно, так как эта верхняя одежда уже полностью вышла из употребления, заменена одеждой городского типа /пальто - зимнее и летнее/, поэтому все приведённые выше данные требуют проверки и дополнительного изучения.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. "Восточнославянский этнографический сборник", М., Изд. Акад. Наук СССР, 1956.
2. В. Д а л ь, "Толковый словарь живого великорусского языка", М., 1955.
3. Дм. З е л е н и н, "Женские головные уборы восточных славян", "Slavia", Unie a. s. v. Praze, 1926.
4. "История культуры древней Руси", М., Изд. Акад. Наук СССР, 1948.
5. А.Х. М о о р а, "Эстонско-русские отношения в XIII-XIV вв. по данным этнографии", К С И Э, вып. XII, 1950.
6. Ал. П о д в ы с о ц к и й, "Словарь областного архангельского наречия", СПб, 1885.
7. В.А. П р о х о р о в, "Материалы по истории русских одежд", СПб, 1881.
8. Дм. Z e l e n i n, "Russische (Ostslawische) Volkskunde", Berlin und Leipzig, 1927.

ИЗ КОММЕНТАРИЕВ К ТЕКСТАМ А.С. ПУШКИНА

М. С а л у п е р е

I

Всем известна прекрасная строфа Пушкина, начинающаяся словами: "Я помню море пред грозой". Эту XXXIII строфу I главы "Евгения Онегина" все комментаторы безоговорочно относят к Марии Раевской-Волконской /на основании её мемуаров/. Однако думал ли Пушкин, создавая эту строфу, именно о ней? Строфа, как известно, была написана позже всей главы, первый вариант которой относится к середине лета 1824 г., а обработана она была уже в Михайловском. Во время её написания, в июне-июле, Пушкин бывал на даче Рено, близ Одессы, вместе с В.Ф. Вяземской и Е.К. Воронцовой. Напомним, что это было время сильнейшего увлечения Пушкина Е.К. Воронцовой. Вяземская в письме к П.А. Вяземскому от 11 июля 1824 г. говорит: "Я становлюсь на огромные камни, вдающиеся в море, смотрю, как волны разбиваются у моих ног; иногда у меня не хватает храбрости дождаться девятой волны, когда она слишком быстро приближается, тогда я убегаю от нее, чтобы тут же воротиться. Однажды мы с гр. Воронцовой и Пушкиным дождались её, и она окатила нас настолько сильно, что пришлось переодеться."¹ Несомненно, что данная строфа должна иметь связь с описанным эпизодом. Если Пушкин и вспомнил при этом о "детской шалости" Марии Раевской, то все-таки не она была непосредственным поводом для написания этих строк. В пользу такого предположения говорит и то, что Пушкин в письме к В.Ф. Вяземской, написанном в конце октября 1824 года, после рассказа о деревенской скуке, продолжает: "Я нахожусь в наилучших условиях, чтобы кончить мой роман в стихах, но скука - холодная муза, и поэма моя не двигается вперед <..> Вот, однако, строфа, которую я Вам обязан, покажите ее князю Петру и скажите, чтобы он не судил о целом по этому образцу" /XIII, с. 532/. Неизвестно, какая строфа

¹ О с т а ф ь е в с к и й а р х и в, т.У, вып. II, СПб, 1913, с. 123 /оригинал по-французски/.

была послана Вяземской, одно несомненно, что она была из числа написанных в Михайловском до конца октября 1824 г. Следовательно, речь может идти только о конце III или начале IV главы и об интересующей нас строфе I главы. В III главе нет ничего такого, что можно было бы связать с Вяземской, и в рассуждениях о женщинах в IV главе тоже трудно что-либо связать с ней. Если Пушкин и вел с ней какие-либо разговоры на эту тему, остаётся непонятным, чем он её обя-з а н и почему только одной строфой. Таким образом, остаётся предположить, что это была именно строфа "Я помню море пред грозю ..." Конечно, не следует это воспринимать так, будто строфа относится к Вяземской. Видимо, Пушкин был "ей обязан" удовольствием бывать на даче у Воронцовой, о которой он в эту пору думал гораздо больше, чем о М.Н.Раевской. То, что Пушкин в данной строфе использовал отрывок из посвященного Крыму наброска "Таврида" /1822 г./, ничего не доказывает, так как переадресовка стихов у Пушкина не редкость. Так, например, написанное в Крыму стихотворение "Зачем безвременную скуку ..." Пушкин окончательно отделил и опубликовал в 1826 г. после встречи с С.Ф.Пушкиной и посвятил ей. Связь наброска 1822 года с XXXIII строфой I главы "Евгения Онегина" была исследована П.Е.Щеголевым², а позднее Б.В.Томашевским³. Щеголев защищает версию о длительной любви Пушкина к Марии Раевской, упуская, однако, из виду все данные, говорящие о том, что в 1820 г. в Крыму поэт гораздо больше интересовался старшей сестрой Е.Н.Раевской, чем 15-летней Марией. Увлечение ею, видимо, появилось позже.

Конечно, не так уж важно знать, какая именно женщина вдохновляла Пушкина. Многочисленные попытки приурочить все его высказывания об утаенной, возвышенной любви к определенной

² П.Е. Щ е г о л е в, Из разысканий в области биографии и текста Пушкина, Пушкин и его современники, вып. XIV, стр. 170-176.

³ Б.В. Т о м а ш е в с к и й, Пушкин, т. I, М.-Л., 1956, стр. 492-495. См. также его же статью "Таврида" Пушкина", Уч. записки ЛГУ, № 122, серия филологических наук, вып. 16, 1949.

ному лицу, в качестве которого было названо с подложной женщиной, уже доказали свою бесплодность. Поэзия не есть автобиография, и идеальный образ, проходящий через лирику Пушкина, далеко не соответствует реальным прообразам различных увлечений поэта. Этим объясняется и устранение биографических элементов при обработке стихов и возможность их переадресовки. Нам кажется, что наибольшей автобиографичностью отличается цикл, связанный с именем Воронцовой /"Сожженные письма", "Храни меня, мой талисман", "Талисман" и др./, поскольку в них говорится о реальных предметах или событиях, известных только их участникам. С этим циклом, по нашему мнению, связана и интересующая нас XXXIII строфа I главы "Евгения Онегина".

II

Среди многочисленных и разнообразных произведений Пушкина, созданных за период Михайловской ссылки, выделяется цикл песен о Разине. Эти три песни по своему содержанию и размеру настолько близки к русской народной поэзии, что некоторые исследователи считали их просто записью или обработкой фольклорных памятников. Так, у Венгерова они напечатаны не среди стихотворений Пушкина, а в отделе записей и переделок народных песен и сказок.⁴ Н.Л.Бродский также не считал "Песни о Стеньке Разине" оригинальным произведением Пушкина⁵. В настоящее время оригинальность песен не подвергается сомнению, но вопрос об их датировке нельзя считать окончательно решенным.

Первая /и, насколько нам известно, единственная/ аргументированная попытка их датировки, принятая большинством

⁴ Библиотека великих писателей под ред. С.А. Венгерова, Пушкин, т. IV, СПб., 1910, стр. 79-80.

⁵ Н.Л. Б р о д с к и й, А.С. Пушкин, 1937, стр. 351, 431.

исследователей, принадлежит Д.Д.Благому⁶, однако она представляется недостаточно обоснованной, слишком натянутым кажется сближение "Песен о Стеньке Разине" с размышлением о неудавшемся восстании декабристов, а отсюда следуют и другие малоубедительные выводы. Можно с гораздо большей уверенностью утверждать, что "Песни ..." написаны именно в то время, когда в сознании поэта еще жило декабристское представление о характере подлинного фольклора как о поэзии древней вольности и разбойничества, т.е. не позже 1825 г. Ведь Разин дается, прежде всего, как "разбойник лихой", а не как борец-мятежник.

Автограф песен не сохранился, и известно только, что 12 октября 1826 г. Пушкин читал их в доме Веневитинова в Москве после чтения "Бориса Годунова". Летом 1827 г. он представил "Песни о Стеньке Разине" в высочайшую цензуру, которая их запретила. Рукопись, видимо, или затерялась, или была уничтожена поэтом. Анненков считал "Песни ..." утраченными, лишь позже в архиве Погодина была найдена копия и в 1881 г. впервые опубликована. В дореволюционных изданиях "Песни ..." датировались 1825 годом или широко 1824 - 1826 гг. В советских изданиях они печатаются обычно под 1826 годом, но в примечаниях академического полного собрания сочинений дается предположительная датировка "сентябрь

⁶ Д.Д. Б л а г о й, Творческий путь Пушкина, М.-Л., 1950, стр. 515-531.

Датировку Благого принимают Г.Дейч и Г.Фридлиндер в статье "Пушкин и крестьянские волнения 1826 г." /Лит.наследство, т.58, М.-Л., 1952, стр. 195-210/. В статье "Песни..." сближаются с крестьянскими волнениями 1826 г. в Псковской губернии, однако нет данных о том, знал ли Пушкин о них вообще.

Л.П.Гроссман в статье "Степан Разин в творчестве Пушкина" /Уч.записки Московского гор. пед.института им.Потемкина, т.XX, 1953, стр. 54-86/ строит гипотезу о замысле поэмы о Разине у Пушкина и молча соглашается с датировкой Благого.

Н.Л.Степанов /Лирика Пушкина, М., 1959, стр.55/ считает "Песни ..." произведением 1824 г., однако без всякой ссылки или мотивировки.

1824 - август 1826" /И₂, стр. II28/. Эту датировку Д.Д.Благой сузил до - "конец июля - август 1826" (промежуток времени между отъездом гостившего в Тригорском Языкова и приездом Пушкина в Москву). Главный аргумент Благого состоит в том, что Пушкин до этого не пытался опубликовать "Песни..."; нигде не упоминает о них в письмах, а также не познакомил с ними Языкова⁷. Но нет никаких упоминаний и о "Женихе", который в белой рукописи датируется 30.УП.1825 г. и тоже представляет качественно новое явление в его творчестве. Баллада "Жених" была напечатана в 1827 г., когда Пушкин хотел опубликовать и "Песни ..." Нет нигде в письмах упоминаний и о записях народных песен и сказок. К тому же, мы не знаем, с какими своими произведениями и замыслами знакомил Пушкин Языкова, поскольку последний не оставил никакого разъяснения по этому поводу. То, что он в письме 1828 года передает слух, как будто Пушкин написал поэму "Стенька Разин", ничего не доказывает, ибо, и зная о "Песнях ...", он вполне мог поверить в возможность написания поэмы. Ведь Шевырев, который был на первом чтении "Песен..." у Веневитинова, пишет в 1832 году Соболевскому, что "Пушкин написал поэму "Стенька Разин", которая, вероятно, не будет напечатана".⁸ Других известий об этой поэме нет, и мы не знаем, существовала ли она, но отсюда следует, что знание "Песен..." не исключает мысли о написании поэмы. Кроме того, в стихотворении Языкова "Тригорское" упоминается и родная Волга-река, "где Разин воевал". Это говорит о том, что в разговорах поэтов в той или иной связи упоминалось имя Разина.

За более раннюю датировку "Песен о Стеньке Разине" говорит еще одно обстоятельство, которому Д.Д.Благой не прида-

⁷ Д.Д. Б л а г о й, ук. соч., стр. 516-517.

⁸ Пушкин по документам архива С.А.Соболевского, Лит.наследство, т. 16/18, М., 1934, стр. 750.

ет должного значения: Пушкин в первой половине ноября 1824 года просил брата прислать "историческое, сухое известие о Стеньке Разине, единственном постическом лице русской истории" /XII, стр. 121/. Для такого заключения о личности Разина могло быть две причины: народные песни /среди пушкинских записей нет других песен об исторических лицах/ и рассказ голландского путешественника Яна Стрейса, изложенный декабристом А.О. Корниловичем в 7 номере "Северного архива" за 1824 г. Стрейс описывает свое пребывание в России в 60-х годах XVIII века, разинское движение и две свои встречи с Разиным, отражение которых в "Песнях" не подлежит сомнению. Это особенно относится к эпизоду с персидской княжной, который в фольклоре был неизвестен. А если бы Пушкин услышал это предание у казаков, как предполагает Благой, то не преминул бы воспользоваться этим в "Братьях разбойниках". Между тем, в черновиках плана поэмы ни малейшего намека на подобный эпизод нет. Есть лишь обычная романтическая ситуация. К тому же, первая песня, в которой изложен эпизод с княжной, текстуально очень близка Стрейсу, и вполне можно предполагать, что между чтением статьи и написанием песни не могло быть большого промежутка времени. Так как Пушкин в деревне очень внимательно следил за журналами, болгарские издания он получал полностью, то невозможно предположить, что эта заметка попала к нему лишь в 1826 году.

Важно иметь в виду и то, что проблема народа и народности особенно занимала Пушкина именно в 1824 - 1825 годах. Написание "Бориса Годунова", "Подражаний корану", "Клеопатры", "Жениха" и, наконец, "Песен о Стеньке Разине" доказывает стремление Пушкина понять и передать объективный душевный склад своего или чужого народа. Естественно предположить, что все они написаны в один и тот же период. Отметим здесь, что Д.Д. Благой находит какую-то внутреннюю

перекличку между элегией "Под небом голубым" и первой песней о Разине⁹. Нам кажется, что скорее такая перекличка усматривается между этой же песней и "Клеопатрой" /осень 1824/.

Как уже сказано, в "Песнях" более чем трудно уловить какую-нибудь угрозу самодержавию или отклик на декабристские события. Разин пушкинских "Песен" не бунтарь и даже не мятежный, а только "лихой" разбойник, хотя он и называется "грозным". В обстановке 1826 года, когда Пушкина волновала как судьба "братьев, друзей, товарищей", так и его собственное неопределенное положение при новом царе, такие песни вряд ли могли быть созданы. Гораздо естественнее и последовательнее будет их датировать в пределах — осень 1824 — осень 1825.

⁹ Д.Д. Благой, ук. соч., стр. 517.

РОМАН А.С. ГРИНА "БЛИСТАЮЩИЙ МИР".

С. И н г и с е

Критика немало спорила о литературном наследии А.С.Грина. Одни критики, писавшие преимущественно в конце 1930-х — начале 1950-х гг., как А. Тарасенков¹, И. Сергиевский², В. Вахдаев³ и другие увидели в Грине "больного фантаста", "реакционного романтика". Другие (речь идёт преимущественно о критиках, писавших после XX съезда КПСС), желая восстановить справедливость, очень высоко оценили произведения писателя, но, к сожалению, не всегда исторично подходили к его творчеству. Это К. Паустовский⁴, М. Щеглов⁵, Ю.Олеша, М. Слонимский. Бросается в глаза и другое — неравномерная изученность разных сторон творчества А.Грина. Так, критика почти замалчивала роман Грина "Блистающий мир", занимающий важное место в эволюции писателя.

О романе есть короткое упоминание в "Новой русской книге" (1923, № 5-6): "Александр Степанович Грин беллетрист, живёт в Петрограде, пишет фантастическую повесть "Блистающий мир". В 1924 году появилась короткая, без подписи информационная заметка в журнале "Книга о книгах"⁶. Кроме то-

¹ А. Т а р а с е н к о в, О национальных традициях и буржуазном космополитизме, в кн.: А. Тарасенков, О советской литературе, М., Советский писатель, 1952, стр. 74-129.

² И. С е р г и е в с к и й, Вымысел и жизнь, "Литературный критик", 1936, № 1, стр. 240-243.

³ В. В а х д а е в, Проповедник космополитизма, "Новый мир", 1950, № 1, стр. 257-272.

⁴ К. П а у с т о в с к и й, Волшебник, в кн.: К. Паустовский, Избранное, "Московский рабочий", 1961, стр. 222.

⁵ М. Щ е г л о в, Корабли Александра Грина, в кн.: М. Щеглов, Литературно-критические статьи, М., Советский писатель, 1958, стр. 233-241.

⁶ "Книга о книгах", 1924, № 7-8, стр. 64-65.

го, можно упомянуть статью Мариэтты Шагинян в "Красной нове" за 1933 год⁷ и сравнительно пространную статью Михаила Слонимского в журнале "Звезда" за 1939 год⁸. Если сюда добавить ещё статью Юрия Олеша в "Избранных сочинениях"⁹ и некоторые упоминания в частных письмах, то будет всё, что удалось найти об этом чрезвычайно интересном романе.

Подробнее следовало бы остановиться на воспоминаниях Ю.Олеша и М.Слонимского. Любопытно, что сам Грин, по свидетельству Ю.Олеша, считал роман символическим: "Это вовсе не человек — это парение духа".¹⁰

К этому высказыванию, однако, следует подойти исторично. Разумеется, вряд ли можно найти общее между творчеством А.Грина и символистами ("младшими символистами") начала XX в. Вместе с тем, указание на символичность образа главного героя весьма интересно. Ю. Олеша, хорошо знавший Грина, следующим образом объясняет подобную неожиданную самооценку: Грин, "... чтобы не потерять уверенности в себе, <..> держался за ту критическую оценку, которую получил в своё время от критиков, являвшихся проповедниками искусства для искусства".¹¹ Нужно учесть и другое: поиски писателями своего места в литературном процессе, как правило, совпадают с решительными сдвигами в творчестве, с периодами переломов, исканий новых путей. То же и с Грином. В эти годы в твор-

⁷ М. Ш а г и н я н, А.С. Грин, "Красная новь", 1933, № 3, стр. 171-173.

⁸ М. С л о н и м с к и й, Александр Грин, "Звезда", 1939, № 4, стр. 159-167 (в дальнейшем: М.Слонимский, ук. соч.).

⁹ Ю. О л е ш а, Из записных книжек, в кн.: Ю. Олеша, Избранные сочинения, М., ГИХЛ, 1956, стр. 463-466 (в дальнейшем: Ю. Олеша, Из записных книжек, стр. ...).

¹⁰ Ю. О л е ш а, Из записных книжек, стр. 464.

¹¹ Т а м ж е.

честве Грина произошёл перелом. Писатель искал новых путей, не находил их, впал в пессимизм, но всё же страстно верил в свою мечту, в свою фантазию, в то, что "человек бесспорно умел некогда летать и летал" и "если люди не гиганты, то они станут гигантами"¹². Вместе с тем М. Слонимский в своих воспоминаниях подчёркивает литературное одиночество писателя, его стремление избегать всяких группировок, столь многочисленных в те годы. Это стремление, повторяет Слонимский, было свойственно писателю и раньше. Организационно Грин, бесспорно, был очень далёк от символизма:

"Имя Грина звучало в дореволюционной российской литературе отдельно от всех школ и течений, отдельно от всех писательских имён"¹³. Слонимский отмечает и другое: Грин отличался от писателей, писавших авантюрные романы, "глубоким своеобразием своего отчаяния, своих надежд и мечтаний. Он не развлекал, а тревожил"¹⁴. Жаль, что Слонимский, так тонко чувствовавший Грина, не заметил этой "тревоги" и в "Блистающем мире", который, по его мнению, "раскрывает философию пассивности и пессимизма"¹⁵.

В декабре 1920 года А.С. Грин закончил удивительную по своей красоте и силе мысли феерию "Алые паруса". Толкнула писателя на создание этого произведения романтика времени, романтика революции, а также большое событие в его личной жизни — внезапно вспыхнувшая любовь. В феерии "Алые паруса" романтический идеал Грина — это не только высокое, героическое, с одной стороны, и доброе, с другой, но и борьба за эти идеалы. Ведь не даром Грэй поплыл за счастьем, за своей

¹² М. С л о н и м с к и й, Александр Грин, стр. 165.

¹³ Т а м ж е, стр. 160.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

любовью под парусами — щитами. Щит — боевое оружие, а оружие Грея было цвета утренней зари и радости. Основная идея феерии — торжество высокой человеческой мечты о счастье, победа её над "трезвым" мещанским рассудком. Произведение пронизано идеей о возможности победы гуманного и доброго.

Роман "Блистающий мир", который автор начал писать 13 ноября 1921 года, через год после окончания работы над феерией "Алые паруса", резко отличается от нее. Слонимский вспоминает, что Грин написал короткий рассказ о летающем человеке. Человек бежал очень быстро, оторвался от земли и полетел.¹⁶ Рассказ, как бессюжетный, не был напечатан, но Грин очень увлёкся идеей летающего человека. В течение двух лет он работал над этой темой. Видимо, поначалу был задуман оптимистический рассказ о безграничности человеческих сил, гимн человеку — продолжение идеи "Алых парусов", однако свет увидел очень интересный, самобытный, но полный пессимизма и даже трагичности роман.

В творчестве Грина произошёл перелом. Это заметил друг Грина поэт Г. Шенгели. В письме от 17 ноября 1925 года он пишет автору об этом: "В обоих книгах чувствуется существенный поворот в манере и интересах творчества"¹⁷. Слонимский замечает, что "Друд (<...> вызывает (у мещан — С.И.) ненависть не активностью своей, не какими-нибудь планами борьбы против косности людей, но просто необычностью своего чудесного свойства"¹⁸.

Как бы то ни было, в "Блистающем мире" одерживает победу зло. Есть основание предположить, что на автора оказала сильное влияние эпоха окончания Гражданской войны. Как счи-

¹⁶ М. С л о н и м с к и й, Александр Грин, стр. 165.

¹⁷ Г. Ш е н г е л и, письмо к Грину от 17 октября 1925 г., ЦГАЛИ, ф.127, ед.хр. № 162.

¹⁸ М. С л о н и м с к и й, Александр Грин, стр. 166.

тает М. Слонимский¹⁹, резкий поворот во взглядах Грина обусловлен тем, что писатель не сумел понять политики нэп'а. "Блестящий мир" написан в 1921-1923 гг., и вероятнее всего здесь отразилось сложное переплетение настроений, характерное для нэповских времен. Времена эти были для романтика весьма трудные, казалось, что время повернуло назад. Грин, ненавидящий стяжателей, коммерсантов, не хотел перестраиваться на новый лад. Человек, приветствовавший революцию, надеявшийся на скорое осуществление своей мечты, увидел в нэп'е лишь возвращение старого, ненавистного, и разочаровался. Подобная позиция была, как известно, характерна для очень многих писателей 20-х гг. Она свидетельствовала о том бесспорном факте, что историзм, диалектика ленинского взгляда на современность, Грину были недоступны. Но, вместе с тем, нет и никаких оснований для того, чтобы, подобно критикам периода культа личности, отождествлять непонимание нэп'а с неприятием революции. Напротив, непонимание сущности новой экономической политики для демократических писателей типа Грина субъективно связано было с мечтами о немедленной и революционной победе над миром собственников.

Есть ещё второе, пока, однако, ещё ничем не доказуемое и менее убедительное предположение. Возможно, что на Грина повлиял и эсеровский процесс 1922 года. Принадлежавший когда-то к этой партии, искренне увлечённый пафосом индивидуального героического акта, Грин не мог понять, какими путями и почему эсеры пришли в стан врагов Октября. Поэтому его сильно подавили впечатления суда над руководителями эсеровской партии. Косвенно об этом говорит и Дмитревский²⁰, хотя прямо о процессе эсеров он не упоминает.

¹⁹ М. С л о н и м с к и й, письмо к автору настоящей статьи от 28 марта 1962 года.

²⁰ В. Д м и т р е в с к и й, В чём волшебство А. Грина, в кн.: А. Грин, Золотая цепь, Дорога никуда, Л., Детгиз, 1957, стр. 377-389.

Совпадение тяжелых нэповских времён и непонятого Грин-ом процесса могло послужить причиной изменения направления творчества Грина.

Итак, в творчестве Грина произошёл резкий перелом. Но всё же неверно думать, что Грин под влиянием настроений пессимизма и депрессии ушёл от больших социальных проблем в область авантюрного романа. Именно в своём пессимистическом романе Грин поднял очень острые вопросы, не менее острые, чем в "Алых парусах".

Слонимский говорит, "что в "Блестящем мире" "содержание составляет борьба капиталистического мира против "чуда", против мечты, воплощённой в образе летящего человека-Друда"²¹ Однако, если бы это, действительно, был капиталистический мир, то нельзя было бы корить автора за пессимизм. Но в том то и дело, что мы не знаем, где происходит действие. В романе всё условно, но поскольку писатель говорил в своих предыдущих произведениях, в конечном счёте, именно о русской действительности двадцатых годов, то, видимо, и здесь он имеет в виду русскую действительность, однако теперь Грин в ней уловил совершенно иные черты. Как и прежде, Грин воплотил эти черты современности в судьбах героя. Но поскольку герои его условны, они и действуют в условной обстановке, которая лишь в своих самых общих чертах ассоциируется у Грина то с нэповской действительностью (засилие мещанства), то с капитализмом (министры, буржуазия у власти), то с некими внеисторическими представлениями о якобы свойствах людей вообще (пассивность, неспособность к добру). Для романа характерна романтика неизвестного, выдуманные имена, места, порядки, традиции. Герои перенесены в условное, выдуманное государство, где властвует несправедливость, где есть полновластные министры и огромные тюрьмы. И всё же основной идеей здесь, как и в "Алых парусах", является борьба против косности и мещанства, имеющих отношение имен-

²¹

М. С л о н и м с к и й, Александр Грин, стр. 165.

но к окружавшей художника действительности.

Каковы же эти люди на земле, каково общество, противопоставленное летающему человеку — мечте? Общество на земле отвратительно, люди злы и глупы. Им недоступны вещи, выходящие за грань их мещанского, примитивного понимания. Всё, неподдающееся власти, — опасно, и его следует уничтожить. А для этой цели есть тюрьмы, огромные и неприступные: "Долго гремел замок; по сложному мёртвому гулу его показалось, что раз в тысячу лет открываются эти ворота, обитые дюймовым железом".²²

Люди, создавшие такие тюрьмы, — это "выродившиеся духовные наследники Нерона и Гелиогабала".²³ Своими низменными желаниями, злостью и коварством они ненавистны Друду: "Вспомнил стадо домашних гусей, гогочущих, завидя диких своих братьев, летящих под облаками: один гусь вытянув шею и судорожно хлеща крыльями, запросился тоже наверх, но жир удержал его".²⁴ Но если даже в человеке этого мира и проснётся стремление к прекрасному, то косность удержит его.

В романе целая галерея врагов Друда. Это министр, соблазнитель Торы, жуткий незнакомец, взявшийся уничтожить Друда: "Казалось сама ненависть, принявшая человеческий облик, сидит с ней. Его слова шипели и жгли, и он с трудом, сквозь разорванное злобой дыхание, быстро, как выстрелы, бросал их".²⁵ Если в "Алых парусах" мещане были лишь пассивны к добру, то в "Блистающем мире" они даны в наступлении, топящими мир в грязи, злости, несправедливости и разврате. В этом, бесспорно, также проявился испуг писателя перед усилившимися в период нап'а буржуазными, собственническими настроениями. Этот испуг писателя имел и другие — пожалуй,

²² А. Грин, Блистающий мир. Бегущая по волнам, Л. Детгиз, 1958, стр. 46 (в дальнейшем: А. Грин, Блистающий мир, стр. ...).

²³ Там же, стр. 7.

²⁴ Там же, стр. 22.

²⁵ Там же, стр. 159.

даже более печальные последствия. Как и многие другие писатели из числа так называемых "попутчиков", А. Грин не видит ни пролетариата, ни социалистических революционных потенций крестьянства России. Понятия "народ" и "мещанство" для него поэтому нередко сливаются. Характерно, что в этом романе вообще нет народа. Носители зла — отдельные личности, носители идеи добра — тоже единичны. Их "единичность" (особенно это касается положительных героев) подчеркнута профессией. Друзья Друда — это молодые мастера — пьяницы, художники, поэты, изобретатели. Это всего лишь мечтатели и бродяги. Характерная особенность гриновских героев — одиночество — в этом романе выразилась очень ярко. Одинок Друд, ибо он наделён чудесным свойством — парением; одинока Руна — она умнее окружающих её людей; одинока Тави — она беспечная мечтательница; один скучает у себя на маяке добрый Стеббс. Всё это очень хорошо подметил М. Слонимский: "Эти мотивы органически принадлежат ему, выращенные его жизнью бродяги и, в сущности говоря, неудачника, деклассированного, оторванного от человеческого коллектива".²⁶ Герой Грина — одиночка.

Произведение А. Грина имеет интересную параллель в литературе 20-х гг. Мы говорим о творчестве А. Беляева. Можно ли сравнивать Беляева и Грина? Думаем, что можно. Несмотря на разницу во времени и в условиях написания произведений Грина и Беляева, идеи их книг весьма близки. Одинокое добро бессильно перед злобой, когда это зло охватило всё общество.

И доктор Сальватор, и Друд отказались от идеи "подводного" и "блистающих" миров по одной и той же причине. "Бе-

²⁶

М. С л о н и м с к и й, Александр Грин, стр. 162.

да не в том, что человек произошёл от животных, а в том, что он не перестал быть животным".²⁷ Животным же делает человека окружающая среда. У Беляева - это условия жизни современного капиталистического мира, у Грина - это мир более общо понятого стяжательства, мещанства, насилия. "Нет, я не мог Ихтиандра и "ихтиандров" сделать общим достоянием в стране, где борьба и алчность обращают высочайшие открытия в зло, уваличивая сумму человеческих страданий," - говорит доктор Сальватор в "Человек-амфибии" Беляева.²⁸ А. Грин уверен, что никакое "чудо" не изменит людей, дай им хоть воздух, хоть воду. Поэтому и теряет остроту идея борьбы - она безнадежна, не идея высокой мечты - мечта ради мечты не может существовать. Вообще, героизм одиночки - это грустный героизм, заранее обречённый на гибель. В этом, очень важном для Грина мотиве, можно уловить и следы размышлений писателя, связанных с эсеровским процессом, - его понимание **безысходности** героизма одиночки и, вместе с тем, неумение увидеть другие формы героизма.

Летающий человек может дать людям счастье, поднять их в "блистающий мир": "Стоит мне захотеть, - а я знаю тот путь - и человечество пошло бы всё разом в страну Цветущих Лучей, стряхивая прошлое с ног своих без единого вздоха".²⁹ Но он не делает этого, ибо не верит в народ, знает, что воздух не изменит их, люди же сделают "блистающий мир" таким же грязным и мерзким, как землю. Есть и вторая причина, тоже очень интересно связанная со взглядами Грина и с его противоречиями: Друд не хочет быть деспо-

²⁷ А. Б е л я е в, Человек-амфибия, т. I, стр. 241, в кн.: А. Беляев, Избранные научно-фантастические произведения в 3 томах, М., "Молодая гвардия", 1957 (в дальнейшем: А. Беляев, т. I, стр.).

²⁸ А. Б е л я е в, т. I, стр. 246.

²⁹ А. Г р и н, Блистающий мир, стр. 53.

том. Он не признаёт насилия, даже во благо человечества.

"Путём некоторых крупных ходов я мог бы поработить всех, но цель эта для меня отвратительна. Она помешает жить."³⁰ Здесь отразилась, с одной стороны, ненависть демократически настроенного писателя к тирании и деспотизму. С другой стороны, однако, очевидно, что Грин здесь (в отличие от "Алых парусов") отклоняется в сторону абстрактного, пассивного гуманизма, не признающего борьбы, считающего её только бесперспективным кровопролитием.

Человек, имеющий чудесную силу, обречён на пассивность в этом трагедия Друда. Но человек не может быть совершенно одиноким, без всякой цели. Друд ищет спасения в любви. Он зовёт Тави: "Я тебя зову, девушка, сердце родное мне, идти со мной в мир недоступный может быть всем. Там тихо и ослепительно. Но тяжело одному сердцу отражать блеск этот; он делается как блеск льда".³¹ В этих словах звучит беспредельная грусть и одиночество, голос погибающего человека. Зло оказалось сильнее добра, и "мечта погибла от соприкосновения с реальностью", - говорит Слонимский.³² Даже мечта не спасла её.

Единственный человек, связанный своим прошлым с Друдом, - это Стеббс. Они ровесники, может быть даже братья. Из их разговора выясняется, каким образом Друд получил свою волшебную способность: ему дали выпить какого-то сомнительного лекарства доктора Мармадука. Как человек, наделённый удивительным свойством, Друд окружён таинственностью и романтичностью. Но в то же время многое в образе Друда - его внешность, характер, его способность ошибаться, обманываться - всё это отнюдь не сводится к "симво-

³⁰ А. Г р и н, Блистающий мир, стр. 66.

³¹ Т а м ж е, стр. 148.

³² М. С л о н и м с к и й, Александр Грин, стр. 166.

ду". Всё это черты живого человека. И всё же в целом Друд — не столько человек, сколько идея мечты и счастья, воплощённая в образе человека.

С Друдом связаны два женских образа романа — Руна Богуам и Тави Тум. Они как бы являются носительницами двух типов мечты. Руна — образ очень сложный, её невозможно просто назвать врагом Друда, равно как и зачислить в лагерь друзей. Это девушка из высшего общества, она выше окружающих её людей, умнее, — она мечтательница. К Друду её влечёт чувство необычайного. "Я принадлежу к обществу, сильному связями и богатством; всё доступно мне на земле, <..> я пришла к вам, как к силе необычайной; судьба привела меня".³³ Но содержание мечтаний Руны очень далеко от Друда (да и от Грина). Её мечта — это неограниченная власть. Власть не только на земле, но и в воздухе. Во имя своей страсти она идёт наперекор своей среде и власти: освобождает из тюрьмы Друда. Разочаровавшись в Друде, она уже не в силах расстаться с мечтой. "Не любовь, не сожаление, не страсть чувствовала она, но боль. Нельзя было объяснить эту боль, ни про себя даже понять её <..>. Тоска убила её".³⁴ И для своего спасения Руна решила погубить Друда — убить мечту. Ей помогает незнакомец. Можно предположить, что это доктор Мармадук. "Может быть, я один знаю его тайну; сам он никогда не откроет её".³⁵ Тайну же мог знать, скорее всего, человек, сделавший для юноши лекарство.

Очень интересна развязка этой готовящейся трагедии. Незнакомцу не удалось погубить Друда. Мечта оказалась сильнее тёмных сил, но разбилась в день, когда незнакомец признался, что он бессилён ещё что-либо сделать. Пока Друду надо

³³ А. Г р и н, Блистающий мир, стр. 52.

³⁴ Т а м ж е, стр. 113.

³⁵ Т а м ж е, стр. 157.

было сопротивляться и бороться, он со смехом преодолевал все трудности. Когда же остался в бездействии, когда бороться было больше не за что, т.к. никаких целей, кроме пассивного сопротивления непосредственной опасности, у Друда не было, — наступила гибель. Образ "разбитой мечты" — это Друд — "крупная душа, лёгшая ничком".³⁶

А Руна обрела у трупа Друда вновь своё спокойствие. "Земля сильнее его, он мёртв, мёртв, да; и я буду жить вновь как жила".³⁷ В сердце Руны не оставила следа прекрасная мечта Друда. Она вернулась к состоянию, гораздо более типичному для её среды, чем то, в котором она находилась раньше.

Противоположна Руны Тави Тум. "Она принадлежала к тем немногим, поистине счастливым натурам, для которых всё в мире так же просто, как их кроткое благодушие".³⁸ Тави инстинктивно уловила в Друде доброго человека и с детской горячностью встала на его сторону. Она подбила его за прекрасную мечту и пошла за ним. Пошла, чтобы разделить его одиночество. "И пусть никто не поверит, что можно жить так, пусть даже не знает никто. Теперь не отделить меня от вас как носка от чайника".³⁹ С Тави автор связал самые жизненные и лирические картины своего романа. Он подробно описывает её характер, поступки, взаимоотношения с Друдом. Но и чистая любовь не спасла Друда. Здесь опять-таки можно говорить о новом в творчестве А.Грина. В "Алых парусах" любовь (т.е., вообще чувства одного человека, личности) побеждает среду. В "Блистающем мире" среда сильнее человека (и его чувств, в частности, любви). И в этом, опять-таки, есть и движение назад (разочарование в силе творческой мечты), и шаг вперёд — (понимание вездущего значения среды в жизни человека).

³⁶ А. Г р и н, Блистающий мир, стр. 162.

³⁷ Т а м ж е, стр. 161.

³⁸ Т а м ж е, стр. 124.

³⁹ Т а м ж е, стр. 152.

Подводя итоги, можно сказать, что в романе заметен существенный поворот во взглядах и интересах А.Грина. В его творчестве начинают преобладать мотивы пассивности и безысходности, вызванные, очевидно, разочарованием автора в периоде нап'а. Герой Грина одинок, ибо нет класса, к которому он мог бы принадлежать. Но в то же время Грин именно в период "Блестящего мира" понял, что одиночество приводит к гибели, что без цели, просто ради себя, человек не может жить.

Слабость гриновской позиции сказалась в романе в том, что, в представлении автора, люди в массе злы, их невозможно перевоспитать, на них не влияет добро. Поэтому ничто невозможно изменить, всё остаётся как есть. Прямо из этой мысли Грина вытекает и вторая особенность его творчества этих лет: Грин отрицает насилие как средство социального воспитания людей.

Грин в романе разделил людей, окружающих Друда, на две группы. Одни совершенно равнодушны к добру и не принимают мечту как радость, счастье, они совершенно удовлетворены серой, уродливой мещанской жизнью. Другие признают добро, принимают мечту, хотят стремиться к ней, но, тем не менее, остаются пассивными. И хотя Друд, как будто бы, противопоставлен обеим этим группам (он - летающий человек, а не просто человек, т.е. - в какой-то мере - он сам осуществлённая мечта), но, по сути, он гораздо ближе к людям второго типа. Он и сам до предела пассивен.

И всё же позицию А. Грина нельзя считать только отступлением. Он впервые задумывается над вопросом о значении социальной среды, о том, что общественные силы могут быть героическими. И хотя пока среда понимается только как отрицательная сила, мещанская "толпа", но потенциально это новая оценка социальной среды была в высшей степени плодотворной. Именно поэтому и "Блестящий мир" - не авантюрный роман, а значительное художественное произведение, с элементами социальной утопии. Его место в истории советской литературы - рядом с "Человеком-амфибией" и "Ариэлем" Беляева.

Л. ЛИХОДЕЕВ КАК ФЕЛЬЕТОНИСТ Т. В е р х о у с т и н с к а я .

В обширном потоке сатирической литературы последних лет не последнее место занимают фельетоны. Кроме фельетонов, постоянно появляющихся на страницах нашей периодической печати, вышли сборники Ю. Арбата, В. Ардова, Арк. Васильева, Б. Егорова, М. Ланского, Мих. Левитина, Л. Лиходеева, С. Нариньяни, С. Шатрова, И. Шатуновского, М. Эделя и других. Вышли и сборники хрестоматийного типа: "Русский фельетон" (1958), "Советский фельетон" (1959). Тем не менее теоретических работ о сатирической литературе, не говоря уже о работах, посвященных только фельетону, крайне мало¹. А если они и появляются, то предпочтение в них почему-то отдается сатирической литературе прошлого. Пишут о сатире Гоголя и Салтыкова-Щедрина, пишут о Горьком, пишут о Михаиле Кольцове и о Демьяне Бедном, пишут об Ильфе и Петрове, а о современной сатире, о сатире сегодняшней только упоминается и в лучшем случае высказываются благие пожелания изучать её. Бесспорно, писать о сатириках прош-

¹ Л. Е р ш о в, Советская сатирическая проза 20-х годов, М.-Л., изд. АН СССР, 1960.

Е. К у р б и н а, Современный фельетон, "Печать и революция", 1927, № 7.

Е. К у р б и н а, Фельетон в газете 40-х годов, М., изд. "Огонек", 1930.

М. К о л ъ ц о в, Писатель в газете, М., Советский писатель, 1961.

Д. З а с л а в с к и й, Истоки и пути фельетона, М., изд. "Огонек", 1931.

Н. К р џ ш н е ц к и й, О красном смехе (к дискуссии о фельетоне), "Красная печать", 1923, № 20.

Фельетон, Л., Academia, 1927, и некоторые другие.

лого необходимо, нужно изучать их творчество, традиции русской и советской сатиры. Но пока мы занимаемся изучением прошлого, растёт и развивается современная, сегодняшняя литература. И начать разбираться в ней, изучать её надо сегодня, сейчас, а не через 10-20 лет. До сих пор же мы имеем только несколько работ, вышедших 30-40 лет тому назад, или посвящённых, в лучшем случае, сатире 20-х годов нашего века. А с тех пор много воды утекло. Литература шагнула вперед. Особенно это относится к сатирической литературе, на которую весьма неблагоприятно повлияли годы культа личности, которая почти деградировала и которая именно в последние годы начинает преодолевать его последствия, возрождаться вновь.

Что характерно для сегодняшней сатирической литературы, для современного фельетона в частности, какие цели и задачи стоят перед ним, как он решает их? Во всех этих вопросах каждому предоставлено право разбираться самому. Предисловие Я. Энесберга к сборнику "Советский фельетон" слишком общо и кратко. Вышедшая в этом году книга Г.Кноблоха "О сущности фельетона"² затрагивает важные вопросы истории, теории и практики фельетона, но, в основном, на материале немецкой литературы.

Настоящая работа ставит своей целью рассмотреть творчество Л. Лиходеева как фельетониста, хотя бы в самых общих чертах.

Л. Лиходеев представляется наиболее интересным именно своей творческой индивидуальностью, отчетливо выраженной манерой письма. Вместе с тем, творчество Лиходеева, с одной стороны, вполне современно, это - сегодняшний день советского фельетона, и черты сегодняшней сатиры в его творчестве выражены весьма ярко. С другой стороны, тема "Лиходеев - фельетонист" еще не становилась предметом специального исследования, а потребность в нем, думается, вполне назрела.

² Heinz Knobloch, Vom Wesen des Feuilletons, Malle (Saale), VEB Verlag "Sprache und Literatur", 1962.

Леонид Израилевич Лиходеев - Лидес (род. 1921 г.) начал свой путь в литературе как поэт и очеркист. Выступал он и как поэт-переводчик.

В 1953 г. вышла его первая книга - сборник стихов "Покорение пустыни", в 1955 г. - "Своими глазами", в 1957 г. - "Открытое окно". Два последних сборника вызвали резко отрицательную оценку критики. Отмечались незначительность их тематики, пустота стихотворений, их искусственность и стремление "замаскироваться под Маяковского". Особенный упор критика делала на том, что собственные мысли у Лиходеева, якобы, отсутствуют, и ему приходится занимать их опять же у Маяковского. "Очевидно, в их понимании (Лиходеева и других молодых поэтов - Т.В.) учеба и обкрадывание суть понятия одного порядка <...>. Во всяком случае, эти поэты с о з н а т е л ь н о подражают Маяковскому, но не учатся у него, не продолжают его традиций"³. Думается, что обвинения эти во многом необоснованны. Доля правды состояла лишь в том, что во многом, особенно в форме стихотворений первых сборников Лиходеева чувствуется если не подражательность, то во всяком случае не всегда органически усвоенное влияние традиций Маяковского. Что же касается "заимствования" мыслей и чувств, то с этим утверждением никак нельзя согласиться. Бесспорно, мысли и чувства Лиходеева во многом близки мыслям и чувствам Маяковского, но они не заимствованы. Именно важнейшие мысли Маяковского - сатирика: непримиримое отношение к мещанству, страстное неприятие всего того, что мешает нам жить и строить новое общество - не только нашли отражение в стихотворениях Л. Лиходеева, но и получили дальнейшее развитие в последующем творчестве Л. Лиходеева - в его фельетонах (а также в комедии, в стихах и прозе "Шаги на рассвете", и сценарии короткометражной сатирической кинокомедии "Уши").

³ В. Л в б о в ц е в. Почему это плохо? Альм. "Молодая гвардия", 1956, вып. 16, стр. 305.

В 1957 году в "Литературной газете" были опубликованы два фельетона Л. Лиходеева: "Южный базар"⁴ и "Отдыхающие"⁵. Фельетоны эти приближаются к путевым очеркам, зарисовкам. Особенно — фельетон "Отдыхающие". Строится он как описание крымских курортов и отдыхающих на них людей. Значительное место в фельетоне занимает рассказ о труде, "который сделал эти красоты домашне-доступными". "Отдыхающие" — пример так называемого "положительного фельетона", т.е. фельетона, в котором главный пафос — утверждающий. Сам автор пишет: "В этом фельетоне я никого не бичую, а, выражаясь бухгалтерским языком, хочу слегка подбить итоги только что закончившегося летне-осеннего курортного сезона. Пусть товарищи, руководящие настроениями отдыхающих, сами разберутся, что нужно исправить, улучшить, разработать..."⁶ Вообще же надо заметить, что "Отдыхающие" — единственный "положительный фельетон" в творчестве Лиходеева.

Тема "Южного базара" не отличалась новизной. О спелеулянтах и тунеядцах написано довольно много — см.: Сем. Нариньяни "Седьмая победа", М. Манский "Автобарышники", И. Матуновский "На полтинник дешевле", "Дима не попал в институт", "Заступитесь за Дранкина", "Двадцать два несчастья", "Печальные рыцари жевательной резинки", "Золотое яичко" и др. Однако большинство названных фельетонов строится как рассказ об одном — двух фактах. Широких обобщений в них нет. "Южный базар" выделяется из этого ряда фельетонов прежде всего обилием художественных зарисовок, диалогов, живостью языка, красочностью описаний:

"Кони в соломенных шляпах морщатся от неумеренного шума. Маленькие ишачки тащат свои тележки, и понятие "ишачить" вовсе не подходит к их непринужденным движениям. Древние гужевые запахи насыщают прозрачный раскаленный воздух, в ко-

⁴ "Литературная газета" (далее — Лит. газ.), 1957, № 112.

⁵ "Лит. газ.", 1957, № 140.

тором лениво плавают сытые голуби и суетятся воробьи <..>

Город обступил эту площадь (базарную — Т.В.) и, шуряя от солнца, рассматривает её окнами четвертых и пятых этажей. Краны вытягивают шеи, тащат в клювах грузы, и тросы болтаются почти над головами густой толпы. Городу тесно, ему мало окраин, он вытесняет из центра свое прошлое.⁶ Это прошлое олицетворено в старом базаре, точнее в торговых и торговцах, готовых шкуру с человека содрать, лишь бы отхватить побольше. Сама композиция описания: антитеза "город" — "базар" — подводит нас к центральной мысли фельетона — о борьбе нового со старым, о живучей мерзости этого старого, приспособившегося к новым условиям. Лиходеев пишет о тунеядцах, о тех "воинственных нищих", которые "помогают выполнять и перевыполнять план водкооборота во всех окрестных забегаловках и гадошниках. Они не хотят работать и никогда не научатся. Но напрасно думать, что они пали и начисто оторваны от действительности. Они не оторваны. Они знают, что делают."⁷

"Это обыкновенные паразиты, прикрывающие своё тунеядство каким-нибудь полуйнвалидным свидетельством с круглой советской печатью, а то и просто унижительной демагогией".⁸ В связи с "деятельностью" базара Лиходеев пишет и об эстетическом воспитании масс. Как бороться с "ядовитыми лебедями по трояку за аршин"? "Прежде всего обратите внимание на бесчисленные казенные щиты, рекламирующие прекрасную жизнь. Они украшают брандмауэры обступивших базар домов. Чем они отличаются от описанного эстетического товара?"⁹

"Сберегательную книжку, облигацию, аккредитив надо реклами-

⁶ Л. Лиходеев. Фельетоны, М., Советский писатель, 1961, стр. 132.

⁷ Там же, стр. 140.

⁸ Там же, стр. 141.

⁹ Там же, стр. 147.

ровать. Но неужели нельзя это делать весело, без мешанской кондовости, без сундучного представления о выгоде быть вкладчиком сберкассы? Неужели нельзя строить рекламу с учетом человеческого достоинства, а не базарного вкуса?"¹⁰

Тематика фельетонов Лиходеева не ограничивается этим. Писатель говорит о самых различных сторонах нашей действительности, начиная с вопросов бытового обслуживания ("Гвоздь в сапоге", "Пожалуйста к столу", "Сила притяжения") и кончая сложнейшими вопросами этики ("Титаническое самоуважение", "Гибель сенсации", "Склока", "Благие оскорбления", "Пинкертоны"), эстетики, морали, вопросами воспитания человека будущего ("Философия квартирантов", "Средь шумного бала", "Новогодний фельетон" и др.)

Большое место в фельетонах Лиходеева занимает проблема разоблачения современного мешанина. В связи с этим вспоминается совершенно парадоксальный случай. На обсуждении публикуемой работы на научной студенческой конференции в Белорусском Государственном университете им. В.И. Ленина преподаватель советской литературы выразила сомнение в актуальности фельетонов Лиходеева на эту тематику, так как ... мешанства у нас больше нет, и сослалась на материалы XXII съезда КПСС.

Однако совершенно очевидно, что в фельетонах Л. Лиходеева речь идет не о мешанстве как сослови, а о всевозможных пережитках и рецидивах мелкобуржуазных представлений и настроений. "Славословие" Л. Лиходеева, как и В. Маяковского, адресуется "Мешанству без различия классов и сословий". А таковое, к сожалению, у нас еще имеется.

Лиходеев ставит вопрос не только о его существовании, но и о его опасности, о его живучести, о трудности борьбы с ним. Лиходеев пишет о мешанстве во всех его многообраз-

¹⁰ Там же, стр. 148.

ных проявлениях. При этом мешанство противопоставляется красоте ("Фиговые листья", "Всполох уродливых теней"), нравственности ("Хищница", "Нравственность из-за угла", "Непойманный вор, или Дым без огня"...), разуму ("Овал", "Дикарь", "Светская хроника"). Но прежде всего мешанство заключается в собственнической этике, в "хватательных рефлекссах". "Мешанин - это существо, извлекающее для себя выгоду прежде всего при помощи закона. А суть закона для него в форме. Только в форме".¹¹

"Общество строит коммунизм, а отдельные живые существа желают доить это общество под открытым небом. И доить, главным образом, явно и "законно".¹²

Некоторые фельетоны Лиходеева получили особенно широкий отклик среди читателей. Это - "Хищница"¹³, "Частная собственность"¹⁴, "Нравственность из-за угла"¹⁵.

"Хищница" - фельетон, пронизанный страстной непримиримостью к мешанству, к "хищному мурлу мешанина". Речь шла о 17-летней девице, вынудившей известного академика развестись с женой и жениться на ней. "Героиня" фельетона отобрала у старой жены пенсию, объявив её сумасшедшей. Там же приводились и другие факты, другие примеры душевного хамства.

В фельетоне не были названы фамилии описываемых лиц. Лиходеев писал: "... я не хочу, чтобы этот мой фельетон превратился в документ, на основании которого были бы приняты меры только против одной хищницы.

¹¹ Хищница, там же, стр. 12.

¹² Мурло мешанина, там же, стр. 40.

¹³ "Лит. газ.", 1959, № 86.

¹⁴ "Лит. газ.", 1959, № 89.

¹⁵ "Лит. газ.", 1961, № 84.

Я хочу, чтобы было обращено пристальное внимание на хищничество вообще, на хищничество как разновидность оголтелого мещанства, путающегося у нас в ногах".¹⁶

О мещанском понимании нравственности пишет Лиходеев в фельетоне "Нравственность из-за угла". Нравственность - "это та самая злополучная область, в которой каждый добродетель может свистнуть, плюнуть, улюлюкнуть и остаться безнаказанным. Одни делают это втихаря, другие под звуки фанфар, но суть их одна и та же. Она заключается в том, чтобы взять человека, раздеть его догола, собрать зевак и показать, какой человек голый. Она заключается в том, чтобы подкрасться, застучать, залезть в замочную скважину <...> Замочная скважина - заманчивая точка зрения <...> Мещанин изобрел замочную скважину и взял за неё патент. Это его величайшее достояние. Это его сильнейшее оружие..."¹⁷ "И не возле этой ли скважины возникают потоки безнравственности, на которую ссылаются ханжи..."¹⁸

Замочная скважина приобретает характер символа мещанской точки зрения на нравственность.

В фельетоне говорилось о 3-х случаях "благонамеренности из-за угла, добропорядочности исподтишка": о письме некоего Якова Ивановича, возмущенного студенческими нравами (женятся, не закончив учебы, и никто этого не запрещает!), о глупых и оскорбительных корреспонденциях московской сатирической фотовитрины "Ложка дегтя", о возмутительном случае в Пятигорском институте (преподаватель был обвинен в аморальном поведении, невинная девушка подвергнута отвратительным оскорблениям). Фельетон кончался призывом: "Оградим же человека от оскверняющего прикосновения волосатой лапы мещанина!"

¹⁶ Л. Л и х о д е е в, Фельетоны, стр. 10.

¹⁷ Нравственность из-за угла, "Лит.газ.", 1961, № 84.

¹⁸ Фиговые листья, "Лит. газ.", 1960, № 72.

фельетон вызвал многочисленные отклики - "У фельетона ровно столько оппонентов, сколько нужно для того, чтобы считать свою работу небесполезной", - писал Лиходеев в фельетоне "Непойманный вор, или Дым без огня"¹⁹, написанном по откликам на "Нравственность из-за угла". Здесь опять, как и в "Хищнице", возникает вопрос, необходимо ли в фельетоне указывать фамилии? Как к этому относится сам Лиходеев? Он пишет: "Ну, а как же все-таки быть с острым полемическим вопросом: обязательны ли в фельетоне точные имена?"

Как видите, вопрос этот пока что остается открытым".²⁰ Как видим, Лиходеев не отвечает на поставленный вопрос - и, очевидно, намеренно. Обратимся к его фельетонам. В некоторых ("Философия квартирантов", "Хорек в цитате", "Сила притяжения") точно указаны имена и адреса тех, против кого направлены фельетоны, в других - нет. Отчего это зависит?

Фельетон "Хорек в цитате"²¹ рассказывает о преподавателе Ленинградского ветеринарного института В.Я.Малжове, издававшемся над членами своей семьи, избивавшем тещу. Преподаватель политэкономии, проповедующий на лекциях социалистическую этику, хамски ведёт себя в быту.

Случай явно не типичный. Писать об этом фельетон без упоминания фамилий "героев" - значит, в какой-то степени типизировать это явление. Фельетон без фамилии здесь неуместен, как представляющий данный случай массовым. Упоминание фамилии "героя" представляет факт как частный случай.

Фельетон "Сила притяжения"²² содержит точные адреса тех, кто повинен в том, что наша легкая промышленность продолжает выпускать устаревшую и недоброкачественную продукцию. Изменить это - не проблема. Необходимо только ряд кон-

¹⁹ "Лит. газ.", 1961, № 109.

²⁰ "Непойманный вор, или Дым без огня..." "Лит.газ.", 1961, № 109.

²¹ "Лит. газ.", 1961, № 12.

²² "Лит. газ.", 1959, № 131.

кретных мероприятий. В данном случае более уместен фельетон с точным адресом, так как он более действенен - и Лиходеев сообщает "фамилии и адреса".

Фельетон "Философия квартирантов"²³ рассказывает о суде над парнем, изнасиловавшем девушку. Секретарь комсомольской организации завода (девушка!) вступает за него: "Хороший производственник, ошибся - простить". Что это? Искреннее убеждение? Нет. Просто здесь выше всего ценится "честь мундира". По мнению выступавших в защиту насильника, "честь мундира" выше человеческой чести, человеческой гордости и совести.

Лиходеев пишет: "Если каждый проступок, именно каждый проступок станет предметом общественного обсуждения, он не перерастет в антиобщественное явление". Для того, чтобы данный проступок стал предметом обсуждения и осуждения, в фельетоне названы фамилии "героев", названы места их работы.

Возьмем теперь для сравнения фельетон "Почем овес?"²⁴ Это фельетон "о гипертрофированной страсти мещанина ненавидеть всё, что находится выше его представлений о потребностях человека", о его собственных потребностях, о мещанском понимании формулы: "от каждого по способности, каждому по его потребности". Фельетон поднимает вопросы, которые, к сожалению, не потеряли своей актуальности и сегодня. Здесь мало назвать Иванова, Петрова, Сидорова. Вопрос этот значительно шире и важнее и требует поэтому фельетона проблемного, не называющего каких-то конкретных носителей зла, не ограничивающего своих рамок конкретными фактами.

Итак, фельетон, называющий то или иное конкретное лицо, сужает вопрос, низводит фельетон до разоблачения какого-то одного факта. И такой фельетон необходим, если речь идет об индивидуальном случае, единичном факте, а не о яв-

лении, в той или иной степени распространенном. Конечно, и проблемный фельетон можно построить с упоминанием точных имен и адресов (в конечном счете любой фельетон основывается на конкретных фактах), но нельзя забывать, что это в какой-то степени все же сузит его.

Л. Лиходеев, как нам представляется, весьма последовательно проводит принцип точного указания адресата в одних фельетонах и отказывается от этого принципа - в других.

О фельетонах Лиходеева можно сказать, что они в большинстве своем проблемны. Это обусловлено тем, что Лиходеева больше всего интересуют вопросы, имеющие большое общественное значение. Центральным, определяющим творчество Лиходеева-фельетониста является вопрос о воспитании нового человека, человека будущего. Человек этот растет и развивается сегодня. Что может помешать воспитанию этого нового человека? Что нужно устранить, что нужно уничтожить?

Это, в первую очередь, как мы уже указывали, - мещанство, мещанство во всем его безобразном разнообразии, во всех его многочисленных проявлениях.

О грузе собственности, о хапугах,

о тех, кто

с советской властью

рассчитался:

все, что мог содрать с нее,

содрал, -

кто,

чтоб ни делать:

стих писать,

копать ли уголь,

зять,

Строить дом ли -

все равно,

умело

норовят прилипнуть и

стяжать" (стихотворение "Краснодар")²⁵

²⁵ Л. Лиходеев, Своими глазами, М., Советский писатель, 1955, стр. 60-61.

²³ "Лит. газ.", 1959, № 19.

²⁴ "Лит. газ.", 1961, № 58.

написан фельетон "Частная собственность". Фельетон этот задел за живое очень многих. Редакция получила огромное количество откликов (среди которых было немало анонимных). Особенное возмущение "анонимов" вызвало то, что фельетон разоблачал хапуг "законных", хапуг, "которые превратили свои участки в самые настоящие индивидуальные уголья". На материале откликов на этот фельетон был написан другой - "Еще раз о частной собственности".

О мещанском отношении к труду, к жизни пишет в большинстве своих лучших фельетонов Л. Лиходеев. Это: "Мурло мещанина", "Призрак казенного воробья", "Почем овес?", "Компенсация амортизации" и др. Лиходеев пишет о "мещанском осмыслении жестокой проблемы "Я для общества и общество для меня". Это осмысление непременно приводит к тому, что бедное общество является постоянным должником мещанства. И если с этого общества нельзя содрать натурой, то хорошо бы взыскать хотя бы лаврами, хотя бы лавровым листом для супа, а если не удастся и это - то хотя бы правом на безвозмездное хамство.

Мещанин распахивает острыми локтями хороших людей.²⁶ Мещанин "не хочет (трудиться - Т.В.) по способности <...>. Он хочет в полспособности, в четверть способности, вовсе без способностей. Его завидующее око видит только вторую сторону известной формулы".²⁷

Вопросам этики посвящены фельетоны "Склока", "Компенсация амортизации", "Светская хроника", "Благие оскорбления", "Ежели вы вежливы ...", "Флигель аксельбант", "Пинкертоны". Из фельетонов на эту тему в сатирической и юмористической литературе наиболее популярны фельетоны о склочниках. Фельетоны эти пишут о склоке, о её мерзости, но не идут дальше констатации того, что "склочничать - плохо", не по-

²⁶ Призрак казенного воробья, "Лит. газ", 1961, № 36.

²⁷ Почем овес? "Лит. газ", 1961, № 59.

казывают, как надо бороться со склокой.

Исключение составляет фельетон Б. Егорова и Я. Полищука "Мантекки и Капулетти". Выход в борьбе со склокой авторы видят в том, что "над скандалистами-любителями, склочниками-спортсменами надо учинять товарищеские суды. Судить, судить беспощадно при большом стечении жильцов <...>

Известно право милиции штрафовать склочников и скандалистов не только на улице, но и дома. Но, увы, как редко использует милиция это право!"²⁸ Но о причинах живучести склочничества в нашем обществе нет ни слова.

Лиходеев ставит этот вопрос несколько иначе (фельетон "Склока"). Основной упор автор делает на причинах, способствующих существованию склоки. "А склока свирепствует. Она одна понимает, что жертвы её - это её союзники. Терпят передовые, честные люди: ну, что с ними связываться - с пережитками проклятого прошлого! <...> Совершенно непонятно, почему эти хорошие люди считают, что заниматься чистотой быта должны только так называемые "вышестоящие организации"? Почему кто-то должен наводить порядок там, где этот порядок зависит от самих людей".²⁹

Таким образом, Лиходеев считает, что причиной склок и вообще всякой активности сегодняшних мещан является пассивность лучших советских людей, их нежелание вмешиваться в так называемые "мелочи быта", в то время как "мелочей" в строительстве новых человеческих отношений нет и не может быть.

Большое место в творчестве Лиходеева занимают проблемы эстетического воспитания. В известной степени это определяется центральным вопросом фельетонов Лиходеева - вопросом воспитания человека коммунистического завтра. Человек этот прежде всего гармонически развит, и в этом гармоническом

²⁸ Б. Егоров, Я. Полищук, Воевода на кочке, М., изд. "Правда", 1957, стр. 89.

²⁹ Л. Лиходеев, Фельетоны, стр. 55-56.

развитии эстетическое воспитание занимает одно из первых мест. Проблемам эстетического воспитания посвящены фельетоны "Фиговые листья", "Тири на рояле", "Южный базар", "Письмо любимому читателю", "Всполох уродливых теней". Красоте противопоставлены мещанство, обывательщина, косность. В фельетоне "Всполох уродливых теней"³⁰ Лиходеев пишет о том, как в Ростове-на-Дону был отвергнут оригинальный проект монументально-декоративной росписи стен стадиона. Сделано это было лишь на том основании, что "начальству" не понравилось — слишком непривычно. Что это? Косность "начальства"? Да. Но не только это. Можно ли вообще в таких вопросах руководствоваться мнением группки людей, не отличающейся высоким художественным вкусом? Лиходеев утверждает, что в таких случаях необходимо прислушиваться к мнению широкой общественности.

В фельетоне "Тири на рояле"³¹ автор с горечью пишет о том, что периферия лишена настоящего искусства, что народ подчас вынужден довольствоваться халтурой.

Из произведений, посвященных "мещанской эстетике", наиболее известен фельетон "Фиговые листья",³² который по существу продолжал "Венеру в Дегтярске" С. Львова³³. Фельетон С. Львова рассказывал о том, как на выставке рисунков школьников появилось несколько зарисовок торса Венеры. Эта "безнравственность" возмутила преподавателей. "Неужели нельзя рисовать мужчину атлета?" Весь фельетон строится как ряд тезисов и антитезисов: как могли бы прореагировать преподаватели и как они отнеслись к "этому" на самом деле. В заключении Львов иронически рисует следующую картину: директор бежит по музею и развешивает на наиболее "безнравственных" статуях фиговые листочки — предстоит экскурсия школьников.

³⁰ "Лит.газ.", 1960, № 79.

³¹ "Лит. газ.", 1959, № 80.

³² "Лит. газ.", 1960, № 72.

³³ "Лит. газ.", 1960, № 59.

Между названием фельетона Лиходеева и этим образом Львова, как видим, есть прямая связь.

Описываемый Лиходеевым случай с бойцом пожарной охраны тов. Костенко, повесившим в служебном помещении репродукцию картины Рубенса, служит поводом для размышлений о ханжеском отношении к искусству (начальство тов. Костенко было возмущено этой "безнравственностью"). Ханжеское отношение к искусству тоже одно из проявлений мещанства, оно неотделимо от него. "У мещанина очень точное, утилитарное отношение к вещам. Вещи — либо ценности, либо предмет конкретного назначения. Никаких эстетических функций вещи у них не несут (<..> для мещанина нарисованная женщина не существует. Для него и живая имеет одно утилитарное назначение, и плевать ему на искусство с высокой каланчи".³⁴

"Мещанин выстроил замочную скважину перед прекрасным и возвышенным, заслонив их своими погаными утилитарными воззрениями.

И не возле этой ли скважины возникают истоки безнравственности, на которую ссылаются ханжи, оправдывая свое стремление натянуть на Афродиту трикотажные рейтузы".³⁵

"Конечно, лучше всего убрать Венеру к чертям, чтоб не развивали нездоровых инстинктов. Убрать и все!

Но позвольте! Откуда убрать? Где они — эти мраморные очаги разврата? А их нету. Нету мраморных очагов, и все тут".³⁶ Но Лиходеев не ограничивается простой констатацией этого. Он пишет о необходимости эстетического воспитания в школе. Несколько ранее, в очерке "Волга впадает в Каспийское море" Лиходеев писал: "Я не знаю, следует ли открыть эти эстетические очаги (дома художественного воспитания детей — Т.В.). Может быть, есть дела и поважнее, но, безусловно, проблема эстетического воспитания не может быть ре-

³⁴ Л. Л и х о д е е в, Фельетоны, стр. 62.

³⁵ Там же, стр. 67.

³⁶ Там же, стр. 65.

шена только школой".³⁷

В одном аспекте, аспекте мещанского отношения к искусству, "Фиговые листья" можно сравнить с фельетоном Ю. Арбата "Любовь к фламандцам"³⁸. Некая Зоя полюбила фламандскую живопись, полюбила с того дня, когда услышала, что "картина - это всегда деньги". И вдруг эта любовь неожиданно прошла. Тайну этого Зоя раскрыла только самой близкой подруге: "Этот Подползухин оказался жуликом. Подсунул мне бог знает что! Посмотри на эту парочку. Ну, как я её вывешу? Ведь к нам приходят племянницы. Они такие любознательные. Могут задать вопросы. Какому-нибудь лектору в музее хорошо рассказывать, кто такой Марс, кто Венера. А я?"³⁹

"Но ведь тебе понравились эти картины? - удивилась подруга. <..> - Ничего не понравились. Просто в одном доме сказали: картины - это те же деньги. А тут разговоры о реформе <..> Ну, ладно, как только снова пройдет слух, продам всех своих фламандцев. Есть у меня знакомые на примете. Я давно собираюсь устроить им пакость. А сама куплю нейлон".⁴⁰

Фельетон Ю. Арбата написан довольно язвительно, но все же надо отметить, что по природе своей он ближе к юмористическому рассказу. В фельетоне этом нет обобщений, не вскрыта опасность подобного отношения к искусству.

К этому циклу фельетонов Лиходеева в некоторой степени примыкает и "Средь шумного бала"⁴¹, наполненный раздумьями о досуге молодежи, о досуге тех, "которые хотят танцевать, петь и судачить об искусстве просто так, в рабочем порядке, не отличаясь в кружке, не усиливая шагом своей талантливой ноги могучую поступь самодеятельных коллективов".

Остановимся теперь на построении фельетонов Лиходеева.

³⁷ Волга впадает в Каспийское море, М., Госполитиздат, 1960, стр. 98.

³⁸ Ю. А р б а т, Часы с боем, М., изд. "Правда", 1958.

³⁹ Ю. А р б а т, Часы с боем, стр. 6.

⁴⁰ Там же, стр. 7.

⁴¹ "Лит. газ.", 1962, № 26.

В большинстве случаев фельетон его строится не как рассказ об одном случае, а как рассказ о нескольких фактах. Это, возможно, придает фельетону раздробленность. Но раздробленность эта внешняя. В центре фельетона - единый сатирический образ, выступающий в различных проявлениях. Фельетон получает большую убедительность, фактичность, показывает явление не как единичное, а как более широкое, распространенное. Факты связаны между собой как различные проявления одного и того же зла - мелкособственнического, мещанского отношения к действительности. Кроме того, ценность фельетону придает авторская речь, дающая излагаемому резкую, обличительную характеристику. Это делает фельетон Лиходеева публицистическим.

Факты в фельетоне располагаются не беспорядочно, не бессистемно, а по степени возрастания их обличительной силы. Фельетон "Хищница" строится на 2-х фактах: некая особа женила на себе престарелого профессора, объявив его прежнюю жену психически больной и присвоив впоследствии её пенсию; единственная дочь подала в суд на родителей, чтобы получить их жилплощадь.

В фельетоне "Нравственность из-за угла" - возмущение Якова Ивановича студенческими "нравами" не более как смешно. Но корреспонденции "Ложки дегтя" уже не смешны, они унижают человеческое достоинство; вершиной проявления мещанской "нравственности" является случай в Пятигорске.

Особенность фельетонов Лиходеева заключается в том, что всюду чувствуется авторская оценка, которая проявляется не только в манере изложения фактов, в композиции фельетона, но и в прямой речи автора. Авторская речь неотвлеченна, она все время обращена к читателю, призывая его внимательнее отнестись к тому или иному факту, призывая его так или иначе откликнуться на описываемое событие. Поэтому так часты в фельетонах Лиходеева обращения "Дорогой читатель!".

Главное в фельетонах Л. Лиходеева - такое изложение фактов, такое построение фельетона, что перед нами встает единый сатирический образ (чаще всего современного мещанина).

Само построение фельетона в некоторой степени определяет и стиль. Все языковые средства направлены на передачу отношения автора к описываемому, на то, чтобы вызвать подобное же отношение и у читателя.

"Она оставила очень благополучную, очень обеспеченную семью, состоящую из благородного папы, лучезарной мамы и послушного сына." Здесь чувствуется явно ироническое отношение автора: характерен эпитет "послушный" (речь идет о женатом человеке). Дальше: "Благородный папа озарил своим светом научные горизонты, лучезарная мама следила, чтобы дом был полной чашей, а послушный сын уже помышлял о докторской диссертации". Ирония усиливается, усиливается за счет повторения.

"И delicate канделябры, краснорожие шкафы, толстомордые вазы, задастые кресла и благородный папа будто даже шаркнули ножками, подтверждая святые мамини слова".⁴² Отец, персонаж отнюдь не положительный, поставлен в один ряд с "краснорожими шкафами" и "толстомордыми вазами". В этом ряду он занимает не первое и даже не среднее место. И это служит средством характеристики: вещи здесь важнее людей, "краснорожие шкафы" и "задастые кресла" в этой семье играют первенствующую роль. Человек и вещь сопоставляются, и в этой мещанской среде вещь неизменно будет победителем.

Подобное сопоставление у Лиходеева не единично; сопоставление отрицательного персонажа и предметов, животных встречается и в других фельетонах ("Овал", "Фиговые листья").

Приведенное сопоставление "вещь-человек" служит тому, чтобы показать, насколько в герое-мещанине ничтожно человеческое достоинство, человеческая ценность. Это сопоставление помогает понять моральный облик "героев".

В фельетоне "Овал" описание людей привычно следует непосредственно за рассказом об опытах Павлова на собаках. Это не простое соседство, это сравнение, это средство сопоставления и характеристики тех, кто мыслит штампами.

В фельетоне "Фиговые листья" также сопоставляется животное и человек: "... великий художник изобразил женщину с такой чистотой и так возвышенно, что его, вероятно, поняли даже лошади.

Зато возмутилось начальство товарища Костенко". Достаточно одного этого соседства лошадей и "начальства" тов. Костенко, чтобы дать почувствовать читателю всю интеллектуальную убогость этих "железобетонных великопостников".

Фельетонам Л. Лиходеева свойственен своеобразный язык, особенность которого заключается в использовании самых разнообразных лексических пластов. В частности, большое место занимают различные типы лексики. Чисто книжной: компенсация, вернисаж, лояльный, конфиденциальный, утилитарный, абориген, аспект, эмансипация, котировать и др., а также архаизмы и историзмы: понатореть, бишь, веси, кистень, плевели, амвон, иродивый, ризы, клобуки, хламиды, мироносицы; мифологизмы: кентавры, наяды, дриады, Диана, Афродита, Венера.

В фельетонах Лиходеева также часто встречаются имена ученых, художников, писателей: Ньютон, Ломоносов, Кампанелла, Рубенс, Рембрандт, Веласкес, Тициан, Репин, Серов, Васнецов, Крамский, Микельанджело, Толстой, Чехов, Гоголь, Бернс, Шекспир, Ги де Мопассан и др.

Названные пласты книжной лексики используются в различных целях. Так, историзмы в основном используются для передачи своеобразной обстановки (описание комнаты в "Фиговых листьях"), иногда они используются для усиления иронии:

"... За службу обществу дают просто зарплату, а не наследственный майорат ..."

"Его (мировоззрение - Т.В.) можно держать за пазухой и в то же время клясться со всех амвонов в преданности персонально Карлу Марксу" ("Мурло мещанина"), иногда в юмористических целях: "Беспощадный калькулятор выскакивает со свистом и размахивает счетами, как кистенем" ("Пожалуйте к столу").

⁴² Компенсация амортизации, "Лит. газ.", 1961, № 3.

Весьма широко используются книжные слова иностранного происхождения; в сочетании с лексикой разговорной, а часто даже и с просторечной, они создают особенный язык, свойственный фельетонам Лиходеева. Язык этот во многом сходен с языком его поэзии, о котором писали: "Но вряд ли приемлемо и сейчас в поэзии то смешение "французского с нижегородским", какое мы видим в стихах Леонида Лиходеева. Рядышком уживаются в них слова торжественные, высокопарные (кстати, не всегда к месту употребленные), областные и диалектные слова, книжные, нехолодные иностранные речения и ослатной жаргон.

Л. Лиходеев с бесшабашностью старого кавалериста-рубачки обращается с (...) русским языком⁴³. Бесспорно, с некоторыми замечаниями Любовцева можно согласиться, но в целом статья написана весьма тенденциозно и недоброжелательно. Поэтому автор статьи не ставит вопроса, зачем Лиходеев смешивает "французский с нижегородским", каков смысл этого приема.

Нельзя сказать, чтобы это смешение лексических пластов было недостатком языка фельетонов Лиходеева, скорее, это его достоинство, во всяком случае - его своеобразие.

В фельетонах свободно используются крылатые выражения, цитаты из Пушкина, Гоголя, Некрасова, которые иногда передаются дословно, иногда в несколько измененном виде. В некоторых случаях это служит целям создания или усиления иронии или юмора: "Его лексикон содержит только один глагол "обрать". И этим глаголом он пытается жечь сердца людей" ("Духовная сухаревка"). "Я говорю о той части человечества <...>, которую в свободное от создания материальных ценностей время не требует к священной жертве Аполлон" ("Среди шум-

⁴³ Л ю б о в ц е в В., Почему это плохо?, альманах "Молодая гвардия", 1956, вып. 16, стр. 31.

ного бала").

Иногда же перефразированные цитаты используются для создания особой иронико-поэтической атмосферы: "Хороша ты, новогодняя ночь! Прекрасно небо, звезды блещут" ("Новогодний фельетон"). Использование крылатых слов и выражений, как и лексики научной, философской, а также собственных имен имеет еще одно значение - они служат созданию художественного образа автора - человека современного, для которого мир науки, искусства - мир близкий и понятный, "свой".

Однако использование подобных литературных зачинов не всегда удачно. Это чувствуется в фельетоне "Откуда дровишки?"⁴⁴ Если с зачином здесь можно еще как-то примириться, то нельзя сказать этого о неоднократном и несколько назойливом его повторении и о введении в число действующих лиц некрасовского "мужичка с ноготок".

Особенно неудачно использован литературный зачин в фельетоне "Среди шумного бала ...", начинающийся с известных пушкинских строк:

Брожу ли я вдоль улиц шумных,
Вхожу ли в многолюдный парк,
Сижу ль меж юношей безумных, - я думаю о том ...

Глубоко философское содержание пушкинского стихотворения сводится на нет дальнейшим развитием фельетона, наполненного раздумьями не о судьбе молодого поколения вообще, а раздумьями о досуге молодежи.

Кстати, сам Лиходеев пишет: "Этот неудачный зачин (надо сказать, подобными историческими и литературными зачинами грешат многие фельетонисты, и почти всегда невпопад), этот зачин моментально сковывает автора и лишает его возможности отойти от ложной схемы",⁴⁵ что и произошло в фе-

⁴⁴ Откуда дровишки, "Лит. газ.", 1962, № 47.

⁴⁵ Фельетон на целине, "Лит. газ.", 1962, № 59.

льетоне "Откуда дровишки?".

Порой (нужно сразу отметить - очень редко) в фельетонах Лиходеева появляются и, так сказать, "зошенковские нотки". Особенно сильны они в фельетоне "Потенциал былинки",⁴⁶ где описывается некто, получивший посылку с мистической литературой из США.

"Приглядывается к адресу - правильный адрес. Приглядывается к почерку - незнакомый почерк. Ясно, - думает гражданин, - дядя американский отыскался. Поглядим, что за дядя.

⟨...⟩ С последней печатью выходит не дядя. Друг выходит. Неизвестный друг. - Так и есть - анонимка, восклицает гражданин. Хочет он с омерзением кинуть пакет в мусоропровод, но ... "

"Юрина мама (. . .) стала ощущать в себе аристократические гены. Гены щекотали самолюбие. Этот приятный зуд преобразил мамин характер. Маме захотелось избранности. Ей захотелось происходить. И если она не смогла произойти от голубых кровей, то пускай хотя дети произойдут от нее. И дети произошли".⁴⁷ "Зошенковская", вернее, кое в чем близкая к Зошенко манера повествования используется для тех же целей, для каких Зошенко пользовался сказом - для того, чтобы показать убогость, ограниченность мещанина. При этом герой Зошенко сам, через свою речь, через мир своих понятий и идеалов, раскрывает себя. Сказ служит единственным средством раскрытия сущности героя у Зошенко. Но эта манера ни в коей мере не является существенной для стиля Лиходеева в целом, уже хотя бы потому, что Лиходеев раскрывает мерзость мещанства с других позиций, нежели Зошенко. Для Зошенко мещанин - прежде всего тупой, ограниченный, глупый человек. Для Лиходеева мещанин - стяжатель с "цепными инстинктами, скрытый и тем более опасный враг, вооруженный справками и

⁴⁶ "Лит. газ.", 1959, № 95.

⁴⁷ Светская хроника, "Лит. газ.", 1961, № 78.

знанием советских законов. Мещанин Лиходеева не "забавен", не жалок, он мерзок и гнусен.

Кроме того, у Лиходеева "героя" раскрывает, разоблачает сам автор (в авторских отступлениях). Сказ является лишь дополнительным средством характеристики героя. Это придает манере Лиходеева большую действенность, т.к. резче отделяет позицию автора от героя, резче противопоставляет их.

Фельетоны Лиходеева ни в какой степени не являются юмористическими. Их проблемы серьезны и важны. Их оружие - сатира. И если юмористические сценки и образы встречаются в них, то встречаются только при обрисовке тех или иных черточек, особенностей, деталей, но не при обрисовке явления в целом. Поставленные проблемы значительны; излагаемые факты требуют разоблачения, простого осмеяния их недостаточно.

Ознакомившись с наиболее интересными и значительными фельетонами Леонида Лиходеева, мы приходим к выводу, что, при всем тематическом разнообразии, фельетоны эти пронизаны одной мыслью - мыслью о человеке будущего, человеке коммунистического общества. Человек этот гармонически развит, и в связи с этим особенно остро встают проблемы его этического и эстетического воспитания. Человек будущего - человек высокой нравственности, в связи с этим встают проблемы морали. Но прежде всего человек будущего - человек труда, и в связи с этим встает проблема отношения к труду. В "Новогоднем фельетоне"⁴⁸ Лиходеев пишет о человеке будущего: "Появились кое-где легкомысленные портреты "человека из будущего" ⟨...⟩ Парень заворачивается в пластикаты и объявляется "человек из будущего" и улыбается на шестьдесят четыре зуба. Хорошо, мол, у нас в будущем! Недавно даже узкие брюки разрешили носить. Физики декламируют Пушкина, лирики таблицу умножения назубок шпарят. Разбудишь его ночью, спросишь, сколько дважды два. Глазом не моргнет - рапортует: четыре! Вот шельма!

⁴⁸ "Лит. газ.", 1961, № 154.

А мы, сегодняшние, разводим руками от зависти: и надо же! И как этого они достигли?

Слушайте, дорогой читатель! А ведь он-то тунядец, этот, который в целлофане! Ей-богу, тунядец! Смотрите сами: дров не носил, печку не топил, кашицу не варил, дальше таблицы умножения не пошёл. Как же он свой целлофан-то делает? - А может, это просто маскарад? И никакого такого целлофанового счастья нет?

Нет целлофанового будущего, дорогой читатель (<...>).

Будущее куется сегодня. Его никто ниоткуда не привезет, ни на каком виде транспорта (<...>).

Какими мы будем завтра? (<...>).

Мы будем варить сталь и бить по рукам взяточников. Мы будем сеять хлеб и шибать бюрократов. Мы будем строить дома и высмеивать дураков. Мы будем создавать большой мир".

Но для того, чтоб построить этот большой мир, надо уничтожать все то, что может помешать нам в этом строительстве, все, что нам мешает. Большую роль в этом играет сатира, сатира боевая, оперативная, злободневная, бьющая не в бровь, а в глаз. Было время, когда считалось, что сатира потеряла своё значение, что она постепенно отомрет. Об этом почти прямо писали рапповцы. Это молча (или прикрываясь ничем не значащими фразами) по-разумевалось в годы культа личности. Время показало ошибочность этого утверждения. Лучшим доказательством этого служит заметный рост числа сатирических произведений, рост числа фельетонов на страницах периодической печати. В этом общем потоке сатирической литературы не последнее место занимает Леонид Лиходеев, фельетонист, поднимающий важные проблемы современности.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

I Фельетоны Л. Лиходеева, опубликованные в периодической печати до I декабря 1962 г.

1. А я не верю, "Лит. газ.", 1962, № I, I янв.
2. Бедный Иойриш, "Лит. газ.", 1962, № 60, 22 мая.
- 3⁺ Благие оскорбления, "Лит. газ.", 1960, № 20, 16 февр.
4. Вот какие пирожки ..., "Лит. газ.", 1961, № 150, 21 дек.
5. Всполох уродливых теней, "Лит. газ.", 1960, № 79, 5 июня.
- 6.* Гвоздь в сапоге, "Лит. газ.", 1959, № 104, 22 авг.
7. Гибель сенсации, "Лит. газ.", 1959, № 101, 15 авг.
8. Гири на рояле, "Лит. газ.", 1959, № 80, 27 июня.
9. Давление творческой атмосферы, "Известия", 1962, № 202, 25 авг.
10. Деньги (из заметок фельетониста), "Лит. газ.", 1961, № 18, 9 февр.
- 11⁺ Дикарь, "Лит. газ.", 1960, № 127, 25 окт.
12. Дорога уходит вдаль..., "Лит. газ.", 1962, № 92, I мая.
13. Доброта, "Лит. газ.", 1962, № 133, 7 ноября.
- 14⁺ Думать надо!, "Лит. газ.", 1960, № 24, 25 февр.
- 15.*⁺ Духовная сухаревка, "Лит. газ.", 1960, № 105, 3 сент.
- 16.* Ежели вы вежливы, "Театральная жизнь", 1958, № 9, стр. 59-61.
- 17.* Еще раз о частной собственности. Ответ оппонентам, "Лит. газ.", 1959, № 98, 8 авг.
- 18⁺ Компенсация амортизации, "Лит. газ.", 1961, № 3, 5 янв.
- 19.*⁺ Мурло мещанина, "Лит. газ.", 1960, № 90, 30 июля.
20. Наше общее дело, "Наш современник", 1957, № 3, стр. 314-331.
21. Непойманный вор, или Дым без огня..., "Лит. газ.", 1961, № 109, 12 сент.

* фельетоны, включенные в сборник:
Л е о н и д Л и х о д е е в, Фельетоны, М., Советский писатель, 1961.

+ фельетоны, включенные в сборник:
Л. Л и х о д е е в, Мурло мещанина, М., "Советская Россия", 1962.

- 22.⁺ Нетипичный Манилов, "Лит. газ.", 1962, № 15, 3 февр.
23. Нижнее место, "Лит. газ.", 1962, № 66, 5 июня.
24. Новогодний фельетон, "Лит. газ.", 1961, № 154, 30 дек.
- 25.⁺ Нравственность из-за угла, "Лит. газ.", 1961, № 84, 15 июля.
- 26.⁺ Овал, "Лит. газ.", 1960, № 137, 17 ноября.
27. Откуда дровишки?, "Лит. газ.", 1962, № 47, 19 апр.
- 28.* Отдыхающие, "Лит. газ.", 1957, № 140, 25 ноября.
29. Персональная обида, "Лит. газ.", 1960, № 15, 4 февр.
30. Пинкертоны, "Лит. газ.", 1960, № 66, 4 июня.
- 31.⁺ Письмо любимому читателю, "Лит. газ.", 1960, № 120, 8 окт.
- 32.* Пожалуйте к столу, "Лит. газ.", 1959, № 71, 6 июня.
33. По Смоленской дороге, "Неделя", 1962, № 35, стр. 8-9.
34. Потенциал былинки, "Лит. газ.", 1959, № 95, 1 авг.
35. Потому и критикуем, "Лит. газ.", 1962, № 136, 15 ноября
36. Почём овёс?, "Лит. газ.", 1961, № 59, 18 мая.
37. Премьера была вчера, "Театр", 1962, № 3, стр. 71-73.
- 38.⁺ Призрак казенного воробья, "Лит. газ.", 1961, № 36, 23 марта.
39. Пятна на мундире, "Известия", 1962, № 208, 1 сент.
40. Радикулит, "Неделя", 1962, № 38, стр. 22-23.
41. Решение № 88, "Лит. газ.", 1959, № 110, 5 сент.
- 42.⁺ Светская хроника, "Лит. газ.", 1961, № 78, 1 июня.
- 43.⁺ Сила притяжения, "Лит. газ.", 1959, № 131, 24 окт.
- 44.*⁺ Склока, "Лит. газ.", 1959, № 143, 21 ноября.
45. Сонные души, "Лит. газ.", 1959, № 119, 26 сент.
46. Средь шумного бала..., "Лит. газ.", 1962, № 26, 1 марта.
- 47.* Сундуки со звоном, "Знамя", 1959, № 4, стр. 163-171.
- 48.⁺ Титаническое самоуважение, "Лит. газ.", 1958, № 139, 22 ноября.
- 49.*⁺ Фиговые листья, "Лит. газ.", 1960, № 72, 18 июня.
50. Философия квартирантов, "Лит. газ.", 1959, № 19, 12 февр.
- 51.⁺ Флигель аксельбант, "Лит. газ.", 1961, № 143, 2 дек.
- 52.* Хищница, "Лит. газ.", 1959, № 86, 11 июля.
Хищница. По следам выступлений литературной газеты, "Лит. газ.", 1959, № 92, 25 июня.

53. Хорек в цитате, "Лит. газ.", 1961, № 12, 26 янв.
54. Цена умиления, "Лит. газ.", 1962, № 141, 27 ноября.
- 55.*⁺ Частная собственность, "Лит. газ.", 1959, № 89, 18 июня.
- 56.* Южный базар, "Лит. газ.", 1957, № 112, 17 сент.

II. Библиография статей о творчестве

Л. Лиходеева.

- I. Акимов Н., Премьера была вчера, "Театр", 1962, № 3, стр. 73.
2. Ардов В., Фельетон - беседа, "Литература и жизнь", 1962, № 88, 27 июля (о кн.: Л. Лиходеев, Фельетоны, М., Советский писатель, 1961).
3. Бальдиш, Г., Шаги на рассвете. Новая постановка театра Комедии, "Смена", 1961, № 269, 15 ноября.
4. Белогоров М., Книга о новой Волге, "Ферганская правда", 1960, 4 окт. (о кн.: Волга впадает в Каспийское море, Веселый разговор о серьезных вещах. М., Госполитиздат, 1960).
5. Графов Э., О серьезном с юмором, "Московская правда", 1959, 17 дек. (о кн.: Л. Лиходеев, Поездка в Тофаларию. Путешествие без приключений, М., "Советская Россия", 1959).
6. Гуральник У., Смех - оружие сильных, М., изд. "Знание", 1961, стр. 8-9.
7. Гуров, Л., Новая жизнь Волги, "Марийская правда", 1961, 26 янв. (о кн.: Л. Лиходеев, Волга впадает в Каспийское море, М., Госполитиздат, 1960).
8. Ленч Л., Весело и интересно, "Знамя", 1959, кн. 7, стр. 218-220 (о кн.: Л. Лиходеев, Поездка в Тофаларию, М., "Советская Россия", 1959).
9. Любовцев В., Почему это плохо?, альм. "Молодая гвардия", 1956, вып. 16, стр. 295-316.
10. Молдавский Дм., Появился еще один сатирик, "Нева", 1959, № 11, стр. 190.
- II. Увлекательное путешествие, "Водный транспорт", 1961, 24 янв. (о кн.: Л. Лиходеев, Волга впадает в Каспийское море, М., Госполитиздат, 1960).
12. Фельетон о фельетонах или творческий почерк Л. Чистоплюева, "Крокодил", 1960, № 7.

ДВЕ ПОВЕСТИ В. ТЕНДРЯКОВА.

А. Х а л л и к.

Творческая эволюция Владимира Федоровича Тендрякова, в основном, весьма органична (за известными оговорками), и до недавнего времени развитие писателя, бесспорно, шло по восходящей линии. Вершиной творчества писателя, на наш взгляд, являются "Ухабы", "Тройка, семерка, туз" и "Суд". "Ухабы" были встречены критикой более или менее сочувственно, и с основными оценками этого произведения мы согласны. Наоборот "Тройка, семерка, туз" и "Суд" вызвали, в основном, отрицательную оценку критики, с чем мы согласиться не можем. Поэтому мы сочли необходимым остановиться на этих двух повестях, тем более, что они очень тесно связаны между собой.

В мартовском номере "Нового мира" за 1960 год Тендряков опубликовал свою повесть "Тройка, семерка, туз". Критика встретила повесть, в основном, резко отрицательно. Писателя обвиняли даже во лжи, клевете на советского человека, на коллектив, высказывалось мнение, что в повести нет правды жизни.

В. Литвинов в статье "Тендряков "старый" и Тендряков "новый" пишет: "Появляются все новые рецензии, статьи, и все они сходятся в одном: "Тендряков написал ущербную, недостойную своего таланта повесть".¹ Литвинов находит, что в повести нет положительных героев, что конфликт в ней "утратил свое отчетливое социальное, актуальное звучание, стал абстрактней, перешел в сферу извечного единоборства добра и зла".² Итоговая мысль Литвинова: "Автор оставил повесть без всякого положительного начала".³

¹ "Октябрь", 1961, № 6, стр. 202.

² Там же, стр. 203.

³ Там же, стр. 204.

В. Перцов находит, что в повести нет правды. Неправда повести, по его мнению, исходит "от стремления изобразить людей вне истории, от попытки поставить своих героев в условия эксперимента во имя изображения сцен пробуждения в человеке низменных чувств под влиянием азарта, ожидания легкой жизни за счет других людей".⁴

В. Назаренко в статье "Мастерство и коммунистическое воспитание. О главном критерии" находит в повести Тендрякова "мысль об извечной слабости и порочности человеческой природы".⁵

Наиболее добросовестно, на наш взгляд, подошел к анализу повести Д.Стариков. По мнению последнего, главные проблемы, которые затронул в своей повести Тендряков, следующие:

1. Столкновение человека-волка с человеком труда, иначе: "человек для людей или человек для себя".⁶
2. "Дело для человека или человек для дела".⁷ Вторая проблема, как полагает критик, главная в повести. Говоря конкретнее, Стариков считает, что сплавщики у Тендрякова не личности, а лишь орудия труда.

Если повесть встретила со стороны критики столь единодушное непонимание, то, следовательно, можно предположить, что Тендряков, до сих пор отнюдь не встречавший такого отношения к себе, подошел к какому-то качественно новому этапу творчества.

Для выяснения проблематики повести вспомним чрезвычайно важную мысль одного из главных героев повести — мастера Дубинина: "В его (следователя — А.Х.) годы он (Дубинин — А.Х.) не был богаче ни умом, ни совестью".⁸

⁴ В. П е р ц о в, О таланте и чувстве истории, "Москва", 1960, № 8, стр. 203.

⁵ "Звезда", 1960, № 8, стр. 179.

⁶ Д. С т а р и к о в, Парадоксы Тендрякова, "Литература и жизнь", 15.IV.1960.

⁷ Там же.

⁸ "Новый мир", 1960, № 3, стр. 29.

Итак, все дело в у м е и в с о в е с т и . Иначе: главные проблемы повести — это проблема ума, интеллекта человека, с одной стороны, и его внутренней чистоты и цельности — с другой. Весьма важной в повести является и проблема человеческого счастья. Следует оговориться, однако, что все эти вопросы настолько связаны между собой, что отделить их друг от друга можно только условно, для простоты анализа повести.

Тендряков считает теперь, что человеческое счастье прямо зависит от его (человека) ума и совести, от их "количества" (если можно говорить о количестве таких сложных, не поддающихся точному измерению понятий), и от их направления, их общественной заостренности. Именно об этом говорит сюжетная логика повести. Для полной ясности заметим, что "умом" писатель считает в первую очередь умение разобраться в сложностях и тонкостях общественной жизни, иными словами — социальный опыт.

Почему мучится угрызениями совести Лешка? Потому, что "ум" его не развит, а, следовательно, у него нет понятия о гражданской смелости. Почему сплавщики обмануты, ограблены, почему они в растерянности, а главное — почему они "проиграли в карты человека", причем лучшего из своей среды? Опять-таки потому, что им не хватает ума и гражданской смелости. В условиях подобной жизни сплавщиков, "ум" (т.е. социальный опыт) приобретает только в процессе самой практической жизни, следовательно, только с годами. Жизнь сплавщикам приходится брать, что называется, голыми руками, без книг, без политзанятий, поэтому и "ум" дается им с трудом. Дубинин вспоминает, что именно в м о л о д о с т и он не был богаче следователя умом и совестью (теперь Дубинину лет под сорок). С другой стороны, "ум" легче дается людям в большом коллективе. Дубинин размышляет: "Здесь, на участке, живут тридцать два человека, оттого и скучно — кино даже нет. А если б триста тысяч жили — пороги бы прикрыли, пароходы бы пустиди, театров бы понастроили, музыка бы по вечерам играла ..."

⁹ "Новый мир", 1960, № 3, стр. 26.

Так что не всю вину за бездумье, за бескультурье складывает писатель на самих сплавщиков (т.е. на самого "человека"). Бездумье — это и вина, и беда их.

Что же автор вкладывает в понятие "совесть"? Сюда относятся и высокие моральные качества, то есть и высокие требования к себе, и человечность. В требуемой мере "совестью" обладает лишь мастер Дубинин, как явствует из всего его поведения с Бушуевым с момента встречи с ним (не отвернулся от Бушуева, дал ему работу), из его прошлого (вспомним историю с Яковом Сорокиным).

В повести показаны три различных представления героев о человеческом счастье. Дубининское, трудное счастье, которое дается только в борьбе за счастье других, писатель, несомненно, считает истинным, прочным. "Поднять упавшего, успокоить отчаявшегося, защитить слабого, чувствовать при этом, что ты способен радовать других, ты щедрый, ты сильный — это ли не счастье!"¹⁰ Бушуевское счастье, "грошовое, такое, что можно купить за десятку"¹¹ — это эгоистическое и вместе с тем "агрессивное" счастье за счет других людей. Это счастье призрачное, случайное. Сегодня оно есть, завтра его нет. И действительно, у Бушуева "не выгорело" со счастьем, потому что "человек упрям, никогда не отдает свое счастье легко и просто".¹² Третье представление о счастье — мещанское счастье а' la Егор Петухов. Это "теплое счастье", заключающееся в следующем: "работать, чтоб быть сытым, чтоб радоваться в одиночку — есть крыша над головой, (<...> тепло возле печи, ласковая жена ..."¹³ В атрибуты такого "счастья" входят и огороды, и парники, о которых мечтает Егор. Это счастье сплавщиками отрицается, хотя, подчеркнем, отрицается пассивно. Чособого зла в устремлениях Егора сплав-

¹⁰ "Новый мир", 1960, № 3, стр. 10.

¹¹ Там же, стр. 11.

¹² Там же, стр. 26.

¹³ Там же, стр. 10.

щики не видят. И в этом опять сказывается их ограниченность.

Сплавщики добыли свое "немудрящее счастье" тяжелым трудом в ежедневной борьбе с природой — с рекой. И до случая с Бушуевым они были счастливы. Писатель прямо говорит об этом: "Здесь трудятся люди, и труд их тяжел, но крохотный поселок напротив Большой Головы все-таки по-своему счастливый край".¹⁴

Однако история с Бушуевым перевернула жизнь сплавщиков, и ясно, что теперь они уже не могут сохранить в неприкосновенности свои прежние представления о счастье. Основной пафос повести в том и состоит, чтобы заставить людей задуматься над своей жизнью, чтобы показать: нашему современнику нужны более высокие требования к себе, нужно иное счастье, а следовательно — и иное отношение к людям, нужны иные развлечения, иное наполнение досуга.

Пора, однако, подойти к повести с другой стороны и рассмотреть положительные идеалы писателя периода создания рассматриваемой повести, а также проследить, насколько соответствуют им образы основных героев повести. Высшим, предельным идеалом являются для писателя, бесспорно, те "люди великой души, которые ради счастья других поднимались на костры, выносили пытки, сквозь стены казематов заставляли потомков прислушиваться к своему голосу".¹⁵ Говоря приблизительно, положительный идеал писателя складывается из следующих основных качеств: ум, совесть, гуманность, гражданская смелость.

Ближе всех к этому идеалу стоит мастер Дубинин. Он совестлив, гуманен ("поднять упавшего, защитить отчаявшегося"). Вспомним еще раз, что Дубинин не отказался от Бушуева, надеясь сделать из него человека, хотя легче всего было бы просто отвернуться от него. В решительную минуту Дубинин не

¹⁴ "Новый мир", 1960, № 3, стр. II.

¹⁵ Там же, стр. 9.

растерялся перед Бушуевым, подобно остальным сплавщикам. Ему не хватает только образованности (в широком смысле слова), умения убедить других в вещах, не относящихся непосредственно к работе (он "не горазд на слова"¹⁶).

Чуть подальше от писательского идеала стоит сплавщик Генка Шамаев — "артист" своего дела. И он совестлив, хотя, может быть, в самых еще примитивных формах. Однако ему не хватает дубининской тонкости в подходе к человеку, находящемуся в беде: он готов просто вытолкать в шею Бушуева. Еще дальше стоят Лешка и Иван Ступнин. Лешка совестлив, но слишком ограничен: ум его только-только начинает просыпаться, поэтому у него нет никакого представления о гражданской смелости.

Иван Ступнин, хотя и "артист" своего дела, но тоже ограничен: все непонятные или малопонятные явления он называет словом "перипетия", настоящего смысла которого не знает. Некоторые из остальных сплавщиков еще более ограничены: только что Бушуев стоял перед ними с топором в руке, а через недолгое время кто-то из них уже "безмятежно всхрапывал".

И уже на другом полюсе, не вызывая ни у автора, ни у читателя никаких симпатий, стоит стяжатель Егор Петухов, который "за пятерку из-под себя есть готов".¹⁷ Не вызывает никакого сочувствия и следовательно. Ему не хватает, по мысли Дубинина (и авторской), ума и совести, главное же — гуманности. Но, конечно, наиболее отталкивающий персонаж в рассказе Бушуев. В нем совершенно отсутствует то, что писатель понимает под совестью, нет в нем и намека на гуманность. Направление ума у него неправильное, потому и смелость его против людей. Однако он не полностью лишен человеческих качеств: есть в нем известная широта души (качество, которого нет даже у сплавщиков!), какая-то неясная тоска по родине. Он не "безнадежен" — автор избегает штампов. И не будь сплавщики такими простаками, жизнь его

¹⁶ Там же, стр. 26.

¹⁷ "Новый мир", 1960, № 3, стр. 5.

могла бы повернуться по-иному.

Итак, все вместе: бездумие сплавщиков, беспомощность Дубинина ("не горазд на слова", считает, что не имеет права вмешиваться в досуг сплавщиков), бесчеловечность Бушueva и чиновнический подход к людям следователя привели к тому, что убит человек, а другого человека, ни в чем не виноватого, будут таскать по судебным инстанциям. Сказанное позволяет сформулировать общую концепцию писателя в повести "Тройка, семерка, туз".

Жизнь — это очень серьезное, тяжелое дело, в ней, бесспорно, есть элементы трагизма. Человек не всемогущ, особенно если он живет в маленьком коллективе.

И писатель обязан писать о сложности жизни, должен заставлять людей (героев и читателей!) задумываться. И в этом — сила, а не слабость Тендрякова, в этом его высокая требовательность к нашему современнику. Тендряков хочет заставить всех жить по высоким нормам жизни гражданской, активной, по нормам революционным, предававшимся забвению в период культа личности. И, конечно, в этом он гораздо более прав, чем те писатели, режиссеры, художники, которые и после XX и XXII съездов КПСС стремятся подкрашивать, идеализировать жизнь.

В том нравственном идеале, к которому теперь стремится писатель, радостям и наслаждениям отводится более чем скромная роль. Они где-то далеко, на заднем плане. Примечательно, что и пейзаж теперь не самостоятельная ценность, а только средство передачи драматизма жизни. Вспомним грозный, неумолкающий шум порогов. Вспомним пейзаж, который лучше, чем пространное описание, передает напряженные раздумья Дубинина, его бессилие перед надвигающимися событиями: "Молчаливый, загадочный, поднимался над рекой лесистый берег — величественная стена, отделяющая маленький поселок от остального мира. Река была черная, только на середине неистово трепыхался лунный свет, рвался вперед вместе с течением и не мог сорваться".¹⁸

¹⁸ "Новый мир", 1960, № 3, стр. 26.

Повесть "Тройка, семерка, туз" — это и новый этап, и в то же время закономерное продолжение тех основных тенденций, которые проходят через все творчество писателя. Это — уже знакомые нам раздумья художника о сущности человеческого счастья, совести и ума. Третья из названных тем появилась впервые в романе "За бегущим днем", но там она не нашла еще художественно убедительного выражения, там она больше декларировалась. Вспомним рассуждение Горбылева о том, что "сейчас, как никогда, бездумье грозит катастрофой".¹⁹ Вспомним и программные слова Горбылева: "Надо поднять бунт против благодушного бездумия".²⁰

Роман "За бегущим днем" был попыткой прямого утверждения интеллектуального героя. Повесть "Тройка, семерка, туз" — это как бы "доказательство от противного" того же тезиса: интеллектуальный герой нужен. Нужен человек, стремящийся активно понять окружающее, чтобы активно вмешаться в него. Потому что при всей физической силе, ловкости и смелости люди вроде тендряковских сплавщиков не могут справиться с теми трудностями, которые ставит на их пути современная жизнь. Они прекрасно умеют покорять природу (в рамках своей практики), но в окружающей их сложной действительности (а современная жизнь, утверждает Тендряков, сложна) они не всегда умеют разобраться и потому могут спасовать перед Бушueвым.

В "Новом мире" № 3 за 1961 год напечатана повесть Тендрякова "Суд". Критика встретила повесть по-разному. И. Борисова в статье "Так случилось..."²¹ пишет, что идеал автора — Тетерин, который "честен от природы", что все лучшее в Дудыреве от Тетерина, в самом же Дудыреве первое движение души всегда неблагоприятно.

¹⁹ "Молодая гвардия", 1959, № II, стр. 32.

²⁰ Там же.

²¹ "Литературная газета", 27.IV.1961.

В. Сурганов в статье с характерным названием "Неправедный суд"²² очень тонко подметил некоторые особенности мироощущения героев Тендрякова в этой повести, но истолковал их во многом неверно. Сурганов прав, когда он говорит, что дидактический привкус портит произведения Тендрякова, упрощает их. Критик прав и тогда, когда говорит о некоторой идеализации образа Тетерина (Тендряков "ослабил несомненно присущее медвежатнику "звериное начало"²³). Но Сурганов совершает грубую ошибку, когда проводит параллель между Тетериным, с одной стороны, и стяжателями Рялкиным и Петуховым, с другой. Доля истины есть в утверждении критика о том, что "казенные люди" у Тендрякова и не люди почти, а некие условные стеллы закона, примитивные его рычаги".²⁴ Но Сурганов совершенно не прав, когда говорит, что Тендряков "уходит сам и уводит своих героев на позиции давней мужицкой неприязни (...) к законам, к государству".²⁵ Критик упрощает, когда пишет, что "Тендряков Совесть и Закон превратил в отвлеченные и взаимоисключающие категории".²⁶ Общий вывод, который делает В. Сурганов, заключается в следующем: у Тендрякова заметен "поворот к упрощенчеству в решении важнейшей в наши дни проблемы личности и государства".²⁷

Наиболее правильно, на наш взгляд, хотя и несколько поверхностно, истолковал повесть Ф. Кузнецов, статья которого называется "Один на один с совестью". Вот его итоговая мысль: "Победа Дудырева стоит меньше, чем поражение Тетерина (...). Нравственную победу, в конечном счете, одерживает Тетерин - своей высокой требовательностью, беспощадным, суровым судом над собой".²⁸

22 "Литература и жизнь", 7.У.1961.

23 Там же.

24 Там же.

25 Там же.

26 Там же.

27 Там же.

28 "Известия", 12.У.1961.

Повесть "Суд" тесно связана с только что рассмотренной повестью "Тройка, семерка, туз". Связь эта прослеживается в следующих направлениях:

1. определенная близость между образами Лешки и Семена Тетерина, с ними связана проблема суда совести;
2. связь образов следователя;
3. проблема "ума" и связанная с ней проблема гражданской смелости.

Обе повести объединяет и проблема человеческого счастья, решение которой теперь дополняется формулой: истина и счастье людей неотделимы (к такому, в частности, выводу приходит Дудырев).

Рассмотрим, чем "Суд" отличается от "Тройки...". В "Тройке..." сложность жизни, которую так болезненно воспринял Лешка, шла, в основном, от прошлого, поскольку и Бушуевы, и Петуховы - это типы, которые остались в нашем сегодня от вчерашнего дня. (Мы вовсе не хотим преуменьшить их опасности, но, тем не менее, это люди уходящие, хотя и не ушедшие. Подобные образы достаточно широко представлены литературой XIX - нач. XX вв.) Правда, следователь в "Тройке..." был, несомненно, явлением сегодняшним, но и его теперь уже можно считать "вчерашним", уходящим типом (опять-таки в историческом плане, в плане направления движения, а не в статически-статистическом!). В "Суде" же вся сложность жизни, по мысли писателя, идет, в основном, от настоящего: от начал прогрессивных, олицетворенных, с одной стороны, в Дудыреве, в его комбинате, а с другой стороны - в следователе. Эти начала некоторые критики называют "цивилизацией". Если главный конфликт "Тройки..." возник из-за вмешательства в жизнь сильных, добрых, но бездумных сплавщиков откровенно бесчеловечного начала (Бушуев убийца, враг, он с топором в руках), то главный конфликт "Суда" возник из-за вмешательства в жизнь простого, по-своему цельного человека (Тетерин) казенного, бюрократического начала (следователь) и начала, воплощенного в Дудыреве и в его комбинате.

Новое, что появилось в "Суде" по сравнению с "Тройкой...",

связано, в первую очередь, с образами Дудырева, следователя и прокурора. Поэтому следует подробнее рассмотреть эти образы.

Дудырев — начальник, вышедший из рабочих, "приписавшийся к интеллигенции". Если мастер Дубинин — это тот же сплавщик, только постарше и поопытнее, то Дудырев уже качественно отличается от рабочих: он интеллигент. Хотя внешность у него рабочая, писатель замечает: "Не так-то прост этот человек".²⁹

Если Дубинин жил непосредственной жизнью, не имея особого понятия об идеалах, то Дудырев уже "растравлен рефлексией", самоанализом, он сознательно проверяет свое поведение на идеале, каковым для него является (на первых порах) "кондовый медвежатник, цельная натура, первобытная сила". Тетерин — "олицетворение народа", как он привык считать. А "перед народом Дудырев с малых лет привык безотчетно, почти с религиозным обожанием преклоняться".³⁰

Пересмотр Дудыревым своих идеалов, урок, который он получил, — составляют один из главных идейных моментов повести. "Умилялся и забывал, что он сам строит новые заводы, завозит новые машины... усложняет жизнь..."³¹ Писатель дает Дудыреву весьма ясную программу действий в дальнейшем: "Мало поднять комбинат, проложить дорогу, переселить людей в благоустроенные дома (...). Надо учить людей, как жить".³²

В сущности, Дудырев довольно близок к авторскому идеалу, хотя не настолько, как Тетерин. Главным критерием в оценке людей у писателя продолжают оставаться уже рассмотренные понятия ума и совести. И Тетерина и Дудырева мучает совесть, но первого больше, второго меньше.

²⁹ "Новый мир", 1961, № 3, стр. 17.

³⁰ Там же, стр. 59.

³¹ Там же.

³² Там же, стр. 60.

Автор, по-видимому, считает Тетерина натурой, более напряженно стремящейся к правде. С другой стороны, Дудырев умнее Тетерина, и мысли его в основном совпадают с авторскими. И со стороны своей интеллектуальной жизни Дудырев, бесспорно, ближе к Тендрякову, чем Тетерин.

Этим, видимо, и объясняется кажущееся противоречие между утверждениями И. Борисовой и В. Литвинова (Борисова полагает, что только Тетерин — идеал писателя, Литвинов же дает понять, что таковым является Дудырев). Есть, однако, у Дудырева одна примечательная черта ума, которая писателю, судя по всему, далека и чужда. Это своеобразная внутренняя робость, робость мысли, связанная с тем, что натура Дудырева нравственно не цельна. Речь идет о так называемом "первом движении души" Дудырева. Вспомним, что Дудырев, которому Тетерин только что доказал, что парня убил он (т.е. Дудырев), в первую минуту даже самому себе не хочет признаться, что он убийца. Впрочем, это можно объяснить и исключительностью происшедшего: ничего подобного Дудырев ранее не переживал. Исходя из рассмотренного эпизода, некоторые критики, недолго думая, объявили Дудырева "трусом и лицемером".³³

Да, Дудырев действительно испугался, но испугался не наказания, а самого факта, что он может быть убийцей. Мысль Дудырева робка, консервативна, ему не хватает истинной, органической человечности, оттого он и не может на первых порах отличить несчастья от убийства. Он как бы забыл, что он ведь не хотел убивать человека. Мысль ему следовало сразу направить на то, чтоб доказать: по роковой случайности произошло несчастье, и не нужно поэтому возбуждать дела о наказании кого-то.

Если отношение писателя к Дудыреву все-таки несколько неопределенное, то Митягина он явно осуждает — за его ро-

³³ См. статью В. И л ь и н а "Суд", "Советские профсоюзы", 1961, № 12, стр. 47.

бость и заботность, осуждает, но и сожалеет о его забитости. Сложнее отношение писателя к Тетерину. Как правильно заметил В. Литвинов, "автор склонен в равной мере и обвинять Тетерина, и прощать его, и мучиться вместе с ним, а порой даже любоваться им сквозь слезы".³⁴

И. Борисова в уже упомянутой статье писала, что поведение Дудырева благородно только в конечном счете, но что первое движение его души всегда неблагородно. В этой мысли критика есть доля истины (мы уже установили консервативность мысли Дудырева). Но если все-таки говорить о первом движении души Дудырева, как это понимает Борисова, то оно бывало и благородным. Вспомним, что до прихода Тетерина, когда Дудырев еще не знал, что парня убил именно он, он думал, что не станет выгораживать себя и топить другого. Он решил честно признать за собой часть вины, чем бы это ему ни грозило. Дудырев резюмирует: "Гнусно прикрываться собственным всесилием".³⁵ Это душевное движение благородно. Однако личное благородство еще не высшая ценность для писателя. Истинный человек, такой, как Тетерин, еще и человек. Ему не так важно показать себя благородным, сколько понять другого человека, помочь ему в беде, исходя при этом не из комплекса отвлеченных понятий, а из самой сущности своей натуры. А сущность эта — гуманность. Тетерин думает о Михайле и в связи с этим возмущается поведением шофера: "Да возмутись же, обидься за другого — живая душа мается! Прими её боль, как свою. Можешь помочь — помоги, не можешь — просто пойми человека. Понять — это, пожалуй, самое важное".³⁶ Между прочим, это рассуждение (как и многие другие — и в других произведениях) принадлежит самому писателю, хотя и вложено в уста Тетерина.

На противоположном Тетерину полюсе стоит следователь Дитятичев. Не случайно Тендряков взял теперь следователя

³⁴ "Октябрь", 1961, № 6, стр. 207.

³⁵ "Новый мир", 1961, № 3, стр. 44.

³⁶ Там же, стр. 35.

"немолодого". Как человек и как следователь Дитятичев сформировался в годы культа личности. Вечное недоверие его к человеку привело к тому, что он вообще перестал понимать истинные причины поведения людей (даже когда он хочет их понять). Вспомним его недоверие к Дудыреву, которого он в конце концов счел чудачком, Дон-Кихотом, вспомним его вторую встречу с Тетериным. Писатель лишил Дитятичева главного положительного качества своих персонажей — "совести", и наделил его античеловечной "силой, способной обвинять". Автор дает понять, что такой следователь всегда поступится истиной ради собственного благополучия, ради угождения начальству. Однако, на наш взгляд, следователь и прокурор охарактеризованы недостаточно полно. Если Дудырев и Тетерин показаны нам как бы изнутри, если это характеры развивающиеся, то характеры следователя и прокурора не претерпевают никаких изменений. Для большей исторической значимости произведения автору следовало бы сообщить нам хоть что-нибудь о прошлом следователя и прокурора.

Перейдем к другому. Тендряков полагает теперь, что поступательное движение истории, даже в самых лучших его проявлениях, вносит в глухомань, наряду с добрым началом, и сложность, а сложность эта, как дает понять писатель, ломает и калечит души таких "детей природы", как Семен Тетерин. Что-бы этого не случилось, писатель считает нужным "учить людей, как жить". Приняв во внимание уже рассмотренный комплекс положительных идеалов Тендрякова, можно сказать, что писатель считает необходимым привить людям типа Тетерина гражданское мужество, социальный опыт и целенаправленный ум. "Естественная" честность тетериних (в изображении ее Тендряков продолжает традиции демократической литературы XIX в.) должна дополниться историческим опытом, опытом жизни в сложной (а не "руссоеистски" примитивной) действительности. А это невозможно без высокого интеллектуального и нравственного напряжения.

Несколько слов о том, каким теперь Тендрякову видится народ. Главное качество народа, подчеркивает писатель — доб-

рота. После суда, на котором Митягина оправдали, "все довольны, все добры друг к другу, у всех праздники".³⁷

Донат Боровиков говорит Митягину: "Ждал, поди, что люди готовы съесть тебя. Ан нет, и понять всегда готовы и руку протянуть при нужде".³⁸ Однако повторяем, эта доброта должна необходимо дополниться опытом социально-историческим.

Главная мысль, так сказать, мораль повести заключена в тех уроках, которые получили Тетерин и Дудырев. Тетерин понял, что нельзя "заместо зверя огородное пугало принять", что суд своей совести страшнее юридического. Дудырев же пришел к не менее важному выводу: нельзя идеализировать народ, нельзя слепо преклоняться перед ним, поскольку "истинная любовь деятельна".³⁹ В отличие от повести "Тройка, семерка, туз" природа занимает в "Суде" гораздо больше места и имеет значение самостоятельной ценности. В основном, природа — это положительное начало. Вспомним, как действовал на Тетерина лес. "От любых напастей Семёна всегда спасал лес. И всегда из лесу Семён возвращался помолодевшим, каким-то чистеньким изнутри. Лес обмывал душу, лес наделял силой..."⁴⁰ Однако природа имеет и другую сторону. Это те звериные инстинкты, которые в человеке пробуждает охота. "Проснулась сила предков. Дудырев перестал быть обычным человеком, он превратился в зверя — злого, жаждущего крови, выносливого".⁴¹ Обратим внимание на то, что если раньше охота представлялась писателю как одно из высших наслаждений (в повести "Среди лесов", особенно же в романе "За бегущим днем"), то теперь в ней подчеркивается и ее звериная, жестокая сторона. "Среди наслаждения — жестокость, среди поэзии — грубая проза!"⁴²

37 "Новый мир", 1961, № 3, стр. 59.

38 Там же.

39 Там же, стр. 60.

40 Там же, стр. 50.

41 Там же, стр. 24.

42 Там же, стр. 44.

Это двойственное отношение к природе проливает свет и на отношение автора к "детям природы".

Подводя итоги сказанному о "Суде", следует прежде всего охарактеризовать общее мироощущение писателя в данной повести. В своих основных чертах оно остается таким же, каким оно было в период создания "Тройки, семерки, туза". Писатель считает, что жизнь — это серьезная борьба, подчас очень тяжелая, в процессе которой "всякая уступка, компромисс со своей совестью жестоко мстят за себя".⁴³

Тендряков по-прежнему считает, что в жизни есть и всегда будет элемент трагизма.

"Совсем от бед и напастей мир не спасешь — они были, они будут!.. И при новом счастье и при удобно налаженной жизни дети будут оплакивать умерших родителей, красные девки лить слезы, что суженому понравилась другая, все равно станут случаться такие вот нелепицы с нежданной смертью или увечьем".⁴⁴ И писатель утверждает свое право писать о такой — сложной, с элементами трагизма — жизни. Ибо только настоящая жизнь (и настоящее, правдивое изображение ее) могут быть прекрасны.

43 Ф. Кузнецов, Один на один с совестью, "Известия", 12.У. 1961.

44 "Новый мир", 1961, № 3, стр. 35.

Е. А. БАРАТЫНСКИЙ В ФИНЛЯНДИИ
Историко-биографический комментарий
А.А. Амбус.

В настоящей статье делается попытка дать более детальную характеристику финляндского¹ окружения Баратынского в годы 1820-1825. В связи с этим даются исторический и географический обзоры. Дать обзор большого периода истории Финляндии показалось нам необходимым для воссоздания исторического фона 1820-1825 гг. и особенно для характеристики различных групп финляндцев, с которыми Баратынскому приходилось встречаться; с другой стороны, обширный исторический раздел обусловлен характером имеющих комментариев к финляндскому периоду жизни Баратынского. Большинство исследователей биографии Баратынского сравнительно обгло затрагивали финляндский период жизни поэта и среди близких ему в Финляндии людей отмечали только русских офицеров Лутковского, Коншина, Комнено и Путятю².

¹ Выражение "финляндское окружение" означает общество, состоящее из финляндцев. В статье употребляется слово "финляндцы", когда подразумеваются жители Финляндии вообще - и финны и шведы.

² И.Н. Медведева, Ранний Баратынский, в кн.: Баратынский, Полное собрание стихотворений, "Советский писатель", 1936, стр. L - LI; Е. Купреянова, Е.А. Баратынский, Вступит. статья к кн.: Е. Баратынский, Стихотворения, Советский писатель, 1948, стр. У - XLIII; ее же, Е. А. Баратынский, вступ. статья к кн.: Е.А. Баратынский, Полное собрание сочинений, Л., Советский писатель, 1957, стр. 5-40; К. Пигарев, Е.А. Баратынский, вступ. ст. к кн.: Е.А. Баратынский, Стихотворения, поэмы, проза, письма, М., 1951, стр. 3-28; Л. Озеров, Е.А. Баратынский, вступ. ст. к кн.: Е.А. Баратынский, Стихотворения и поэмы, Л., Советский писатель, 1958, стр. 5-47.

Характеристика исторического положения Финляндии после войны 1808-1809 гг. до середины 20-х годов, данная И.Н. Медведевой, является попыткой с марксистских позиций переосмыслить факты, приведенные в тексте "Истории Финляндии" М. Бородкина³.

В связи с обнаруженными воспоминаниями Н. Коншина⁴ о Баратынском открылась возможность шире охарактеризовать общество нейшлотских офицеров, в частности общество финляндцев. Однако, соответствующие комментарии П.С. Бейсова к воспоминаниям Н. Коншина⁵, на наш взгляд, не только не могут вполне удовлетворить читателя, но, наоборот, вводят его в заблуждение. В своих утверждениях П.С. Бейсов основывается главным образом на данных из книги К.Ф. Орлина⁶ и в ряде случаев допускает некоторые неточности.

Книги М. Бородкина (История Финляндии, СПб, 1905-1912) и К.Ф. Орлина содержат значительное количество фактов из истории Финляндии, но тенденциозный отбор и осмысление этих фактов для нас неприемлемы. Обе книги изданы в России в период наступления российского самодержавия на права Финляндии и выражают монархистско-шовинистическую идеологию царизма. Эта колонизаторская политика царского правительства по отношению к Финляндии была решительно осужде-

³ М. Бородкин, История Финляндии, Время императора Александра I, СПб, 1909.

⁴ Н. Коншин, Воспоминания о Баратынском. Воспоминания о Баратынском или четыре года моей финляндской службы с 1819 по 1823, "Краеведческие записки Ульяновского краеведческого музея им. И.А. Гончарова", вып. II, Ульяновск, 1958, стр. 389-401.

⁵ П.С. Бейсов, Воспоминания Н. Коншина о Баратынском, там же стр. 373-388 и 401-404; П.С. Бейсов, Воспоминания Н. Коншина о Баратынском, "Русская литература", 1959, № 3, стр. 126-132.

⁶ К.Ф. Ордин, Собрание сочинений по финляндскому вопросу, тт. I-II, СПб, 1909.

на В.И. Лениным⁷.

В данной статье автор не претендует на исчерпывающее разрешение проблемы отношений Боратынского к финляндцам и Финляндии. В работе рассматривается общество нейшлотских финляндцев и делается попытка выяснить в общих чертах те круги финляндцев, с которыми Боратынский мог встречаться в 1820-1825 гг. На фоне исторической обстановки, сложившейся в Финляндии к 20-м годам XIX века, охарактеризованы финляндцы, упоминаемые в воспоминаниях Н.Коншина, в письмах Е.Боратынского, Н.В.Путяты и записках А.А.Муханова.

I.

Войны конца ХУП - начала ХУШ века и потеря Швецией позиции мировой державы возбудили недовольство как в Швеции, так и в Финляндии, особенно пострадавшей во время Северной войны. После кончины Карла XII в Швеции была резко ограничена королевская власть, сейм стал самым влиятельным органом в стране. Эти мероприятия были осуществлены Арвидом Хурном (1664-1742), шведским государственным деятелем, уроженцем Финляндии⁸. Осторожная внешняя политика Хурна нашла противников в группе аристократов, объединившихся в партию "шляп", в противовес партии Хурна, которую они называли партией "колпаков"⁹. Реваншистские тенденции партии "шляп" привели к неудачной войне 1742-43 года, в которой большая часть Финляндии вновь стала плацдармом войны. В 50-х - 60-х годах партия "колпаков", представлявшая ин-

⁷ В. И. Ленин, Протест финляндского народа, Полное собрание сочинений, том 5, М., Госполитиздат, 1959, стр. 352-357.

⁸ M.G. Schybergson, Suomen historia, II, Helsinki, 1904, стр. 2

⁹

M.G. Schybergson, указ. соч., стр. 32.

тересы буржуазии, приходит снова к власти и претворяет в жизнь ряд прогрессивных реформ (расширение свободы печати в 1766 г. и др.). Влияние "колпаков" однако сменяется новым усилением партии "шляп". В 1772 году эта партия поддержала Густава III при перевороте, приведшем к расширению власти короля и значительному ослаблению влияния сейма.

Период 1720-1772 в шведской и финской историографии традиционно называется эпохой свободы. В ХУШ веке в Швеции-Финляндии возрастает влияние французской философии. Однако политическое положение Финляндии в это время не улучшилось. Наоборот, возросло шведское влияние. Шведский язык вытеснил финский даже в органах местного самоуправления¹⁰. Финляндия оставалась экономически мало развитой окраиной, которую то и дело опустошали войны.

В течении ХУШ в. в широких слоях населения Финляндии, среди крестьянства, буржуазии и духовенства возникает представление о Финляндии, как об особой части государства, население которой не составляет единой нации со шведами. В связи с этим изменяется поведение финляндских делегатов в сейме - они составляют теперь особую группировку, которая понемногу пытается отстаивать свои особые интересы. Начинает проявляться национальное самосознание, интерес к своеобразной культуре финнов, в литературе заметны гуманистические тенденции¹¹. В 1775-1776 гг. издается первая газета на финском языке. Профессор Абоской Академии Х.Г. Портан (1739-1804), ученый-просветитель, проявляет интерес к финскому народу и его культуре. Он закладывает основы научных традиций в области изучения истории Финляндии, финского языка и фольклора. Деятельность Портана в области гу-

¹⁰ Там же, стр. 164-165.

¹¹ Suomen Kulttuurihistoria, III, Jyväskylä-Helsinki, 1935, стр. 522-523.

манитарных наук как бы знаменует общий подъем научной мысли в Або.

Интерес к политическому положению Финляндии начинает возникать среди финляндского офицерства, состоявшего главным образом из местной аристократии. Часть офицерства поддержала короля в перевороте 1772 года, надеясь на изменения в положении страны¹². Однако политика Густава III, в которой все больше чувствовалось стремление к восстановлению абсолютизма, не была одобрена современниками, воспитанными в духе идей эпохи свободы. Члены финляндской масонской ложи "Valhall" были явно недовольны политикой Густава III. Отставной полковник Г.М. Спренгтпортен¹³, масон, не нашедший в шведской армии применения для многих своих, часто корыстных, замыслов, приходит к выводу, что Финляндия должна добиться большей независимости, мечтает о создании Финляндской республики; он предвидит также возможность соединения Финляндии с Россией, но в этом случае считает особенно необходимым достижение первой большей автономии. В 1782-84 гг. вокруг Спренгтпортена собирается кружок знакомых, среди которых много

12

M.G. Schuybergson, указ. соч., стр. 164-170.

13 Спренгтпортен Геран Магнус (1740-1819) получил военное образование в Стокгольме. Принимал участие в семилетней войне. С 1766 г. служит в финском войске. Пытается провести его реорганизацию, создает калетское училище. Вступает в оппозицию к королю. В 1780г. уходит в отставку. Спренгтпортен пытался создать самостоятельную Финляндию, в чем он надеялся на помощь России. "Спренгтпортен соединил в себе неоспоримое мужество, гениальность и любовь к родине с сильно развитым и чутким самосознанием и склонностью к политическим интригам". (К.В. Нюгольм, Положение Финляндии в Российской державе, Берлин, 1901, стр. II). Спренгтпортен является чрезвычайно сложной, противоречивой и богатой натурой, историческая роль его еще нуждается в уточнении.

масонов, в том числе Я.А. Егерхурн¹⁴. Здесь обсуждается современное положение родины и ее дальнейшие судьбы¹⁵.

Недовольство абсолютистскими стремлениями короля и его авантюристической внешней политикой росло и среди шведского офицерства. Эти оппозиционные настроения выразились очень ясно в связи с войной 1788-1790 года, которую, согласно конституции 1772 года, король начал незаконно. Оппозиционные группы шведского офицерства нашли общий язык с группой финских офицеров, ядром которой были члены кружка Спренгтпортена.

Во время войны с Россией в августе 1788 года в имени Аньяла¹⁶ оппозиционно настроенные офицеры создали конфедерацию, которая в своей декларации осуждала политику короля. Конфедераты одобрили идею мирных переговоров с Екатериной II. Во главе конфедератов оказалась самая активная группа - носители идей Спренгтпортена и среди них Егерхурн. Несмотря на руководящую роль, эта группа была в меньшинстве. Большинство конфедератов составляли финские и шведские офицеры, недовольные политикой Густава III, но относящиеся к идее отделения Финляндии от Швеции не только скептически, но часто и отрицательно. К числу последних относил-

14 Егерхурн Ян Андерс, (1757-1825) майор, адъютант главнокомандующего финских войск. Стоял во главе масонства, имел большой авторитет среди офицерства.

15 Характерен также факт пробуждения интереса к политической борьбе других зависимых стран - Спренгтпортен пытался принять участие в войне североамериканских английских колоний за независимость, а Егерхурн впоследствии участвовал в ирландском освободительном движении.

16

См. наст. изд., стр. 128.

ся и активный конфедерат майор К.Э.Маннерхейм¹⁷.

В казармах местечка Лийкала¹⁸ конфедераты составили письмо Екатерине II, в котором предлагались условия мира. С письмом в Петербург поехал Я.А.Егерхурн, который уже позднее в Петербурге по своей инициативе пытался начать переговоры о создании автономии для Финляндии и отделении ее от Швеции.

Несмотря на то, что и среди солдат финско-шведской армии происходили вспышки недовольства, они не поддержали конфедератов. Конфедерация не нашла положительных откликов и среди широких слоев населения Финляндии. Господствовавшее общественное мнение не подвергало критике поступки короля, и, конечно, невозможным считалось отделение Финляндии от Швеции, а тем более, создание независимого государства или же соединение на началах автономии с Россией, с которой до сих пор велись только войны. Королю удается подавить конфедерацию; в том же 1789 году он добивается усиления королевской власти. Некоторые конфедераты из финляндских сепаратистов бежали в Россию, многие были приговорены к смерти, но почти всех оставшихся в Финляндии помиловали. В Швеции были опубликованы материалы о конфедерации, представляющие ее как мятеж, предательство, авантюру¹⁹.

¹⁷ См. наст. изд., стр. 156-158.

¹⁸ См. наст. изд., стр. 128.

¹⁹ Как вспоминает К.Э. Маннерхейм, "... в протоколы военного трибунала записывалось только то, что соответствовало целям короля; сохраненные для потомков печатные протоколы прошли через цензуру" (A. R. S e d e r b e r g, *Anjalan liiton historialliset lähteet, Historiallisia Tutkimuksia*, XIII, Helsinki, 1931, стр. 53).

Такое представление о конфедерации Аньяла стало традиционным в шведской²⁰ и в течение долгого периода в финской историографии²¹. Эта же точка зрения ярко выражается и в до-революционной русской историографии²².

В конце XVIII века под влиянием французской философии в условиях Швеции-Финляндии происходит бурное развитие общественной мысли. В Финляндии это приводит к переоценке исторического и географического положения Финляндии, отношений ее к Швеции и к монарху вообще. Массонство, кружок Спренгтпортена и, наконец, конфедерация Аньяла были выражениями илейного брожения среди дворянства и, хотя не имели опоры в широких слоях населения, были явлениями прогрессивными.

Война 1808-1809 годов совершила в истории Финляндии переворот, который предвидели уже выдающиеся умы минувшего века. Финляндия была завоевана Россией, но стране было обещано сохранение конституционных прав. Александр I утвердил на сейме в Борго проект Финляндской конституции, составленный в основном по конституции 1789 года, не удовлетворявшей широкие круги населения. Попытка Я.А. Егерхурна представить свой проект конституции потерпела неудачу, а К.Э. Маннерхейм, один из создателей проекта утвержденной конституции, опасался вносить в проект какие-либо

²⁰ В книге И. Андерссона "История Швеции" (М., изд. иностр. лит., 1951) не рассмотрен собственно финский аспект событий конца XVIII в., например, место конфедерации Аньяла в развитии общественно-политической мысли в Финляндии.

²¹ За последние десятилетия в Финляндии опубликовано много исследований о конфедерации Аньяла и отдельных конфедератах, в которых преодолеваются традиционные представления, свойственные шведской, русской и ранней финской историографии.

²² К.Ф. О р д и н, Собрание сочинений по финляндскому вопросу, т. 2, СПб, 1909; М. Б о р о д к и н, История Финляндии. Время Екатерины II и Павла I, СПб, 1912.

изменения, чтобы не дать доступа самодержавным формам правления, действующим в России²³. Надежды на выработку в скором времени для Финляндии новой конституции не сбылись.

Видимо, сложившаяся политическая обстановка не удовлетворяла финляндскую общественность, в том числе и многих бывших конфедератов, хотя либеральность Александра I имела некоторый успех. Правительственные круги Финляндии, состоявшие из дворянства, стали на позицию лоялтиста по отношению к России и старались соблюдать лояльность во всех проявлениях общественной и политической жизни страны. Но в частных письмах даже самых высокопоставленных лиц²⁴ мелькают скептические мысли о современном положении Финляндии, забота о будущем, о развитии отношений с Россией. Для финляндского дворянства Россия в основном продолжала оставаться бывшим противником, страной, где господствовал деспотизм, варварские обычаи и законы. Сказывался образ мыслей, сложившийся в условиях Швеции, где не было столь жестокого крепостничества, где королевская власть в XVIII в. сильно ограничивалась представительством сословий. Соблюдая и в дальнейшем лояльность, упорно отстаивая особое положение Финляндии, провозглашенное Александром I

23

L. C a s t r é n, Adolf Ivar Arwidsson isänmaallisenä herättäjänä, Historiallisia Tutkimuksia, XXXV, Helsinki, 1951, стр. 68.

24

М. Армфельт: "Финляндии <...> бесконечно много обещано, но до сего дня ничего не исполнено". "Теперешнее поведение русских относительно <...> Финляндии вообще политично, но где будущая безопасность с варварами и деспотами?" (Цит. по кн.: М. Б о р о д к и н, История Финляндии. Время Императора Александра I, СПб, 1909, стр. 459).

К. Э. Маннергейм: "В данный момент у нас нет никаких основных законов, никакой конституции, все зависит от него и на него вся наша надежда" (подразумевается Александр I - А.А.) (Из письма Маннергейма от 30.IX.1818 г. Цит. по указ. кн. L. C a s t r é n, стр. 68).

в Борго, финляндское дворянство исходило не столько из национальных, сколько из чисто сословных интересов²⁵.

В начале 20-х гг. в общественной жизни появляются новые силы, главный их представитель А.И. Арвидссон²⁶ называет государственный строй Финляндии "верноподданнически смиренным, чем-то средним между шведской репрезентативной системой правления и российским самодержавием"²⁷.

Идеи Портана вызвали в студентах Абоской Академии в начале 19 века широкий научный интерес не только к финнам, но и ко всем финно-угорским народам. Сближение Финляндии с Россией открывало в этой области широкие перспективы. Первой наиболее яркой фигурой на этом поприще был в будущем член Петербургской Академии Наук А.И. Шегрен. А.И. Арвидссон же представляет качественно новый этап отношения к коренному населению Финляндии. Арвидссон был по натуре борец, его не удовлетворял только научный интерес к финнам; он выдвигает на первый план борьбу за равноправие финского народа с другими народами, упрекает финляндскую интеллигенцию и аристократию за их отчуждение от родного народа. Девиз Арвидссона гласил: "Мы не шведы, русскими мы не можем стать, будем же финнами!".

В финляндской публицистике начала 20-х годов XIX ве-

25

В обзоре истории Финляндии И.Н. Медведева (ук. статья, стр. II) называет М. Армфельта и Р. Ребиндера финскими националистами. Это представляется ошибочным, М. Армфельт и Ребиндер были очень далеки от понимания ф и н с к о г о национального движения, являясь типичными представителями высшей финляндской аристократии.

26

Адольф Ивар Арвидссон (1791-1858) учился в университетах Або и Упсала. Доцент истории Або-ского университета, активный публицист, идеолог зарождающегося финского национального движения.

27

Цитируется по указанной книге L. C a s t r é n, стр. 57.

ка статьи Арвидссона заняли выдающееся место. Критика Арвидссона направлена против политических порядков в стране, против бессилия сената, пороков и предрассудков среди аристократии и офицерства, относившихся свысока к простому народу и т.д. Находясь под влиянием современной немецкой философии, Арвидссон проводит мысль о неизбежном поступательном движении, присущем развитию человеческого общества. По Арвидссону в этом процессе разрушаются все устои старого, которые препятствуют этому процессу. Устои старого в Финляндии Арвидссону представляются государственный строй, действующая конституция, цеховая система в ремесленной промышленности, преобладание шведского языка и культуры в стране, где основная масса населения финны, и многое другое²⁸. Идеи Арвидссона, вдохновителя национального подъема 1815-1923 гг., так называемого периода "Абоского романтизма", философски обосновывают национальное движение как борьбу против устоев старого.

В 1822 году в Або начались репрессии²⁹. Газета Арвидссона "Åbo Morgonblad" была запрещена, сам Арвидссон и кое-кто из других преподавателей университета были уволены. Сенатор К.И.Валлен сыграл в этих репрессиях немалую роль. Арвидссон был на всю жизнь лишен права не только пре-

²⁸ В финской демократической литературе сейчас с интересом изучают эти высказывания Арвидссона, как одно из значительных достижений домарксистской мысли

(см. R. P a l m g r e n, Suuri linja. Arwidssonista val-lankumouksellisiin sosialisteihin, Helsingi, 1948, стр. 28-29).

²⁹ Э. Карху в своей книге "Финляндская литература и Россия 1800-1850". [Скандинавский сборник. Тартуский государственный университет], Таллин, Эстонское государственное издательство, стр. 84, связывает репрессии в Або с аналогичными фактами в других университетах России.

подавать в университете, но и даже проживать в Або. С конца августа 1822 года по конец сентября 1823 года Арвидссон проживал в Борго, откуда предпринял две поездки к другу в Фридрихсгам. Друзья советовали ему переехать в Швецию, но Арвидссон сперва отнесся оптимистически к своему положению. Однако надежды найти место на родине оказываются тщетными, и в конце октября 1823 года Арвидссон был вынужден покинуть родину. В Стокгольме Арвидссон продолжил свою публицистическую деятельность, за которой с интересом продолжала следить прогрессивно настроенная молодежь в Финляндии. Но в финляндской публицистике настал период затишья.

В августе 1823 года на пост генерал-губернатора Финляндии был назначен А.А.Закревский. Он в самом начале поставил своей целью окончательно сблизить Финляндию с Россией³⁰. Этот девиз, конечно, не понравился финляндцам, лелеющим еще надежду на созыв сейма. Вскоре после прибытия А.А.Закревского в Гельсингфорс в марте 1824 года последовали столкновения между генерал-губернатором и сенатом, вызванные различными причинами. Закревский стал вообще игнорировать сенат. Летом 1824 года он совершил свою первую большую ревизионную поездку по Финляндии³¹. Следующим летом Закревский предпринимает такую же поездку. Во время этих поездок Закревский проявлял необыкновенную энергию и склонность к бюрократизму, которая вызывала насмешки не только у финляндцев³², но и у его русских адъютантов: "Гер-

³⁰ А.А. L i l l j a. Arsenij Andrejevitj Zakrevskij. En biografisk studie. Historiallisia Tutkimuksia, XXXII, Helsingfors, 1948, стр. 61.

³¹ См. наст.изд., стр. 129.

³² В кругах оппозиционного финляндского дворянства А.А. Закревский слыл человеком необразованным, но энергичным.

цог наш разъезжает по своим областям великолепнее всякого азиатского сатрапа: с ним толпа адъютантов, чиновников, дворовых рабов <...>. Караван наш обыкновенно разделяется на две части: одна, в которой находится сам герцог и мученики его аккуратности и мелочной деятельности, к сей партии я имею удовольствие принадлежать, отправляется всегда вперед, приводит все в движение, опрятность и чистоту, ранжирует войско и старые дела в архивах во фронт", - пишет Муханову Н.В. Путята³³, сопровождавший Закревского во всех его поездках по Финляндии. Во время инспекционной поездки Закревский посетил, наконец, город, в котором распространялись "идеи карбонариев" - Або³⁴. Древняя столица Финляндии попрежнему оставалась еще культурным центром страны, здесь были сильны традиции шведской культуры и идеологии, но сюда же попадали в первую очередь новые веяния из Европы, известия об освободительном движении в Греции и Италии³⁵. Здесь же еще недавно слушались и читались страстные слова Арвидссона. Первый крупный шаг к уничтожению значения Або был сделан в 1812 году, когда столицей Финляндии стал считаться Гельсингфорс. Закревский счел нужным вообще искоренить влияние Або путем ликвидации Абоского университета или же перевода его в Гельсинг-

³³ Из письма Н.В. Путяты А.А. Муханову от 3/15 июня 1825 года. Сборник старинных бумаг, хранящихся в музее П.И. Щукина, X, Москва, 1901, стр. 416.

³⁴ А.А. L i l l j a, ук. соч., стр. 189-191.

³⁵ L. C a s t r é n, ук. соч., стр. 42,

R. F o r s m a n, Fredrik Cygnaeus kirjailijana ja ajan-
ilmiönä, I, Porvoo, 1923, стр. 16-17.

форс. Уже в январе 1825 года адъютант А.А. Муханов был послан в Або с секретным предписанием, в котором предлагалось "собрать в городе Або секретные сведения относительно нравственного спокойствия и поведения студентов тамошней Академии"³⁶. Неизвестно, как отнесся Муханов лично к такому назначению его на роль сыщика. В его не очень подробном рапорте³⁷ нет ничего компрометирующего абоских студентов, наоборот, абоская молодежь представлена в лучшем свете. Это можно объяснить дружественным отношением Муханова к финляндцам³⁸. Относительно дисциплины студентов рапорт Муханова мог отражать и действительное положение, так как стычки между студентами и русским гарнизоном значительно уменьшились уже в начале 20-х годов³⁹, и, как вспоминает академик А.И. Шегрен, провоцировали их не только студенты.⁴⁰ Можно предполагать, что рапорт Муханова не удовлетворил Закревского.⁴¹ После большого пожара в Або в 1827 году, Або-ская Академия была переведена в Гельсингфорс, где стала называться впоследствии Александровским университетом. Гельсингфорс стал постепенно не только политическим, но и культурным центром страны. Переместился в Гельсингфорс и центр национального движения. В 1830 году в Гельсингфорсе обра-

³⁶ Секретное предписание финляндского генерал-губернатора Закревского и донесение (черновое) гвардии корнета Муханова, Сборник старинных бумаг, хранящихся в музее П.И. Щукина, VI, Москва, 1900, стр. 53.

³⁷ Там же, стр. 54.

³⁸ Отношение к финляндцам сказывается в письмах и дневнике Муханова. Он же написал хотя и неудачную, но резкую статью против несправедливых высказываний Stael о Финляндии и Абоской Академии (Отрывки г-жи Сталь о Финляндии с замечаниями, "Сын Отечества", 1825, № 10, стр. 148-157).

³⁹ A. A n t t i l a, Elias Lönnrot. Elämä ja toiminta, I, Helsinki, 1931, стр. 66-70.

⁴⁰ A. J. S j ö g r e n, Tutkijan tieni, Helsinki, 1955, стр. 44.

⁴¹ А.А. L i l l j a, ук. соч., стр. 133. Этот инцидент с Мухановым мог отразиться и на характеристике Муханова, данной Закревским Киселеву в 1826 году: "Любит новости и слетити, ленив и на дело не способен, но ко всему способен примешаться". (Сборник Русского Императорского Исторического Общества, т. 78, стр. 145, 295, 412).

зовывается т.н. "Субботнее общество", члены которого, выдающиеся деятели финского национального движения Рунеберг, Снелльман, Фредерик Сигнеус⁴², Нервандер и другие, обсуждают политические события своего времени, как, например, ход польского восстания. Под влиянием этих событий Сигнеус сочиняет стихотворение "Песни Костюшки"⁴³ и т.д. В "Субботнем обществе" обсуждаются вопросы, касающиеся Финляндии, здесь же находится центр литературной жизни страны. К этой же группировке относился и Э. Ленрут, хотя он не проживал в Гельсингфорсе.

Период "гельсингфорского романтизма" является началом нового этапа национального движения, которое охватывает все более широкие круги общественности.

Идеологом нового этапа финского национального движения стал И.В. Снелльман. В своих газетах "Saima" и "Litteraturblad", несмотря на чрезвычайно тяжёлые цензурные условия⁴⁴, он смог выразить настолько вольнодумные и революционные идеи, что приобрел репутацию коммуниста⁴⁵.

П.

Во время своего пребывания в Финляндии Боратынский жил главным образом в Выборгской губернии, т.е. в той небольшой части Финляндии, которая принадлежала России уже с 1721 года и называлась "Старой Финляндией". Здесь расположены Вильманstrand, Фридрихсгам и Кюмень с Роченсальмскими укреплениями и местечко Лийкала. Из Кюмени, расположенной у

⁴² См. наст. изд., стр. 183.

⁴³ T. R e i n, Johan Wilhelm Snellman, I, Helsingfors, 1904, стр. 35.

⁴⁴ См. наст. изд., стр. 141-143.

⁴⁵ Очень хороший обзор деятельности И.В. Снелльмана дает Э. Карху в ук. выше книге.

прежней границы, Боратынский нередко предпринимал небольшие поездки и в "Новую Финляндию", в те части страны, которые до войны 1808-1809 года принадлежали Швеции, в том числе и в Гельсингфорс.

Местечко К ю м е н ь находилось на берегу Финского залива в устье реки Кюмени (по-шведски Куммене, по-фински кумиоки). Там же в дельте реки находилась старинная усадьба, называвшаяся раньше по-шведски Ölsby, позднее Kummenegård, по-фински Куминкартано. В проливе между шхерами (пролив этот назывался по-шведски Svensksund, а по-фински Raotsinselmi, что означает "шведский пролив"), напротив устья Кюмени, в 1789 и 1790 годах происходили морские сражения. Стратегическое значение пролива Свенскзунд стало причиной постройки здесь в 1791-1795 годах военного порта и укреплений. Укрепления эти, составляющие целый комплекс отдельных фортов, расположенных на берегу, на островах, в дельте Кюмени и в шхерах Свенскзунда, стали называться Роченсальмом или Роченсальмскими укреплениями. После присоединения всей Финляндии к России и овладения сильной шведской крепостью Свеаборг Роченсальм постепенно утратил свое значение. В 1826 году Роченсальм перестал быть военным портом, а в 1836 году постройки и укрепления были переданы гражданскому ведомству. В 1827 году в одном из Роченсальмских укреплений в шхерах Свенскзунда в Форте Слава содержались заключенные декабристы. И.Д. Якушкин в своих записках дает следующую картину Роченсальма: "По приезде в Роченсальм фельдъегерь сдал нас коменданту <...>, после чего через полчаса мы отправились к берегу в сопровождении коменданта и небольшого отряда солдат <...> у берега ожидал нас шестивесельный катер, на котором мы и отправились в море. Плавание наше продолжалось более часу, и, наконец, мы увидели вдали огромную круглую башню, как будто выросшую из воды, это была крепость Форт-Слава, построенная Фельдмаршалом Суворовым и в которой были приготовлены для нас казематы. Вид ее был печален и не предвещал нам ни-

чего доброго".⁴⁶

В воспоминаниях Н.М.Коншина о Боратынском говорится о "Д и к о л о в с к и х казармах" и описывается дружный кружок офицеров⁴⁷. Казармы в местечке Лийкала известны в истории Финляндии 18 века как место, где состоялось одно из важнейших собраний конфедерации Аньяла⁴⁸. Местечки Лийкала (Liikala) и Аньяла (Anjala) расположены в 20-и километрах к северу от Роченсальма.

Фридрихсгам (по-шведски Fredrikshamn, по-фински Hamina) — маленький торговый городок на берегу Финского залива между Выборгом и Роченсальмом. В 1809 году во Фридрихсгаме был заключен мир со Швецией, по которому Финляндия перешла в состав России. В 1819 году сюда был переведен из Хаапаниemi Финляндский кадетский корпус. К приезду Боратынского Нейшлотский полк стоял во Фридрихсгаме⁴⁹. В окрестностях города проводили летний лагерь войсковые части, расквартированные в Роченсальме. Но пребывание Боратынского во Фридрихсгаме не ограничивалось лишь периодами летних учений. Офицеры Нейшлотского полка имели во Фридрихсгаме близких знакомых⁵⁰ и часто бывали там. Боратынский неоднократно бывал во Фридрихсгаме. Из писем к Н.В.Путяте⁵¹ и Н.М.Коншину⁵² следует, что он в начале 1825 года после возвращения

⁴⁶ И.Д. Якушкин, Записки, статьи, письма, М., Изд. АН СССР, 1951, стр. 88.

⁴⁷ Н. Коншин, ук. соч., стр. 391.

⁴⁸ См. наст. изд., стр. II7-II8.

⁴⁹ Н. Коншин, ук. соч., стр. 390.

⁵⁰ Н.М. Коншин, Для немногих, Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки им.М.Е. Салтыкова-Щедрина, Архив Н.М.Коншина, ф.369, ед.хр.1, л.15 об.; Н.Дернер, Из писем Е.А.Боратынского. Письма к Н.М.Коншину, "Русская старина", 1908, декабрь, стр. 756.

⁵¹ Е.А. Боратынский, Стихотворения, поэмы, проза, письма, М., Государственное издательство художественной литературы, 1951, стр. 471.

⁵² Н.Дернер, ук. соч., стр. 756.

из Гельсингфорса совершил поездку во Фридрихсгам и посетил Клеркера⁵³.

Вильманstrand (по-шведски willmanstrand, по-фински Larpenranta) был маленьким городком, образовавшимся вокруг старинной шведской крепости в очень живописной местности на берегу озера Сайма в первой четверти XIX века. В 20-х годах у Вильманstrанда проводились летние маневры частей Отдельного Финляндского Корпуса, в который входил и Нейшлотский полк.

Генерал-губернатор А.А.Закревский дважды побывал в Вильманstrandе во время своей инспекционной поездки по Финляндии летом 1824 года: с 5 по 7 июня и на возвратном пути 7-8 июля (по новому стилю)⁵⁴. В это время Закревский проводил смотры находившимся в Вильманstrandе частям. Письмо Боратынского к Н.В.Путяте, адъютанту Закревского, от 25 мая (7 июня) свидетельствует об их знакомстве уже в первое пребывание Закревского в Вильманstrandе. В письме к С.Д.Полторацкому, передавая впечатления от летней поездки по Финляндии, Н.В.Путяте сожалеет об отсутствии в Финляндии людей, имеющих с ним общий склад мыслей, и пишет о встрече с поэтом как о самом приятном событии лета: "знакомство и несколько часов проведенных мною с знаменитым поэтом Боратынским, теперь отшельником финляндским, но который к сожалению не живет со мною в одном городе"⁵⁵.

⁵³ См. наст. изд., стр. 134-137.

⁵⁴ Н.Нирн, Generalguvernör Zakrevskis inspektionsresa i maj-juli 1824, Historisk Tidskrift för Finland, 1932, Helsingfors, стр. 162 и 165; А.Н.Туржа, Kenraalikuvernööri Zakrevskin tarkastusmatkoista touko-elokuussa v.1824, Historiallinen Aikakauskirja, 1933, Helsinki, стр. 131 и 142.

⁵⁵ Письмо Н.В.Путяты к С.Д.Полторацкому от 6 августа 1824 года. Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки им. М.Е.Салтыкова-Щедрина, Архив С.Д.Полторацкого, ф.603, ед.хр.175, л.12 об.

Результатом этого знакомства явилось пребывание Боратынского в Гельсингфорсе с середины октября 1824 года до середины января 1825 года и в сентябре 1825 года.

Город Гельсингфорс не имел до 1812 года никакого особого значения в истории Финляндии. Гораздо более важную роль играла крепость Свеаборг, основанная в середине XVI века в шхерах у входа в бухту Гельсингфорс. Крепость Свеаборг была одним из самых важных шведских военных опорных пунктов в Финляндии. С 1809 года она являлась тем же для России. Превращение в 1812 году маленького захолустного Гельсингфорса в столицу Финляндии было обусловлено с одной стороны стремлением дать новому правительству Финляндии больший вес (может быть, и защиту — непосредственное соседство со Свеаборгом), а с другой стороны, желанием уменьшить значение и влияние Або, города, близкого к границе со Швецией, и со шведской ориентацией. Новое положение Гельсингфорса открыло возможности для сравнительно интенсивного развития города. Началось строительство нового Гельсингфорса, значительно увеличилось количество населения (в 1810 г. — 4.065 ч., а в 1830 г. 11100 ч.). "Гельсингфорс совершенно новый город <...> Город чист и после Ревеля, узкого, древнего, смотрит маленьким Петербургом. Дома все почти под одно лицо, улицы довольно широки, площади, Сенат, лучшее здание в городе".⁵⁶

О Гельсингфорсе того времени писал впоследствии выдающийся деятель финского национального движения писатель З.Топелиус: "Новый Гельсингфорс был в начале как бы искусственным и чужим в той стране, которую он должен был представлять. Он возник не так, как обыкновенно зарождаются центры в результате исторических событий или скрепления

⁵⁶ Письмо П.А. Вяземского супруге от 24-25 августа 1826 года, Остафьевский архив, V, вып. II, СПб, 1913, стр. 83.

больших путей сообщения. Его создала воля царя"⁵⁷. До начала 30-х годов Гельсингфорс был только административным центром страны; за Або сохранялся приоритет в культурном отношении.

В 20-х годах в Гельсингфорсе преобладали круги финляндского дворянства, связанные с сенатом. Но и эти круги были тесно связаны с Або, многие из них были выходцы из Або, молодежь почти исключительно получала там образование.

III.

Исход войны 1808-1809 годов поставил перед финляндским дворянством вопрос: Швеция или Россия? Многовековой союз Финляндии со Швецией тесно связал финляндскую аристократию с метрополией, к тому же финляндская аристократия была в большинстве своем шведского происхождения. Это привело в 1808-1809 гг. к эмиграции части финляндской аристократии в Швецию. Но основная масса финляндского дворянства скоро поняла свое сравнительно выгодное экономическое положение на родине, в большинстве внешне примирилась с изменившимся положением страны и стала пользоваться всеми привилегиями своего сословия.

В первой половине XIX века развитие капитализма в Финляндии привело дворянство к известной переоценке своего положения в обществе, к большому слиянию его с буржуазией, чему способствовали и изменения в политической жизни страны. Основная часть финско-шведского офицерства, участвовавшего в войне 1808-1809 годов, вышла в отставку и заняла посты, ранее считавшиеся не подходящими для дворян. Военная карьера стала терять свою былую привлекательность. Тут играли

⁵⁷ Z. T o p e l i u s, Muistiinpanoja vanhasta Helsingista. Цитируется по изданию: "Suomen kansan aikakirjat", VII, Porvoo-Helsinki, 1934, стр. 315.

большую роль продолжающееся культурное и идеологическое влияние Швеции, а также семейные традиции. Представители многих старинных дворянских родов, в течение веков приносявшие присягу королю шведскому, не желали служить России.

Статистические данные показывают, что в 10-х и 20-х годах среди молодежи резко уменьшилось число поступавших на военную службу (аналогичное явление наблюдается также и в Швеции).

В политической жизни страны видную роль стало играть старшее поколение дворянства, среди которого были люди непосредственно или косвенно связанные с событиями последней четверти XVIII века в Финляндии, в частности с конфедерацией Аньяла.

Но влечение к Швеции среди финляндского дворянства сохранилось, и если оно и не находило яркого выражения в политических стремлениях, то неизменно сохранялось в силу исторических, культурных и семейных традиций.

Финляндское общество в Кюмени по имеющимся данным состояло из людей различных сословий и из разных частей Финляндии, конечно, отличных друг от друга и по мировоззрению. Здесь были уроженцы "Старой Финляндии", у которых служба в российской армии вызвала меньше сомнений, чем у уроженцев "Новой Финляндии", вошедшей в состав России только с 1809 года. Эти две группы несколько различались и по складу мыслей. Здесь были выходцы из купеческих и чиновничьих семей, для которых военная карьера была, может быть, единственным путем "в люди", но были и представители высшей финляндской аристократии.

Теперь об отдельных личностях из финляндского окружения Е.А. Боратынского.

А м м о н д т - в. Ammond Otto Wilhelm - в русских источниках Василий Васильевич А.⁵⁸ (1795-1861). Дед О.В. Аммондта был шведский военный инженер. Сам О.В. Аммондт вырос в бедной семье недалеко от Роченсальма. В юности был учеником аптекаря, в 1812 году, когда стали организовываться финляндские части, поступил на военную службу фельдфебелем. В марте 1819 года был переведен в Нейшлотский полк в чине поручика, в феврале 1821 года он уже штабс-капитан, в августе 1822 г. капитан. В марте 1825 года перевелся в гвардию, служил в Финляндском и Литовском полках. С 1845 командир 5-й гвардейской пехотной бригады. В 1849 году получает чин генерал-лейтенанта. С 1837 возведен в дворянство⁵⁹. Аммондт был приятелем и земляком академика Шегрена⁶⁰. В 1822 году Аммондт женился на Анне Каролине Софии Сигнеус⁶¹, сестре Фредерика Сигнеуса⁶², впоследствии профессора эстетики Гельсингфорского Университета, имевшего связи и с петербургскими литературными кругами⁶³. К Аммондту относятся слова Коншина: "есть теперь один благородный финляндец, генерал, командующий которой-то из гвардейских бригад"⁶⁴.

Коншин вспоминает о каком-то недоразумении, возникшем между Боратынским и, видимо, Аммондтом. Инцидент, быстро ула-

⁵⁸ С. Г у л е в и ч, История лейб-гвардейского Финляндского полка 1806-1906, ч. I, СПб, 1909, стр. 31.

⁵⁹ O. W a s a s t j e r n a, Åttar-Taflor den på Finlands Riddarhus introducerade adeln, I, Borgå, 1879, стр. 46-47.

⁶⁰ А. J. S j ö g r e n, ук. соч., стр. 98.

⁶¹ Suomen sukututkimusseuran julkaisuja XX, Uusi sukukirja, III, 2. vihko, Helsinki, 1952, стр. 97.

⁶² См. наст. изд., стр. 126.

⁶³ "Переписка Я.К. Грота с П.А. Плетневым, I, СПб, 1896, стр. 587-588.

⁶⁴ Н. К о н ш и н, ук. соч., стр. 391.

женный, очевидно был из числа тех, которые побудили Боратынского писать: "меня тяготит противоречие моего положения. Я не принадлежу ни к какому сословию, хотя имею какое-то звание. Ничьи надежды, ничьи наслаждения мне не приличны".⁶⁵

С другой стороны, не легко было и финляндцам отнестись без предубеждений к наказанному за предосудительный поступок унтер-офицеру Боратынскому, а тем более оценить его как талантливую поэту и посочувствовать ему как человеку, обиженному судьбой.

Брун - *Brön*. Бруны - горожане Фридрихсгама, купцы; несколько Брунов занимало в течение XVIII века ответственные посты в фридрихсгамском магистрате⁶⁶. Некоторые Бруны служили также в шведской армии⁶⁷.

Брун был в 1828 г. поручиком Нейшлотского полка⁶⁸.

Клеркер, Карл Густавович - *Carl af Klerker* (1798-1853). Внук генерала Карла Натанаеля ав Клеркера, одного из главнокомандующих шведской армией в войне 1808-1809 года⁶⁹. Неудачи этой войны вызвали в Швеции волну недовольства против некоторых генералов действующей армии.

⁶⁵ Е.А. Боратынский, Стихотворения, поэмы, проза, письма, М., 1951, стр. 469.

⁶⁶ S. Nordenstren g, Fredrikshamn's stads historia, 2-delen 1742-1811, Fredrikshamn, 1909, стр. XLIX-LX.

⁶⁷ K. Wirilander, Suomen armeijan upseeristo ja aliupseeristo 1718-1810. Virkatalohaltijain luettelot, Helsinki, 1953.

⁶⁸ Список генералам и штаб- и обер-офицерам всей Российской армии с показанием чинов, фамилий, знаков отличия, СПб., 1828, стр. 681.

⁶⁹ Основываясь на данных Ордина, П. Бейсов в примечаниях (Краеведческие записки, стр. 402) упоминает генерала Клеркера.

Так, К.Н. ав Клеркер обвинялся в предательстве. Главнокомандующие в шведской армии назывались *en chef*, этот термин был заимствован и русской историографией - генерал-аншеф⁷⁰. Этот же термин употреблен и Коншиным, но в публикации воспоминаний Коншина слово аншеф интерпретируется как некая фамилия Аншеер (... внук шведского генерала Аншеера...⁷¹); фразу Коншина о Клеркере следует читать: "Вот барон Клеркер, аристократ края, в то время благовоспитанное дитя, внук шведского генерала аншефа, отстаивавшего от русских Финляндию".

Карл Клеркер воспитывался в Пажеском корпусе⁷² и уже раньше был знаком с Боратынским. Клеркер был произведен в прапорщики Нейшлотского полка 20 марта 1819 года. Подпоручик с января 1820 г., поручик с февраля 1822 г. В следующем году прикомандирован к Финляндскому кадетскому корпусу, куда и переведен 24 марта 1824 года. С конца 1837 г. Клеркер занимает пост Гельсингфорсского полицеймейстера. В 1860 году уходит в отставку в чине полковника.

В записках о своей финляндской службе Коншин уделяет Клеркеру особое место; видимо Клеркер был Коншину самым близким из всех нейшлотских финляндцев. В рукописи "Для немногих" упоминается из финляндцев только Клеркер⁷³. Каковы были отношения Боратынского и Клеркера? В письме к Коншину в начале 1825 года Боратынский упоминает поездку к Клеркеру в Фридрихсгам. Может быть это упоминание объясняется дружескими отношениями Коншина и Клеркера, но слова Боратынского: "Я был у него и прочел в глазах, которые ни-

⁷⁰ М. Бородкин, История Финляндии. Время императора Александра I, стр. 57.

⁷¹ Н. Коншин, ук. соч., стр. 392.

⁷² О.Р. Фрейман, Пажи, Фридрихсгам, 1894, стр. 216.

⁷³ Отделение Рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Архив Н.М. Коншина, ф. 369, ед.хр. I, л. 15 об.

когда не лгут, что он доволен своей судьбой»⁷⁴, - говорят о непосредственных хороших отношениях Боратынского и Клеркера.

Любопытно отметить, что в Финляндском Кадетском корпусе было сильно влияние А.И. Арвидссона, который еще в бытность свою в Або тайно посылал в Фридрихсгам запрещенные книги⁷⁵. Литература эта, которую Арвидссон получал из Швеции и активно распространял, касалась внешней политики Александра I, Венского конгресса, революционной борьбы в Европе за национальную сплоченность и независимость и т.д.

Осенью и зимой 1822 года Арвидссон предпринял из Борго две поездки во Фридрихсгам⁷⁶, где вращался в кругу офицеров, учителей и кадетов⁷⁷. Еще в конце 20-х годов влияние Арвидссона в Фридрихсгаме было сильно, что отражалось в популярности его шведских изданий.

Нейшлотский полк вернулся из Петербурга в Роченсальм зимой, в начале 1823 года, когда в Фридрихсгаме были еще свежи впечатления от последнего посещения Арвидссона. В скором времени к Кадетскому корпусу был прикомандирован Клеркер. Но насколько Клеркер поддался царившему в училище духу, не известно. Окружающие, вероятно, видели в Клеркере человека русской ориентации, так как он получил образование в Петербурге и пользовался особыми привилегиями благодаря репутации деда генерала К.Н. ав Клеркера. И на деле 6 лет проведенных в Пажеском корпусе в Петербурге, несомненно, ослабили интерес Клеркера к особым национальным и

⁷⁴ Н. Л е р н е р , ук. изд., стр. 757.

⁷⁵ L. S a s t r é n , ук. соч., стр. 382.

⁷⁶ Там же, стр. 402-403.

⁷⁷ Y. N u r m i o. Sensuuriviranomaisten suhtautumisesta A.I. Arwidssonin 1820-luvun lopulla. Historiallinen Aikakauskirja, 1931, Nr.2, lk.92.

политическим устремлениям Финляндии и ее народа. Случайностью не приходится рассматривать и назначение Клеркера в Финляндский Кадетский корпус. По воспитанию и образованию Карл Клеркер представлялся А.А.Закревскому, конечно, подходящей и надежной фигурой для военного училища, дух которого, вероятно, не мог удовлетворять генерал-губернатора.

Л ё в с т р е м - Löfström. В 1828 году Лёвстрем - майор Петровского полка Отдельного Финляндского Корпуса⁷⁸. Погиб в Польше при подавлении восстания (по Коншину).

Род Löfström не из знатных в Финляндии. Лёвстремы были губернскими чиновниками, священниками, инженерами.

Н о р д м а н ⁷⁹ Давид Антон, полковник российской службы, умер в 1827 году. Служил в артиллерийских частях расположенных в Роченсальме.

Д.А. Нордман - уроженец Выборгской губернии (Старой Финляндии), происходил из вильманstrandской чиновничьей семьи. В 1820 году возведен в российское дворянское достоинство⁸⁰.

Сыновья Д.А. Нордмана - Фредерик (1805-1879) и Бернхард (он же Борис, 1808-1877) служили в российском флоте и оба стали впоследствии адмиралами⁸¹.

Р а м з а й - Густаф Адольф Рамсе⁸² (Gustaf Adolf Ramsay) родился в 1794 году в Финляндии в Куопио в семье местного

⁷⁸ Список генералам и штаб- и обер-офицерам всей Российской армии с показанием чинов, фамилий, знаков отличия, СПб, 1828, стр. 681.

⁷⁹ В письме Боратынского Коншину ("Русская Старина", 1908, декабрь, стр. 756) - Нортман.

⁸⁰ O. W a s a s t j e r n a, Ättar-Tafloy den på Finlands Riddarhus introducerade adeln, II, Borgå, 1880, стр. 156.

⁸¹ Там же, стр. 156: I. H e i k i n h e i m o, Suomen elämäkerasto, Porvoo-Helsinki, 1955, стр. 521.

⁸² Фамилия Ramsay произносится по-шведски Ramsä Это произношение отражается и в русских источниках - Эдуард Андреевич Рамсе - брат Густафа Адольфа (Росписание Гвардейского отдельного корпуса на 1819 год, СПб, стр. 138). Далее мы употребляем укоренившееся в русском языке написание - Рамзай.

губернатора Андреса Рамсе. В марте 1811 года Г.А.Рамзай становится сержантом Стокгольмской эскадры. Он успешно продвигается по шведской службе, но в июле 1818 года уходит в отставку в чине майора. Вскоре он возвращается из Швеции в Финляндию, и через год, в июне 1819 г., Г.А. Рамзай становится капитаном Нейшлотского полка. В июне 1822 года он переходит в Выборгский полк в чине майора. Г.А. Рамзай принимает участие в Турецкой войне 1828-1829 года и в 1832 году уходит в отставку в чине подполковника.

С 1833 года по 1854 год Г.А.Рамзай занимает посты вице-губернатора и губернатора Карелии и Саволакс в Куопио. Густаф Адольф Рамзай скончался в мае 1859 года в Гельсингфорсе⁸³.

Краткое упоминание Рамзая Коншиным - "Рамзай, нынешний губернатор в Финляндии"⁸⁴ - многократно комментировано П.С.Бейсовым: "Среди многих имен, названных Коншиным, привлекают имена Эссена и Рамзая. Оба принадлежали к той группе финляндской интеллигенции, которая в конце ХУШ и в начале XIX века добивалась отделения Финляндии от Швеции на началах политической автономии"⁸⁵. Далее комментатор воспоминаний Коншина продолжает: "Рамзай, майор, близок к Спренгтпортену, принимал участие в событиях, предшествовавших присоединению Финляндии к России. Впрочем здесь же

⁸³ O. Wasastjerna, ук. изд., стр. 242-243.

⁸⁴ Н. Коншин, ук. соч., стр. 392.

⁸⁵ П.С. Бейсов, Воспоминания Н. Коншина о Боратынском, Краеведческие записки Ульяновского краеведческого музея им. И.А. Гончарова, стр. 384; а также П. Бейсов, Воспоминания о Боратынском, "Русская литература", 1959, № 3, стр. 131.

назван и Рамзай Фридрих-Адольф поручик, последний был членом сейма в Борго в 1809 г., на котором рассматривался вопрос о "коренных" законах Финляндии, т.е. о конституции"⁸⁶. А далее Г.А. Рамзай уже совсем отождествляется с Ф.А.Рамзаем: "Интересен и Рамзай. Он был членом сейма Борго в 1809 г. Имя этого Рамзая, поручика в то время, значится в списке финских имен находящемся в бумагах Сперанского"⁸⁷.

Из вышеприведенных комментариев следует, насколько трудно разобраться в том, кем является тот или другой упоминаемый Коншиным финляндец. В отношении Рамзая (а также и Эссена) мнение П.С. Бейсова клонится к тому, что они были современники и соучастники конфедерации Аньяла. В комментариях П.С. Бейсова приводятся биографические данные о двух представителях рода Рамсе, дальних родственниках Г.А.Рамзая.

Кристер Вильгельм Рамзай (Crister Wilhelm Ramsay, 1753-1796) - майор финских войск, в отставке с 1781 года⁸⁸. Член масонской ложи Valhall⁸⁹, единомышленник Спренгтпортена, в конфедерацию Аньяла не входил, но сочувствовал конфедератам и вместе со своим племянником Д.А.Эссеном поддержал Я.А. Егерхурна уже в период разгрома конфедерации.

Рамзай Фредрик Адольф (Fredrik Adolf Ramsay, 1777-1853), сын Кр.В.Рамзая, поступил в 1794 г. сержантом на военную

⁸⁶ П.С. Бейсов, Примечания, Краеведческие записки Ульяновского краеведческого музея им. И.А.Гончарова, вып. II, Ульяновск, 1958, стр. 402.

⁸⁷ П.С. Бейсов, Воспоминания Н.Коншина о Боратынском, Краеведческие записки Ульяновского краеведческого музея им. И.А. Гончарова, стр. 384.

⁸⁸ O. Wasastjerna, ук. изд., стр. 235.

⁸⁹ M. G. Schybergson, ук. соч., стр. 205, 225.

службу. Принял участие в войне 1808-1809 года в чине лейтенанта, ушел в 1810 году в отставку в чине капитана⁹⁰. Ф.А. Рамзай был членом сейма в Борго; однако впоследствии он не принимал участия в политической жизни страны.

В семье Густафа Адольфа Рамзая и в его личной жизни наблюдается и влечение к Швеции и умение приспособиться на родине к новым политическим и экономическим условиям. Так его старший брат Иоган Вильгельм (1788-1840) с 1807 года служил в шведской армии и больше в Финляндию не вернулся. Другой брат, Карл Август Рамзай, начал службу в новых финляндских правительственных учреждениях уже с 1809 года⁹¹. Младший брат Андерс Эдвард (Эдуард Андреевич Рамзе или Рамзай) воспитывался в Пажеском корпусе, служил в гвардии и сделал самую блестящую карьеру из всех финляндцев, служивших в Российской армии⁹². Вероятно с А.Э.Рамзаем Боратынский был знаком уже со времен Пажеского корпуса. Как это могло отразиться на отношениях Г.А.Рамзая и Боратынского, не известно.

Сам Г.А. Рамзай поступил на шведскую службу через полтора года после утверждения Александром I конституции великого княжества Финляндского на сейме в Борго и начал свою военную карьеру очень успешно. Нам точно неизвестно из каких побуждений Г.А.Рамзай вернулся на родину, но в Российской армии его служба не увенчалась особым успехом.

В то время когда Н. Коншин писал свои воспоминания о Боратынском, Г.А.Рамзай был губернатором в Куопио и проявлял в

90

O. Wasastjerna, ук. изд., стр. 235.

91

К.А. Рамзай (1791-1855) был впоследствии губернатором в Выборге, с 1834 г. сенатор. Он упоминается в переписке Грота и Плетнева как "сенатор Рамзай".

92

А.Э. Рамзай (1799-1877) с 1818 г. прапорщик в Преображенском полку. Имя А.Э. Рамзая тесно связано с созданием в России стрелковых войск. А.Э.Рамзай был генерал-адъютантом, членом Военного Совета. Генерал Рамзай упоминается в переписке Я.К.Грота и П.А.Плетнева (СПб, 1896).

развитии экономики края деловитость и дальновзоркость. Но в конце 40-х годов перед губернатором Г.А. Рамзаем предстали трудности. В Финляндию вернулся из заграницы Й.В. Снелльман⁹³ и, получив в Куопио место директора прогимназии, стал там издавать давно задуманную газету. "Saima" стала выходить в 1844 году, в ней обсуждались общественные и политические проблемы и беспощадно бичевались различные пороки современной финляндской действительности периода николаевской реакции. Финляндская цензура была, по мнению генерал-губернатора князя Меншикова, слишком либеральна по отношению к газете Снелльмана, и в 1846 году был издан указ, согласно которому губернаторы на местах должны были следить за цензурой местных изданий. Г.А.Рамзай отнесся к новым обязанностям с большим усердием и фактически сам стал цензором газеты. Он зачеркивал зачастую даже статьи перепечатывавшиеся из других финляндских изданий, и вообще проявлял неосведомленность в современных литературных и общественных проблемах. Снелльман как талантливый публицист умел обходить цензурные преграды и доводить свои вольнодумные идеи до читателя. В декабре 1846 года Г.А.Рамзай направляет в сенат письмо, в котором выражает надежду на скорое закрытие газеты, так как Снелльман продолжает в ней проповедывать "напрасные, новые учения, вредно влияющие на умы молодежи"⁹⁴, идеи Снелльмана якобы ослабляют "основную черту финского национального характера" - верность господствующему строю⁹⁵.

Записка Рамзая заставила сенат изменить первоначальное решение о разрешении продолжать издание "Саймы".

93

См. наст. изд., стр. 126.

94

Цит. по статье: Y. Nurmi o, J.V. Snellman ja Kuopion läänin kuvernööri Adolf Ramsay, "Historiallinen Aikakauskirja", 1946, Nr.3, стр. 150.

95

Там же, стр. 151.

Лидеры финского национального движения чувствовали крайнюю необходимость в своем печатном органе, и на этот раз право издавать газету получил Элиас Ленрут, фактическим же издателем оставался по-прежнему Снелльман. Первый номер газеты "Litteraturblad" вышел в Куопио в мае 1847 года. После короткого перерыва Г.А. Рамзая предстояла еще более трудная задача цензуровать литературную газету, в которой при всяком удобном случае в завуалированном виде затрагивались актуальные общественные проблемы. Цензурные условия настолько усложнились, что Снелльман прекратил в 1849 году издание газеты. С 1850 года газета стала вновь выходить в Гельсингфорсе.

В статье Ю.Нурми неоднократно подчеркивается невежество Г.А.Рамзая, проявившееся особенно в цензировании газет. Мнение это основывается, как видно, на пылких протестах Снелльмана против притеснений цензуры, которые он слал и в сенат и Александру Армфельту⁹⁶. Снелльман приводил, конечно, самые маркантные примеры из практики цензора Г.А.Рамзая и делал из него всеобщее посмеище.

Отношение Г.А.Рамзая к газете Снелльмана обусловлено, конечно, не столько образованием, сколько мировоззрением и общественным положением Г.А.Рамзая.

Характеристика, данная Г.А.Рамзая Ю. Нурми, несколько противоречит воспоминаниям Коншина, где Г.А.Рамзай назван среди общества, составляющего уголок европейской образованности в Ликоловских казармах⁹⁷. Вероятно, дело в том, что в 20-х годах Г.А.Рамзай был молод и более осведомлен в идейных течениях современности, кроме того светские манеры не-

⁹⁶ См. наст. изд., стр. 151-152.

⁹⁷ Н. Коншин, ук. соч., стр. 391-391.

давно прибывшего из Стокгольма шведского гвардейского офицера, видимо, имели немалое значение в глазах современников.

К 40-м годам Г.А. Рамзай успел отстать от жизни. Десятилетняя военная служба в различных армейских полках и губернаторство в захолустном Куопио, видимо, повлияло на него. На это указывает и Ю.Нурми: "Ранняя деятельность Рамзая происходила вдали от правительственных центров. Подготовившись к военной службе, он служил во многих финляндских и русских частях /.../. Этому старому вояке было не под силу судить о литературе и следить за литературными явлениями"⁹⁸.

Э с с е н Одерт Вильгельм (Odert Wilhelm v. Essen). Родился в 1801 г. в имении Якарби близ города Борго в семье полковника шведской службы. Отец Одерт Рейнгольд Эссен дослужился во время войны 1808-1809 года до чина генерал-майора, но по окончании войны ушел в отставку.

О.В.Эссен воспитывался в Пажемском корпусе. В 1820 году был произведен в прапорщики Нейшлотского полка. Из поручиков Нейшлотского полка в январе 1825 года переводится прапорщиком в лейб-гвардии Финляндский полк, в апреле 1826 года уходит в отставку поручиком. С 1833 по 1837 год служит переводчиком в Выборгском губернском правлении. В 1841 в своем родовом имении Якарби О.В.Эссен кончает жизнь самоубийством⁹⁹.

"Здесь огненный швед Эссен, служивший потом в Л.Г.Финляндском полку, постоянно рассеянный и углубленный в науку военного искусства"¹⁰⁰ - так вспоминает о нем Коншин.

⁹⁸ Ю. Нурми, ук. соч., стр. 137.

⁹⁹ О.Р. Фрейман, ук. соч., стр. 222;

О. Часастьерна, Ättar-Taflor, den på Finlands Riddarhus introducerade adeln, I, Borgå, 1879, стр. 361.

¹⁰⁰ Н. Коншин. Ук. соч., стр. 392.

Как мы видели, в статьях о Боратынском П.С. Бейсов относит О.В. Эссена к группе финляндской интеллигенции, которая в конце ХУШ века добивалась отделения Финляндии от Швеции на началах политической автономии¹⁰¹. П.С.Бейсов комментирует далее: "Сейм независимости конфедератов находился в имении фон Эссена близ города Гейнола. В январе 1789 года конфедерация была окончательно разгромлена. Корнет Эссен и некоторые другие бежали в Россию"¹⁰².

"К.Ф. Ордин называет еще одного Эссена, полковника шведской службы, участника войны 1808 года. Этот Эссен принял парламентаров, предложивших шведским офицерам от имени главнокомандующего русской армией не оказывать сопротивления русским войскам. Но этого полковника Н.Коншина не мог назвать "огненным шведом". Скорее всего этот эпитет относится к шведскому эмигранту Эссену, борозшему за независимость Финляндии от Швеции"¹⁰³.

Здесь П.С.Бейсов говорит о двух представителях рода фон Эссен, но ни один из них не является упоминаемым Н.Коншиным Нейшлотским офицером.

1) Адольф Дидрик фон Эссен (1766-1832), корнет. В начале 80-х годов ХУШ века испытал влияние идей Г.М. Спренгтпортена, во время войны 1788-1791 года сочувствовал конфедератам и принимал участие в съезде финляндских сепаратистов, который был организован Я.А. Егерхурном в одном из имений рода Эссен в окрестностях местечка Хейнола. Членов этого съезда постигла та же участь, что и Аньяласких конфедератов. Большая часть их была арестована, а некоторые, среди них Я.А. Егерхурн и А.Д. Эссен, бежали в Россию.

¹⁰¹ См. наст. изд., стр. 138-139.

¹⁰² П.С. Бейсов, Воспоминания Н. Коншина о Боратынском, Краеведческие записки Ульяновского Краеведческого музея им. И.А. Гончарова, стр. 384.

¹⁰³ Там же, стр. 388.

А.Д. Эссен был сначала приговорен к смерти, но вскоре помилован. В России он пробыл сравнительно недолго. В 1791 году он вновь поступил на военную службу в шведскую армию простым солдатом. В 1793 он был снова произведен в офицеры. Позднее он перевелся на службу в Швецию. В 1812 году ушел в отставку в чине подполковника¹⁰⁴. Вся его последующая жизнь прошла в Швеции. Как видно, роль А.Д. Эссена в политической борьбе конца ХУШ века была не особенно значительна, к тому же позднее он стоял совершенно в стороне от политической жизни Финляндии.

2) Эссен, полковник шведской службы, принявший в войне 1808-1809 гг. парламентаров, был Одерт Рейнгольд фон Эссен (1755-1837), отец упоминаемого Коншиным однополчанина О.В. Эссена.

Что касается эпитета "огненный швед", то связывать его с политическими стремлениями финляндских сепаратистов нелогично. Скорее наоборот за этим выражением Коншина может таиться приверженность Эссена к Швеции, его национальные настроения.

Неясно, что заставило О.В. Эссена уже в 1826 году уйти в отставку¹⁰⁵.

¹⁰⁴ O. Wasastjerna, ук. соч., стр. 348.

¹⁰⁵ "2 апреля 1826 г. уволен от службы, по домашним обстоятельствам", С. Гулевич, История лейб-гвардейского Финляндского полка 1805-1806 гг., ч.У, отд. У, СПб, 1909, стр. 31. Имя и отчество О.В. Эссена в этом издании искажено.

Как мы видели, ни один из упоминаемых Н. Коншиным или самим Е. Боратынским финляндцев не принадлежал к числу финляндских сепаратистов XVIII века. Это было совершенно иное поколение, мировоззрение и политические взгляды которого складывались в новых исторических условиях.

В воспоминаниях Н. Коншина на передний план выведены бывшие пажи Клеркер и Эссен, люди которые, видимо, могли быть ближе других финляндцев к Боратынскому. Дальше в порядке занимаемого ими положения в обществе (во время написания воспоминаний) отмечаются другие бывшие нейшлотцы. Нужно отметить, что Н. Коншин был сравнительно хорошо информирован о дальнейших судьбах своих бывших однополчан.

Особо близких дружеских связей у Е. Боратынского с упоминаемыми финляндцами не образовалось. Не возбудили они в Боратынском интереса и к назревшим в Финляндии общественным проблемам. Самое сильное впечатление на Боратынского произвела природа Финляндии.

Нужно отметить, что финляндский пейзаж вызвал больший интерес у Боратынского в начальный период пребывания его в Финляндии (до первой продолжительной поездки нейшлотского полка в Петербург). В это время, несмотря на горести изгнания, Е. Боратынский был, видимо, поражен финляндской природой и под влиянием непосредственных впечатлений создавал в своих стихах великолепные картины северного пейзажа ("Финляндия", "Водопад", "Отъезд", "Буря"). Согласно воспоминаниям Коншина, "Буря" написана в тот же первый период пребывания в Финляндии, но в литературе стихотворение приурочивается к 1824 году. Возможно, что первый вариант был написан Боратынским раньше, а окончательное философское осмысление стихотворение получило в 1824 году. Также, согласно воспоминаниям Н. Коншина, элегия "Водопад" написана под впечатлением посещения водопада Иматра, а не под впечатлением находившегося недалеко от Роченсальма водопада Хегфорса, как это предполагалось раньше.

Э. Карху отмечает в своей книге близость финляндской поэзии Боратынского к поэзии современных ему шведских романтиков¹⁰⁶. Сколько-нибудь ясно выраженного влияния шведской поэзии на творчество Е. Боратынского отметить невозможно. Мы не имеем данных о знании Боратынским шведского языка. Возможно, что поэт к концу своего пребывания в Финляндии в некоторой степени научился шведскому, но большинство стихотворений на финляндскую тему написано в начальный период пребывания в Финляндии. Некоторые отголоски скандинавизма проявляются, кажется, только в элегии "Финляндия". Очевидно, что ознакомление с общим духом современной шведской поэзии происходило в кругу финляндских друзей. В период пребывания в Лийкала этому кружку были особенно близки литературные интересы.

Представляется существенным наблюдение Е. Купреяновой, что в финляндской поэзии Боратынского отсутствуют элементы финской мифологии, а имеется лишь скандинавская¹⁰⁷.

Необходимо добавить, что Боратынский по всей вероятности не имел и возможности ознакомиться с финской мифологией. Его знакомые финляндцы — люди, получившие шведское воспитание и образование, аристократы-шведы — имели в то время весьма смутное представление о финской мифологии.

Пока нейшлотский полк находился в Петербурге кружок финляндских друзей распался. Боратынский был принят в литературных кругах Петербурга и решительно увлекся ими, надеясь больше в Финляндию не возвращаться. Из финляндцев-нейшлотцев доступ в петербургский высший свет могли иметь, вероятно, только Эссен и Клеркер, как бывшие пажи. Другие же финляндцы, прибывшие в Петербург из скромных провинциальных

¹⁰⁶ Э. Карху, ук. соч., стр. 104.

¹⁰⁷ Е. Купреянова, Примечания к кн.: Е. А. Боратынский. Полное собрание сочинений, Л., Изд. "Советский писатель", 1957, стр. 337. Следует отметить, что в 1789 г. вышла работа Ганандера (Chr. Gander. Mythologia Fennica). Однако, написанная на шведском языке, она не могла быть доступна Боратынскому. Кроме того, в самой книге еще недостаточно дифференцируются скандинавская и финская мифология.

условий Финляндии, вращались вероятно только в кругу своего общества. Так, Аммондт общался с молодым Шегреном и был введен последним в дом Э. Сигнеуса, один из центров петербургского финляндского общества.

Боратынский вернулся в Финляндию разочарованным и недовольным своей участью. Он жил интересами петербургских литературных кругов, хлопотал о возвращении из изгнания. Впечатления от финской природы утратили былую свежесть и силу. Изменения произошли и в кругу однополчан-финляндцев. Клеркер покинул полк (был прикомандирован к кадетскому корпусу в Фридрихсгам), Аммондт, видимо, меньше бывал в обществе, в 1822 году Г.А. Рамзай получил иное назначение.

Интерес к Финляндии у Боратынского не прекращался; финляндская тема появилась снова в поэме "Эда", но здесь она имела уже несколько иной характер. Здесь мы имеем дело не столько с романтическим описанием природы, сколько с известным локализирующим колоритом к реалистической психологической поэме. Силен в поэме бытовой элемент, являющийся результатом ознакомления Боратынского с условиями и своеобразием жизни народа Финляндии.

*

*

*

В Гельсингфорсе Боратынский вращался в обществе, со- биравшемся в доме генерал-губернатора А.А.Закревского. Это общество состояло главным образом из офицеров штаба финляндского Отдельного корпуса и членов финляндского сената. В переписке Е.А.Боратынского, Н.В.Путяты и А.А. Муханова это общество часто называется гельсингфорским двором¹⁰⁸. Для русской столичной молодежи, скучавшей в провинциальных условиях Финляндии, гельсингфорский двор "герцога" (А.А.Закревского) был большим развлечением. Супруга А.А. Закревского Аграфена Федоровна Закревская (ур. Толстая) была человеком глубоко неудовлетворенным и разочарованным в жизни, искавшим развлечения в интригах светской жизни. В одном из писем к Н.В. Путяте поэт, описывая судьбу А.А.Муханова в Тульчине, дает некую характеристику Гельсингфорского двора: "... в Тульчине еще скучнее чем в Гельсингфорсе. В/итгенштейн/ он добрый немец, счастливый в своем семействе, эконоом, ни в чем непохожий на нашего герцога: у него не за кем волочиться, не о чем хлопотать, не с кем мириться и ссориться, одним словом, нет двора"¹⁰⁹.

События при "гельсингфорском дворе" внесли много разнообразия в тишину финляндской жизни Боратынского. Гельсингфорские впечатления стимулировали создание нес-

¹⁰⁸ Е.А. Боратынский, Стихотворения, поэмы, проза, письма, Москва, 1951, стр. 479.

¹⁰⁹ Письма Е.А.Боратынского к Н.В. Путяте, "Русский Архив", 1867, стр. 276.

кольких стихотворений /"Как много ты в немного дней", "Авроре III", "Запрос Муханову"/ и, наконец, поэмы "Бал".

Личность А.Ф.Закревской и ее взаимоотношения с другими людьми, в частности с А.Армфельтом, вызвали особое внимание Боратынского. В переписке Боратынского, Н.В.Путята и А.А.Муханова А.Ф.Закревской отводится много места. В этих письмах ее называют Мессалиной, Магдалиной, Альсиной, Феей и т.д.

Боратынскому, вероятно, был ближе всего круг адъютантов А.А.Закревского, среди которых были его будущие друзья Н.В.Путята и А.А.Муханов, с которыми связывала Боратынского общность интересов. Боратынский впоследствии неоднократно вспоминает часы, проведенные с ними вместе. Большая часть гельсингфорского общества осталась чуждой Боратынскому¹¹⁰.

Как следует из книги Френкель¹¹¹, гельсингфорское финляндское общество относилось к Н.В.Путяте, А.А.Муханову и Е.А.Боратынскому с симпатией.

Боратынский провел в Гельсингфорсе несколько месяцев, которые настолько запечатлелись в его памяти, что еще через много лет Боратынский в письмах из Москвы к Н.В.Путяте вспоминает об их приятной совместной жизни в Гельсингфорсе. Можно полагать, что эти воспоминания не покидали Боратынского и позднее.

А р м ф е л ь т Александр (Alexander Armfelt) - граф (1794-1876).

Отец А. Армфельта, Густаф Мориз Армфельт (1757-1814), уроженец Финляндии, шведский дипломат конца XVIII - начала

¹¹⁰ Е.А. Боратынский, Стихотворения, поэмы, проза, письма, Москва, 1951, стр. 479.

¹¹¹ E. M. v. Frenskell, Öfientliga nöjen och privata i Helsingfors 1812-1827. Med en historisk översikt, Helsingfors, 1943.

XIX века, которого называли "северным Алкивиадом". Густа-вианец по убеждениям, сторонник политики Густава III, человек чрезвычайно энергичный и честолюбивый, он участвовал во многих интригах, связанных с шведской королевской династией. В конце XVIII века он был вынужден бежать в Россию, где однако попал в немилость у Екатерины II. В 1800 году Г.М. Армфельт смог вернуться в Швецию, но, не примирившись с династией Бернадотов, он возвращается в 1811 году на родину, в Финляндию. Вскоре Г.М. Армфельт был призван возглавлять в Петербурге Финляндский комитет; на этом посту остается он до своей кончины.

Александр Армфельт родился в Риге, образование получил в университетах Упсалы, Эдинбурга и Або. Поступил на службу в российскую армию в 1814 году. Служил в гвардии. Принял участие в походе русской армии во Францию. С 1820 по 1827 год он адъютант Финляндского генерал-губернатора с зачислением в Преображенский полк. В 1827 г. уходит в отставку в чине капитана. С 1832 года служит в Петербурге в Финляндском Комитете, с 1842 года возглавляет его¹¹². А. Армфельт был предусмотрительным политиком, он защищал довольно успешно особое политическое положение Финляндии от попыток русского царизма отменить финляндскую конституцию.

Однако стремлений финляндского национального движения А.Армфельт не понимал. Он препятствовал введению финского языка наравне со шведским в государственные учреждения и даже не считал нужным преподавать финский язык как особую дисциплину в университете, и только К.Г. Маннерхейм сумел представить эти требования так убедительно, что А.Армфельт должен был пойти на уступки.

А. Армфельт был многосторонне образованным человеком, интересным и приятным собеседником. П.А. Вяземский пишет

о нем во время своего пребывания в Гельсингфорсе 25-го августа 1826 г.: "Вчера я обедал <...> с молодым Армфельтом <...> о котором нам говорил Муханов. Любезный ловкий парень. Хорошо говорит по-французски с некоторым убранством, но приятно и приятен"^{II3}. В кругу адъютантов генерала А.А.Закревского его называли Мефистофелесом^{II4}.

Во время пребывания Е.А.Боратынского в Гельсингфорсе А.Армфельт и А.Ф.Закревская переживали период взаимного увлечения^{II5}. Ход этих отношений интересует Боратынского еще и весной 1825 года^{II6}. Быть может, в поэме "Бал" отразились не только характер А.Ф.Закревской, но в некоторой степени и ее отношения с А.Армфельтом.

Р. Армфельт был женат с 1820 года на графине Сигрид Фредрике Уксеншерна (1800-1841), которая также упоминается в дневнике А.А.Муханова.

В а л л е н Карл Иоганн (Wallen Carl Johann) (1781-1867). Изучал в Абоской академии юриспруденцию. В 1816 году Валлен был возведен во дворянство и назначен выборгским губернатором на место умершего К.И.Шернвалья. На этом посту К.И. Валлен пробыл до своего назначения на ответственный пост в сенат в 1820 году. С 1822 по 1854 год Валлен исполнял должность главного прокурора Финляндии, в ведомстве которого была система финляндской прокуратуры.

^{II3} Остафьевский архив, У, вып.2, СПб, 1913, стр. 84.

^{II4} А.А. Л и л л я, ук. соч., стр. 180; Дневники и письма А.А. Муханова, Щукинский сборник, Ш. Москва, 1904, стр. 176; Письма Е.А.Боратынского к Н.В.Путяте, "Русский Архив", 1867, стр. 271.

^{II5} Дневники и письма А.А.Муханова, ук. изд., стр.175.

^{II6} Письма Е.А.Боратынского к Н.В. Путяте, "Русский Архив", 1867, стр. 271.

Валлен был многосторонне образованным человеком своего времени. "Валлен <...> был воспитанником французской культуры XVIII века. Он руководствовался идеями свободы и гуманизма эпохи просвещения, но к событиям, к которым привели эти идеи во Франции, он относится, в основном, отрицательно. Идею о происходившем в пределах законности государственном развитии Швеции-Финляндии он носил в крови"^{II7}, - отзываясь о Валлене финский историк И.Р. Даниельсон-Калмари; эта характеристика в общем годится для большей части старшего поколения финляндских государственных деятелей первой четверти XIX века.

Как добросовестно исполняющий свои обязанности прокуратор и как человек, отрицательно относящийся к революционным явлениям, Валлен естественно оказался одним из самых влиятельных и опасных врагов А.И. Арвидссона и его газеты.

В 1825 году во время крупных конфликтов между сенатом и генерал-губернатором Валлен был на стороне сената.

К.И.Валлен женился в 1816 году на вдове бывшего Выборгского губернатора К.И.Шернвалья Эве Густаве Шернваль (урожденной Виллебрандт, 1781-1844), которая имела от прежнего брака четырех детей.

Старший из детей Карл Эмиль Кнут (1806-1890) был усыновлен Валленом и впоследствии носил фамилию Шернваль-Заллен. Он стал преемником А.Армфельта в Финляндском Комитете. Дочери его Эва Аврора Шарлотта (1808-1902)^{II8} и Эмилия (1810-1846, позднее графиня Мусина-Пушкина) тоже

^{II7} J.R. Danielson - Kalmar, Suomen valtiosta yhteiskuntaelämä 18:nellä ja 19:nellä vuosisadalla. Aleksanteri I aika, V osa, Porvoo, 1927, стр. 484.

^{II8} См. наст.изд., стр. 158-160.

подолгу жили в России.

Крунстедт (Кронстедт) Карл Улоф — Carl Olof Cronstedt (1800—1883).

Отец К.У. Крунстедта адмирал К.У.Крунстедт был во время войны 1808—1809 года комендантом крепости Свеаборг. Крепость сдалась русским в 1809 году. Адмирал Кронстедт был в Швеции обвинен в предательстве; судебное следствие было прекращено по требованию Александра I, а в России семья Крунстедт стала пользоваться особыми привилегиями. Факт сдачи Свеаборга и роль в этом адмирала К.У.Крунстедта объясняется колебавшейся верой в общность интересов Финляндии и Швеции среди некоторой части финляндского офицерства.

Карл Улоф Крунстедт-младший воспитывался в 1817—1820 гг. в Пажеском корпусе. Начиная с 1820 года, он служил в гвардии, сперва в Семеновском, а потом в Петровском полку. В мае 1824 года он получил чин штабс-капитана, в 1829 году чин капитана, в 1833 году в чине полковника ушел в отставку. Позднее К.У. Крунстедт был губернатором в западной Финляндии; с 1845 по 1870 год сенатором. В эти годы Крунстедт приобрел большой авторитет в стране. Он относился с симпатией к устремлениям финского национального движения в области культуры.

Как явствует из дневника А.А.Муханова¹¹⁹, Карл Крунстедт был в начале января 1825 года в обществе адъютантов Закревского. С Боратынским Карл Крунстедт мог быть знаком уже со времен Пажеского корпуса.

Крунстедт Габриель Антон (1798—1873). Брат предыдущего. Паж при дворе в Петербурге с 1816 года. С 1820 года назначается адъютантом Финляндского генерал-губернатора. 24 декабря 1824 года получает чин штабс-капитана.

¹¹⁹ Дневники и письма Александра Алексеевича Муханова, Щукинский сборник, III, стр. 176.

С 1827 года старший адъютант Финляндского генерал-губернатора. Служил впоследствии в Петровском и Финляндском гвардейских полках. В 1841 году становится генерал-майором¹²⁰. Сопровождал генерал-губернатора Закревского в поездках по Финляндии. С Боратынским встречался в Гельсингфорсе. Он же вероятно ввел брата Карла Крунстедта в круг адъютантов Закревского.

Левандер — Levander.

Финляндские девушки Адель и Каролина Левандер были фаворитками А.Ф.Закревской, они сопровождали ее в поездке по Финляндии летом 1825 года¹²¹. Каролина Левандер была в том же году вместе с А.Ф.Закревской в Петербурге. О Левандер в обществе А.Ф.Закревской есть упоминание в дневнике А.А.Муханова, в записи от 9/21 октября 1824 года¹²². О встречах Боратынского с сестрами Левандер можно судить по его письму к Путяте, написанном в начале августа 1825 года в Петербурге: "Ты можешь себе вообразить как меня изумило и обрадовало неожиданное свидание с Агр(афеной) Фед(оровной), с Мисинькой¹²³ и, наконец, с Каролиной Левандер, которая вовсе было вышла из моей памяти. Я уже два раза видел их".¹²⁴

¹²⁰ O. w a s a s t j e r n a, ук. изд., стр. 259—260.

¹²¹ А.А. L i l l j a, ук. соч., стр. 174.

¹²² Дневники и письма Александра Алексеевича Муханова, Щукинский сборник, III, стр. 174. В этом издании указана следующая дата: 9/21 октября 1822, Гельсингфорс; можно предположить, что мы здесь имеем дело с ошибкой или опiskeй А.А. Муханова. Адъютантом А.А.Закревского А.А.Муханов был назначен 11/23 октября 1823 года, а Закревский прибыл в Гельсингфорс впервые только 16/28 марта 1824 года. Следовательно записи в дневнике А.А.Муханова может быть от 9/21 октября 1824 года. К тому же в следующих записях описываются события начала января 1825 года.

¹²³ Мисинька, в дневнике А.А.Муханова "Miss M...", англичанка жившая в доме Закревских.

¹²⁴ Е.А. Боратынский, Стихотворения, поэмы, проза, письма, Москва, 1951, стр. 483.

М а н н е р х е й м Карл Эрик (Mannerheim, Carl Eric 1759-1837) - барон, с 1824 г. граф, родился в Швеции, изучал правоведение в Упсальском университете. В 1777 году поступил на военную службу. С 1783 года служил в финском войске. Противник политики Густава III, один из самых активных членов конфедерации Анъяля¹²⁵. В 1790 году был приговорен к смерти, но позднее помилован. В 1796 году К.Э.Маннерхейм ушел в отставку, жил в стороне от политической и общественной жизни. В 1808 году он был избран представителем от дворянства губернии Або в делегацию, которая отправлялась из Финляндии в Петербург для переговоров о присоединении Финляндии к России. В качестве главы делегации К.Э.Маннерхейм проводил очень осторожную политику, он настаивал на том, что делегация не может входить в права народного представительства - сейма. Он был избран в комитет, подготовляющий проект финляндской конституции. После сейма в Борго Маннерхейм был назначен главой экономического отделения сената. Временно (1816-1820) он отлучается из сената, занимает пост губернатора Або и Бьернсборга. С 1820 года снова на прежнем посту в сенате. В конфликтах сената с А.А.Закревским в 1825 году Маннерхейм, в основном, стоит на стороне сената. В 1826 году К.Э.Маннерхейм уходит в отставку.

К.Э.Маннерхейм не был приверженцем новейших политических идей. Идеалом государственного устройства для него, видимо, была монархия периода "Эпохи свободы" в Швеции. В Анъяльской конфедерации он был активным представителем того крыла конфедератов, которое не столько интересовалось особым политическим положением Финляндии, сколько боролось против усиления власти короля. Взгляды Маннерхейма, видимо,

¹²⁵ См. наст. изд., стр. II7-II9.

оставались в основном теми же и в начале века. Конституцию, утвержденную на сейме в Борго, он считал неудовлетворительной. В 10-х годах XIX века он еще питал иллюзии о создании новой конституции. К.Э. Маннерхейм считает необходимым активное участие общественности во внутренней жизни государства. Этим мотивируется его положительное отношение к внесенному в сенат предложению А.И. Арвидссона о создании своей газеты¹²⁶. Но когда газета Арвидссона стала появляться, мнение К.Э.Маннерхейма было таково, что "эти статьи будут стоить его (Арвидссона - А.А.) головы и всех наших"¹²⁷. В то же время отношения Арвидссона и Маннерхейма к деятельности сената и оценка ими политического положения Финляндии имели нередко сходство. А.И.Арвидссон предпочитал К.Э.Маннерхейма другим членам сената, как человека энергичного и способного, но, тем не менее, не щадил его от резкой критики.

Уроженец Швеции, швед по национальности, К.Э.Маннерхейм становится в годы 1808-1826 самым выдающимся государственным деятелем великого княжества Финляндии. Сам К.Э.Маннерхейм стремлений финского национального движения не понимал. Но по мере роста этого движения в семье Маннерхейм появляется финнофильство - старший сын К.Э. Маннерхейма Карл Густаф (1797-1854) - выдающийся финляндский ученый энтомолог и государственный деятель, впоследствии высоко оцененный Элиасом Ленрутом¹²⁸, стал во главе Выборгского финского литературного общества и успешно добивался права употребления финского языка в местных органах страны и изучения финского

¹²⁶ L. Castrén, ук. соч., стр. 132, 233.

¹²⁷ Там же, стр. 386.

¹²⁸ A. A n t t i l a, Elias Lönnrot. Elämä ja toiminta, II, Helsinki 1931, стр. 145.

языка в университете¹²⁹.

А.А. Муханов дает очень положительный отзыв о К.Э. Маннерхейме: "Граф Маннергейм, Вице-Президент здешнего сената, Почтенный старик, как лушь седой, отличнейших правил, враг корыстолюбцев"¹³⁰

В дневнике А.А. Муханова, упоминаются также супруга К.Э. Маннерхейма графиня Маннерхейм¹³¹ Вендла София (1779 -1863), урожденная фон Виллебранд, и младшая дочь Мина (Wilhelmina) Маннерхейм¹³² (1808-1851). Вендла София Маннерхейм и супруга Валлена - Эва Густава были сестрами.

Р и х т е р¹³³ - Hedvig Margareta Richter - Гедвиг Маргарета Рихтер, урожденная фон Хаартман, супруга сенатора Карла Фредерика Рихтера (1782-1858).

Ш е р н в а л ь - Eva Aurora Charlotta Stjernvall (1808-1902). Эва Аврора Шарлотта Шернваль родилась в Бьернеборге в семье финляндского офицера Карла Иоганна Шернваля, который был впоследствии губернатором в Выборге (ум. в 1816 г.). С 1820 года Аврора Шернваль живет в Гельсингфорсе, где ее отчим К.И. Валлен занимал ответственное место при сенате. Аврора Шернваль получила хорошее домашнее образование, в свете приобрела известность красавицы. Зимой 1824 года в нее влюбляется адъютант Закревского А.А. Муханов и, видимо, под влиянием этого чувства Муханов начинает писать дневник. Е.А. Боратынский, находившийся в то же время в Гельсингфорсе, посвящает Авроре Шернваль стихотворение

¹²⁹ См. наст. изд., стр. 151.

¹³⁰ Дневники и письма А.А. Муханова, Щукинский сборник, III, стр. 175.

¹³¹ Там же, стр. 176.

¹³² Там же.

¹³³ Там же.

"Аврора III", А.А. Муханову - стихотворение "Запрос Муханову".

Через стихотворения Боратынского и семью Мухановых известность Авроры Шернваль (Гиперборейская красавица¹³⁴) проникает и в Россию. Отсюда заметка в письме П.А. Вяземского о поездке из Ревеля в Гельсингфорс: "искать следов Вашего брата и любви к Авроре"¹³⁵. С 1830 года Аврора Шернваль назначается фрейлиной при дворе. Давняя взаимная любовь Авроры Шернваль и А.А. Муханова наконец, видимо, побеждает сопротивление обоих семейств, но неожиданно перед самой свадьбой А.А. Муханов умирает. В 1836 году А. Шернваль выходит замуж за П.Н. Демидова (1798-1841), а в 1846 году за А.Н. Карамзина, сына писателя и историографа Н. Карамзина. Аврора Шернваль, личная жизнь которой сложилась не особенно счастливо, слыла в России женщиной интеллигентной, умной, добродетельной и красивой.

Ей посвящались стихотворения и музыкальные произведения. Аврора Шернваль интересовалась литературой, она бывала в литературном кружке Соллогуба, пыталась писать сама. После кончины А.Н. Карамзина Аврора Шернваль бросает светскую жизнь, а с 1868 года почти безвыездно живет в Финляндии в унаследованном от отчима К.И. Валлена поместье Järvenrää, недалеко от Гельсингфорса.

В Финляндии деятельность А. Шернваль ограничивалась главным образом крупными пожертвованиями для создания детских домов, организаций сестер милосердия и т.д.

Ее отношение к Финляндии характеризует и то, что в 1899 году, когда российское самодержавие приступило к окончательной ликвидации особого положения Финляндии в составе царской России, 91-летняя Аврора Карамзина, вспоминая свое былое влияние при дворе, поехала в Петербург "спасать Фин-

¹³⁴ Письма братьев Мухановых, Щукинский сборник, X, Москва, 1912, стр. 346.

¹³⁵ Письма кн. П.А. Вяземского Н.А., А.А. и В.А. Мухановым. 1826-1832 гг., Сборник старинных бумаг, X, М., 1901, стр. 405.

ляндию", но старушке дали в утешение лишь звание статс-дамы.

В 30-х годах XIX в. в Финляндии на шведском языке в нескольких изданиях вышла популярная биография Авроры Шернваль-Карамзиной¹³⁶. Автор использовал в числе других материалов финляндские семейные архивы. Это позволило автору в связи с описанием гельсингфорских друзей и знакомых Авроры Шернваль привести некоторые соображения, касающиеся личности и творчества Боратынского. Поэт изображается застенчивым, мечтательным юношей, носителем мировой скорби, пишущим стихи, посвященные Авроре. Так на стр. 58 приводится перевод на шведский стихотворения Боратынского "Звезда" с подзаголовком "Aurora Stjernvall". Под звездой якобы подразумевается А. Шернваль (по-шведски stjärna - "звезда"). Это же мнение на основе данных Кварнстрем повторяет и Френкель¹³⁷. Мнение этих авторов относительно создания стихотворения "Звезда" приходится считать, в основном, неверным. Стихотворение "Звезда" было известно А.И. Тургеневу уже в начале августа 1824 г.¹³⁸ Напечатано стихотворение было в "Северных Цветах" на 1825 год. Итак, стихотворение было написано до поездки Боратынского в Гельсингфорс и, следовательно, до знакомства с А. Шернваль. В Гельсингфорсе Боратынский мог, конечно, связать основной художественный образ стихотворения с фамилией Шернваль, но более вероятно, что это лишь ошибочное мнение гельсингфорского общества.

Гельсингфорский период в жизни Е.А. Боратынского стимулировал создание многих произведений, но для развития финляндской темы в его творчестве он не имеет особого значения. Финляндская тема зародилась в глуши юго-западной Финляндии из наблюдений над природой и бытом местного населения.

136

I. Q v a r n s t r ö m, Ett legendomspunnet liv. Aurora Karamsin och hennes samtid. Tredje upplagan, Helsingfors, 1937.

137

Е. М. в. Ф р е н с к е л л, ук. соч., стр. 327.

138 Остафьевский архив, Ш, СПб, 1899, стр. 69.

* * *

Во времени пребывания Е.А. Боратынского в Финляндии (1820-1825) великий перелом в истории этой страны уже произошел - события 1808-1809 года, предвиденные Г.М. Спренгтпортемом еще в 80-х годах XVIII века, стали уже историей. Послевоенные экономические трудности были преодолены, но утратились уже и многие иллюзии, возникшие в связи с либеральными настроениями начала царствования Александра I.

Новый генерал-губернатор Финляндии А.А. Закревский представлял уже реальные, не прикрытые либеральными фразами, отношения России как метрополии и Финляндии как провинции. Происходят первые резкие столкновения между генерал-губернатором, посягавшем на права Финляндии, и сенатом, в основном защищавшем конституцию страны. Начался период, когда "царизм систематически нарушал финляндскую конституцию, расширяя права русского генерал-губернатора и не созывая собрания представителей финского населения (сейма)".¹³⁹

С первыми годами пребывания Е.А. Боратынского в Финляндии совпадает самый активный период публицистической деятельности А.И. Арвидссона. В годы 1822-1823 правительство Финляндии, при активной поддержке генерал-губернатора, проводит репрессии против А.И. Арвидссона, приведшие к его эмиграции в Швецию.

Очевидно, что с А.И. Арвидссоном Е. Боратынскому не пришлось встречаться, как и не пришлось читать его статей. Возможное косвенное ознакомление с идеями финского национального движения не имело для Боратынского существенного значения.

За пять лет с перерывами, проведенных Боратынским в Финляндии, ему пришлось встречаться со многими местными жителями. По сохранившимся записям современников, Н. Коншина, А.А. Муханова, В. Путяты, и письмам самого Боратынского сделана попытка несколько осветить вопрос о финляндском

139 История СССР, т. I, Москва, 1956, стр. 658.

окружении поэта. Перечень лиц, данный в статье, без сомнения, не охватывает всех финляндцев, с которыми когда-либо Боратынскому приходилось встречаться, но он может послужить как бы первоначальной наметкой для определения тех кругов, в которых вращался Боратынский в Финляндии.

Имеющаяся в статьях П.С.Бейсова мысль о связях Боратынского с лицами, принимавшими участие в событиях 80-х годов ХУШ века в Финляндии, представляется весьма маловероятной. Однополчане Е.Боратынского являются фактически лишь однофамильцами тех лиц, которые были около 40 лет назад связаны с конфедерацией Аньяла.

С бывшими конфедератами Аньяла Е.А.Боратынский мог встречаться лишь в Гельсингфорсе в доме А.А.Закревского, но гельсингфорские встречи с людьми тамошних аристократических кругов, вернее всего, не приводили к более близкому знакомству.

В первой половине 20-х годов идеи финского национального движения не имели резонанса в широких слоях финляндской, в основном шведского происхождения, аристократии.

Но, тем не менее, до Е.А.Боратынского могли доходить отголоски как событий и идей периода конфедерации Аньяла, так и современных, назревших в Або представлений о культурном возрождении финнов. Что касается интерпретации этих событий и идей, если они доходили до Боратынского, то о ней можно косвенно судить по духу, в котором дано описание финляндских друзей Н. Коншиним. Здесь на передний план выдвинуты Клеркер, Эссен, Рамзай — отпрыски финляндской аристократии, занимавшей ответственные посты в Финляндии до 1808 года. Не верится чтобы им, людям шведской ориентации, были бы особенно понятны идеи Арвидссона или конфедератов Аньяла. В известной степени, именно поэтому в произведениях Боратынского на финляндскую тему финским является только пейзаж.

Клеркер, Эссен и Рамзай, а также, вероятно, и другие финляндцы нейшлотского полка, не являются ни в каком отношении нетипичными людьми того времени. Наоборот, они — ти-

пичные представители своего поколения. Идеи сепаратистов ХУШ в. утеряли для них интерес, а новые идеи зарождающегося финского национального движения были для них еще чужды.

Несмотря на то, что Е.А.Боратынский находился в Финляндии, когда в прежней столице страны, в Або, наступил кульминационный период первой волны финского национального движения, "Абоского романтизма", Боратынский не имел никаких связей с финляндским общественным движением. Проживая главным образом в глуши, вдали от культурных центров Финляндии, он должен был более интересоваться событиями в Петербурге, чем в Финляндии.

Именной указатель.

Александр I - II9, I20, I36, I54, I6I.
Аммондт О.В. - I33, I48.
Арвидссон И.А. - I2I, I23, I24, I36, I53, I57, I6I.
Арифельт А. - I42, I50-I52, I53.
Арифельт Г.М. - I20, I2I, I50-I5I.
Бейсов П.С. - II3, I39, I44, I62.
Бернадотт - I5I.
Бородкин М. - II3.
Брун - I34.
Валлен К.Й. - I22, I52-I53, I58, I59.
Витгенштейн - I49.
Вяземский П.А. - I30, I5I, I59.
Густав III - II5, II6, II8, I56.
Даниельсон-Калмари И.Р. - I53.
Демидов П.Н. - I59.
Егерхурн Я.А. - II7, II8, II9, I44.
Екатерина II - II7, II8, I5I.
Закревская А.Ф. - I49, I50, I52, I55.
Закревский А.А. - I23, I24, I25, I29, I37, I49, I52,
I54, I55, I56, I58, I6I, I62.
Карамзин А.Н. - I59.
Карамзин Н. - I59.
Карл XII - II4.
Карху Э. - I47.
Кварнстрем И. - I60.
Клеркер К. - I29, I34-I37, I46, I47, I48, I62.
Клеркер К.Н. - I34, I35, I36.
Комнено - II2.
Коншин Н. - II2, II3, I28, I35, I37, I38, I40, I4I,
I43, I45, I46, I6I, I62.
Крунстедт Г.А. - I54.
Крунстедт К.У. (старший) - I54.
Крунстедт К.У. (младший) - I54.
Левандер А. - I55.

Левандер К. - I55.
Левстрем - I37.
Ленин В.И. - II4.
Ленрут Э. - I26, I4I, I57.
Лутковский - II2.
Маннерхейм В.С. - I58.
Маннерхейм К.Г. - I5I, I57.
Маннерхейм К.Э. - II8, II9, I20, I56-I58.
Маннерхейм Мина - I58.
Медведева И.Н. - II3, I2I.
Меньшиков - I4I.
Мисинька - Miss M..., англичанка - I55.
Мухановы - I59.
Муханов А.А. - II4, I24, I25, I49, I50, I52, I54,
I58, I59, I6I.
Нервандер Й.Я. - I26.
Нордман Б. - I37.
Нордман Д.А. - I37.
Нордман Фр. - I37.
Нурмис Ю. - I42, I43.
Ордин К.Ф. - II3, I44.
Полторацкий С.Д. - I29.
Портан Х.Г. - II5, I2I.
Путята Н.В. - II2, I24, I28, I29, I49, I50, I55, I6I.
Рамзай (Рамсе) - I37-I43.
Рамзай А. - I38.
Рамзай А.Э. - I40.
Рамзай Г.А. - I38-I43, I48, I62.
Рамзай К.А. - I40.
Рамзай И.В. - I40.
Рамзай Кр.В. - I38, I39.
Рамзай фр.А. - I39.
Ребиндер Р. - I2I.
Рихтер К.Фр. - I58.

Рихтер Х.М. - 158.
Рунеберг И.Л. - 126.
Сигнеус (Аммонд) А.К.С. - 133.
Сигнеус Фр. - 126, 133.
Сигнеус Ц. - 148.
Снеллман И.В. - 126, 141-142.
Соллогуб - 159.
Сперанский М.М. - 139.
Спренгтпортен Г.М. - 116, 117, 138, 139, 144, 161.
Суворов А.В. - 127.
Топелиус Э. - 130.
Тургенев А.И. - 160.
Уксеншерна (Армфельт) С.Фр. - 152.
Френкель Е.М. - 150, 160.
Кури А. - 114.
Шегрен А.Й. - 121, 125, 133, 148.
Шернваль К.Й. - 152, 158.
Шернваль (Демидова, Карамзина) Э.А.Ш. - 153, 158-160.
Шернваль (Валлен) Э.Г. - 153, 158.
Шернваль Э. (Мусина-Пушкина) - 153.
Шернваль-Валлен К.Э.К. - 153.
Эссен Д.А. - 139, 144, 145.
Эссен О.В. - 138, 139, 143-145, 146, 147, 162.
Эссен О.Р. - 143, 145.
Якушкин И.Д. - 127.

Указатель финляндских географических названий.

Або - 122, 123, 124, 125, 130, 131, 136, 151, 156, 163.
Аньяла - 117, 128.
Борго - 119, 121, 123, 136, 139, 140, 143, 156, 157.
Бьернеборг - 156, 158.
Вильманстранд, финск. Lappeenranta , шв. Willmanstrand -
126, 129.
Выборг - 126, 137, 158.
Гельсингфорс - 123, 124, 125, 126, 127, 129, 130, 131,
135, 138, 142, 149, 150, 152, 158, 159,
160, 162.
Карелия - 138.
Куопио - 137, 138, 140, 141, 142, 143.
Кюмень (местечко) - 126, 127, 132.
Кюмень (река), шв. Kymmene , финск. Kymijoki - 127.
Лийкала - 118, 126, 128, 147.
Роченсальм, Роченсальмские укрепления - 126, 127, 128,
133, 136, 137.
Саволакс - 138.
Сайма (озеро) - 129.
Свеаборг - 127, 130, 154.
Свенсквунд - см. Ruotsinsalmi
Форт Слава - 127.
Фридрихсгам, финск. Namina , шв. Fredrikshamn - 123, 126,
128, 134, 135, 136.
Хаапаниemi - 128.
Хейнола (Гейнола) - 144.
Якарби - 143.
Järvenpää - 159.
Olsby - Kymmenegård, фин. Kyminkartano - 127.
Ruotsinsalmi, шв. Svensksund - 127.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Э. С И Й М А Н. К истории чередования задне- язычных со свистящими в русском языке	3
К. Л У М Е Р А. Лексика, связанная с народной астрономией	18
А. М Я Г Г И, У. В А Х Т Е Р. Особенности русской диалектной лексики о-ва Пийрисаара, связанной с народной одеждой	33
М. С А Л У П Е Р Е. Из комментариев к текстам А.С. Пушкина	49
С. Й Ы Г И С Е. Роман А.С. Грина "Блестящий мир"	56
Т. В Е Р Х О У С Т И Н С К А Я Л. Лиходеев как фельетонист	69
А. Х А Л Л И К. Две повести В. Тендрякова	96
А.А. А М Б У С. Е.А. Боратынский в Финляндии. Историко-биографический комментарий	112

Hind 49 kop.

8 Lps 3

TÜ RAAMATUKOGU

1 0300 00292173 4